VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

ЮРИЙ АСТАФЬЕВ

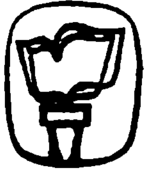
С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ С ОСЬМИНОГОМ

ЮРИЙ АСТАФЬЕВ

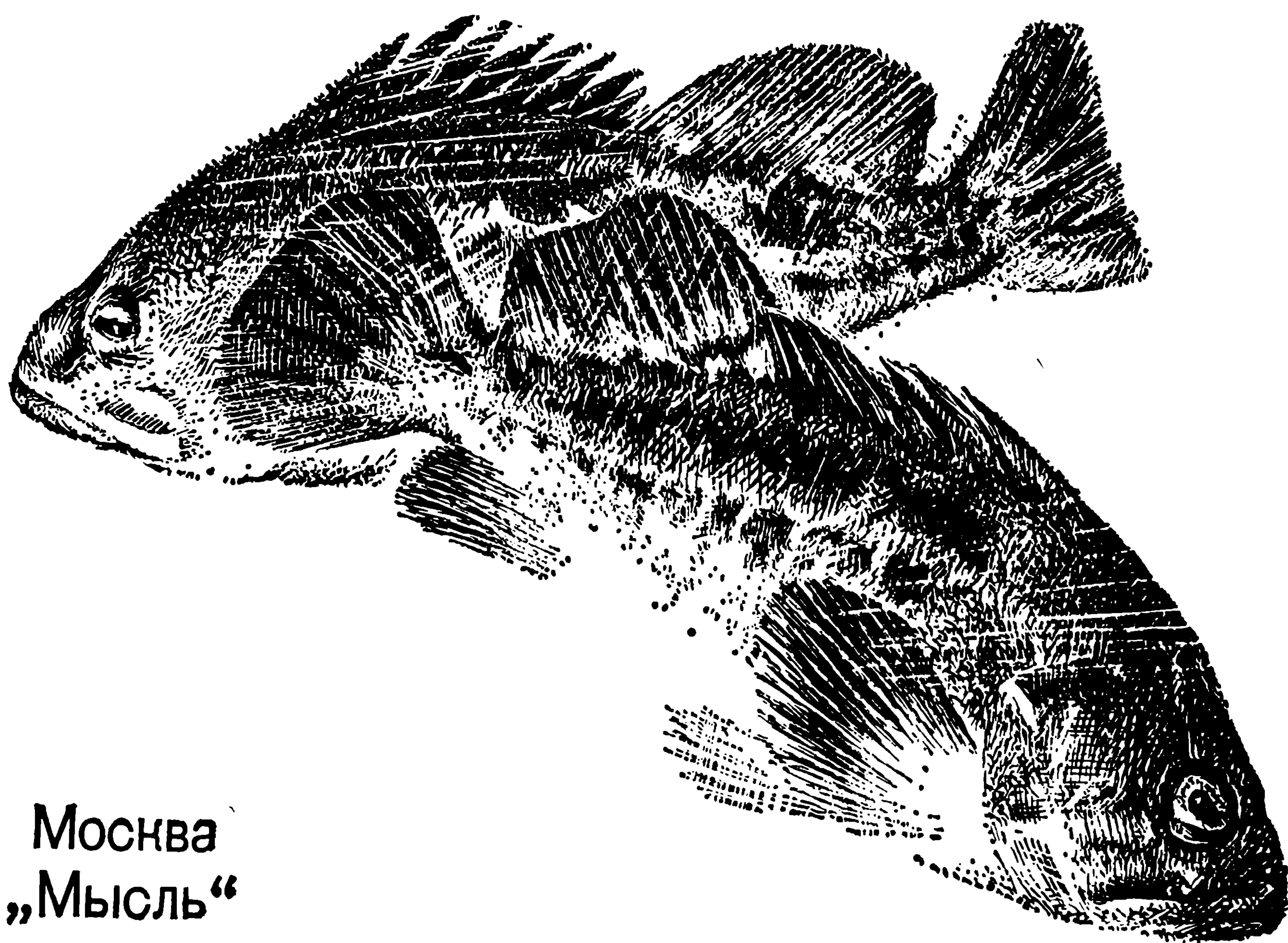

С глазу на глаз с осьминогом

Юрий Астафьев

Москва
„Мысль“
1981

28.691
А 91

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Фотографии
Ю. Ф. АСТАФЬЕВА

Рецензенты: кандидат географических наук Н. Н. ДРОЗДОВ, кандидат биологических наук К. Н. НЕСИС

Астафьев Ю. Ф.

А 91 С глазу на глаз с осьминогом:— М.: Мысль, 1981.— 160 с., ил., 16 л. ил.

1 р. 40 к.

Автор, много лет занимающийся подводными исследованиями, рассказывает о поведении осьминогов в среде их обитания, о попытках выработать у них условные рефлексы, оценивает степень их опасности при контакте с человеком.

А $\frac{20901\text{-}012}{004(01)\text{-}81}$ 139-81. 1905010000

ББК 28.691
592

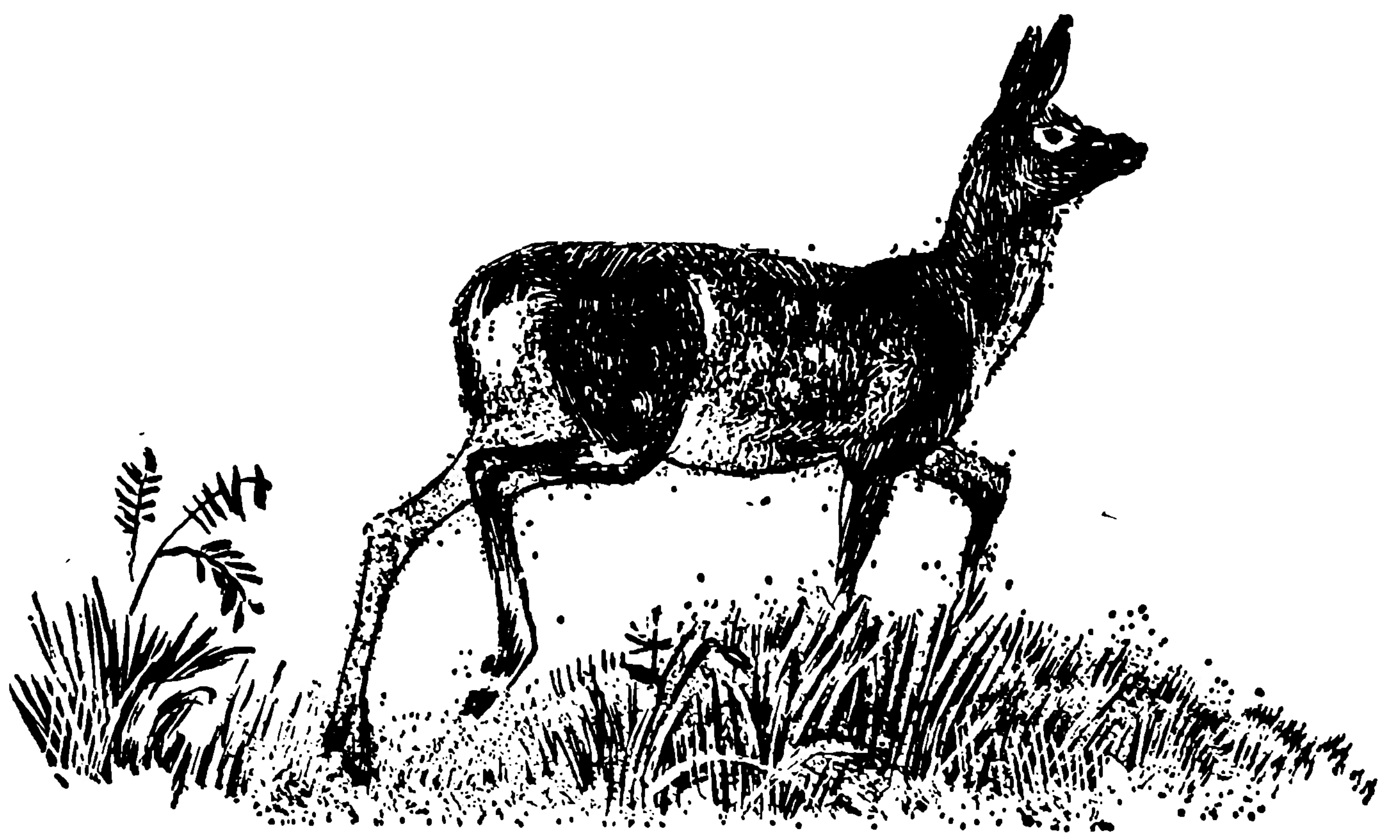
© Издательство «Мысль», 1981

I Первые встречи

Прошло уж много лет, но первое погружение в Японском море помнится мне до мельчайших подробностей.

Мои новые товарищи, с которыми я познакомился здесь, на Острове, привели меня к пирсу. И хотя он расположен поблизости от поселка, но именно отсюда посоветовали они начать знакомство со здешним подводным миром. К небольшому деревянному пирсу, на который выведен водопровод, изредка подходили за пресной водой сейнеры. Глубина у пирса небольшая, всего три-четыре метра. Раздевшись, мы попрыгали в воду. И сразу от необычной картины учащенно заколотилось сердце: через стекло подводной маски я увидел вставшие передо мной двухметровой зеленой стеной заросли морской травы — зостеры. Кое-где виднелись светло-коричневые и оливковые кусты водорослей саргассов, протянувшие перистые ветви-слоевища, усыпанные золотистыми шариками. Эти шарики держали кусты на плаву, и они поднимались пушистыми купами к серебристой поверхности воды. В некоторых местах заросли прорезали узкие коридоры, кое-где расширяясь в небольшие поляны. На этих полянах лежали громадные, как мне показалось, морские звезды розового и лилового цвета. Среди узких листьев травы извивались зеленые рыбки, похожие на небольших змеек. Иногда из глубины зарослей выплывали темные, почти черные, рыбы и разглядывали меня. Стайки маленьких креветок, как комарики, толклись между кустами водорослей. Осторожно раздвинув траву, я увидел притаившуюся на дне камбалу, беспокойно завращавшую оранжевыми глазами. По водорослям переползали небольшие раки-отшельники с темно-зелеными клешнями и неуклюжие, напоминающие пауков крабы.

Это было непохоже на все, что я до сих пор видел под водой, и меня охватило радостное чувство приобщения к многообразному и прекрасному миру океана. Я живо представил: отсюда невидимые подводные пути ведут далеко на юг, где лежат коралловые рифы, на севере они достигают полярных льдов. Здесь же, в районе залива Петра Великого, встречаются теплые и холодные воды Тихого океана. Сей-

час передо мной открываются новые дороги и на них меня ждет много неизвестного и таинственного. Множество животных населяют этот район, и среди них я могу встретить представителей как северных, так и субтропических областей.

Я удалялся от пирса вдоль берега все дальше, и мне попадались все новые и новые животные. Вот вдали на довольно обширной полянке я заметил какое-то большое светлое пятно. По мере приближения его очертание становилось все более четким, и передо мной оказалась глыба из громадных раковин устриц. Крепко сросшиеся в единый монолит, моллюски сидели на лапе якоря, оставленного на дне каким-то сейнером. Волнистые створки раковин были приоткрыты, и между ними виднелся обрамленный складками мантии щелевидный вход во внутреннюю полость. Складки мантии были похожи на губы, и казалось, что множество открытых ртов втягивает воду. Глубина становилась все меньше и меньше. Заросли водорослей стали редеть, появились обширные участки, покрытые гравием, и, наконец, я выплыл на мелководную отмель. Здесь начинался устричник. Невзрачные светло-серые раковины лежали на дне вплотную друг возле друга, образуя своеобразную мостовую, которая широкой полосой тянулась параллельно берегу. Только яркие звезды оживляли однообразие цветовой гаммы да крупные раки-отшельники не спеша ползали, перебирая волосатыми клешнями. Изредка попадались морские ежи, прикрытые камешками и пустыми створками раковин. Я повернул обратно и

снова поплыл среди зарослей травы по узким коридорам, похожим на тропы в джунглях.

Я вылез на пирс, когда мои товарищи уже собрались домой. В ведерках у них находились собранные различные морские животные, с которыми им предстояло работать. Трое молодых биологов — кандидатов наук, это и был в полном составе экспедиционный отряд из Москвы. Глава отряда Николай Борисович — представительный и важный. Худощавый светловолосый Митя полон веселой доброжелательности. Игорь — спокойный, серьезный, всегда приветлив. Все увлекались подводным плаванием и, будучи не раз в этих краях, хорошо знали подводный мир Японского моря. Общение с ними дало мне впоследствии очень много.

А сейчас они спешили в свою лабораторию, где их ожидала работа. Я же остался на пирсе. Вот на него сели две чайки и спокойно поглядывали в мою сторону. На волнах вспыхивали блики солнечного света, убегая к высокой остроконечной сопке на другой стороне широкого залива. Устроившись на конце пирса, я свесил вниз голову, стараясь еще раз бросить взгляд в подводный мир. Сквозь зеленоватую воду виднелись колеблющиеся водоросли, расплывались цветные пятна звезд, скользили стайки небольших рыб.

В начале шестидесятых годов я считал себя уже опытным подводником. Несколько сезонов, проведенных на Черном море, казалось, давали на это право. Все чаще я начинал подумывать о поездке на Дальний Восток. Особых целей я не ставил и поездку рассматривал как завершение своего

увлечения подводным спортом — увидеть мир Океана и на этом подвести черту. Я не подозревал, что эта поездка изменит многое в моей жизни. Перед первой поездкой я часто думал об осьминогах. Это и понятно: много противоречивого и загадочного приходилось читать об этих животных. Мне представлялось, что это обычные для морей Тихого океана животные, и я их найду под водой без особого труда. Взглянуть на них и попытаться сделать подводные фотографии — это было вершиной моих стремлений. Предполагаемые встречи будоражили мое воображение.

И сейчас, лежа на теплых досках причала, я думал об осьминогах. Невольно мой взгляд обращался к гряде пологих сопок за поселком. За ними, на той стороне Острова, как поведали мне биологи, находятся замечательные бухты с отвесными скалами и рифами. Кристально чистая вода омывает их основания. Что же ждет меня там? И я подумал, что в тех бухтах я наверняка должен встретить осьминогов!

На следующий день отправляюсь на противоположную сторону Острова. Биологи, к сожалению, не могут пойти со мной — у них срочный эксперимент.

Дорога, огибая поселок, довольно быстро выводит меня к бухте с широким песчаным пляжем. За ней идут одна за другой полукружия обширных бухт, разделенных между собой скалистыми мысами. В море, недалеко от берега, гигантской аркой возвышается скала, около нее виднеется цепочка зубчатых рифов. Биологи правы: бухты просто великолепны! Но как же здесь войти в море? Из-за горизонта идут ряды высоких волн, с тяжелым шумом проходят они рифы и бьются белыми валами у берега. А ветра почти нет. Мелькает мысль: что если такая зыбь постоянна? Но тут же отгоняю ее — видимо, это отголоски прошедшего недавнего тайфуна.

Расстроенный, возвращаюсь обратно. А около поселка море по-прежнему спокойно: глубоко вдающийся в сушу залив надежно прикрыт от набегающих с открытого моря волн.

— Не печалься,— говорит Николай Борисович,— успеешь все посмотреть, времени у тебя много. Сходи еще раз к пирсу. Сегодня у нас кончается эксперимент, а завтра все вместе пойдем к Слону или к Гроту — там самое тихое место. И волнение должно уменьшиться.

Утром выходим в путь. Минуя поселок, дорога поло́го поднимается вверх и уводит нас в глубь леса. Непривычен для меня его вид: деревья, в основном дубы, стоят неблизко друг от друга. Некоторые из них, особенно по гребням невы-

соких увалов, имеют плоские, как зонтики, кроны. По склонам взбегают ряды словно подстриженных кустов. Все это похоже на необычный парк. Иногда деревья расступаются, открывая обширные поляны. Волной пробегает по высоким травам ветерок, неся запахи водорослей и полыни.

Над цветами порхают черные, необычайно большие бабочки, которых издали я было принял за странных, медленно летающих маленьких птиц.

— Махаон Маака,— поясняет Митя,— самый крупный у нас вид дневной бабочки.

Одна из бабочек пролетает совсем близко, и я вижу, как темные ее крылья вспыхивают сине-зеленым блеском. Неожиданно среди кустов замелькали рыже-коричневые пятнистые бока оленей — потревоженное стадо бежит вверх по склону. Вот олени настороженно застывают цепочкой на гребне увала и, повернув голову, провожают нас взглядами.

Все дальше ведет нас дорога по склонам сопок. Вскоре открывается первая бухта и слева от нее остается бурая скала, напоминающая своим контуром птицу,— это Петух. Сильный накат волн разбивается у ее подножия. Идем дальше. Одна бухта сменяет другую. Но везде сильный прибой. Правда, он несколько слабеет, и это радует. Вот и Слон. Скала действительно напоминает это животное. Стоит этот каменный слон передними ногами в море, опустив в него хобот, словно припал к воде и не может оторваться. Но волнение сильное.

— Зыбь видна и у юго-восточной оконечности острова,— говорит Николай Борисович, всматриваясь вдаль,— дальше должно быть спокойнее. Но пройти еще придется два-три километра.

А я только радуюсь — мы идем уже около часа, и все это время я задаю вопросы.

Мне интересно знать, какие в бухтах глубины у берега, характер дна, где и какие встречаются животные. Отвечают мои друзья обстоятельно, но частенько употребляют непонятные мне слова, такие, как «патирия» или «эвастерия». Оказывается это определенные виды звезд, а нудус — морской еж, эолис — моллюск, филлоспадикс — вид морской травы, амфитрита и нереис — морские черви. Красивые и загадочные названия. Я переспрашиваю, и Митя с Игорем подробно и серьезно мне объясняют. Это еще больше располагает к ним — мне приятно, что молодые ученые принимают меня как равного. Но Николай Борисович в этих случаях помалкивает. Нет-нет да и промелькнет у него легкая усмешка.

— А осьминогов вы не встречали? — спрашиваю я наконец о главном.

В первые дни я постеснялся задать этот вопрос, чтобы не выглядеть этаким искателем острых ощущений. К тому же около поселка, где мы плавали, был низменный берег, отсутствовали на дне большие камни — даже я был уверен, что осьминогов здесь нет. Но теперь, при виде всего великолепия открывающегося берега, считал вопрос вполне уместным.

— Чего не видели, того не видели.

— Как же так? Да им только и быть в таких вот бухтах!

— Ты так считаешь? И мы были уверены в этом! Помнишь, Митя? — усмехается Николай Борисович.

— И в расщелинах смотрели, и в гротах, и под камнями?

— Конечно, смотрели! Ты думаешь, что мы не знаем, где искать осьминогов? — Николай Борисович говорит уже с досадой.

А я не унимаюсь:

— Может быть, надо было поглубже нырять?

— Вполне вероятно! Вот ты и попробуй.

И тут меня почему-то обижает этот в общем-то правильный ответ, и я с вызовом отвечаю:

— Я-то уж найду обязательно!

— Тогда и нам осьминога покажешь... Ну, что я вам говорил! — Николай Борисович отворачивается и кивает на показавшуюся за поворотом небольшую бухту, ограниченную грядой рифов и пологой скалой, у основания которой темнеет треугольный проем грота. Небольшие волны набегают на берег. А вдалеке опять качаются валы зыби. Но отсекаемые далеко выдающейся в море оконечностью острова огибают это тихое и уютное место. Это и есть Грот — как называют между собой бухту биологи.

А меня не покидает легкая обида. Почему Николай Борисович скептически относится к моим намерениям? Неужели так трудно найти осьминогов? Но не безнадежно же! И уже поднимается во мне какая-то злость и укрепляется твердое желание во что бы то ни стало найти осьминога. Не ради того, чтобы доказать Николаю Борисовичу, нет! А как достижение поставленной перед собой трудной цели...

Здесь под водой было все иначе, чем у пирса. И снова я плыву, восхищаясь увиденным. Вблизи берега под водой начинался сплошной каменный массив. На его светло-серой поверхности четко выделялись темно-бордовые шарики, ощетинившиеся длинными иглами, морских ежей нудусов. Меж-

ду ними расположились синие с узорами из алых и оранжевых пятен звезды патирии. Плавно колыхались длинные узкие ленты морского льна — филлоспадикса, растущего на отдельных выступах. Дно понижалось небольшими террасами, и чем глубже оно становилось, тем больше появлялось животных: здесь были звезды с узкими розовыми лучами, колонии губок с затейливыми выростами голубого и желтоватого цвета. Многочисленные отверстия-выходы покрывали поверхность губок миниатюрными кратерами. Большие, в ладонь величиной, раковины двустворчатого моллюска мидии укрепились на каменной поверхности целыми гроздьями.

Подняв из воды голову, Митя окликает меня и подзывает к себе. Под ним на небольшой площадке стоит ярко-красная ваза или скорее древнегреческая амфора. В верхней части два горлышка-отростка, похожих на рожки. Через них можно заглянуть внутрь этого сосуда. Я различаю там подобие некой решетки. Трудно поверить, что это животное, — настолько необычен его вид. Дотрагиваюсь до него рукой, и тотчас же рожки-сифоны закрываются, и животное сжимается, словно мяч, из которого выпустили воздух. Это асцидия. Как маленький насос, перекачивает она через сифоны воду, получая таким образом кислород и пищу, которая и улавливается своеобразным жаберным аппаратом, похожим на это подобие решетки.

Недалеко от асцидии дугой выгнулась большая гусеница коричневого цвета, украшенная рядами конических выростов. Так вот он какой, трепанг, ценнейшая добыча с древних времен! Беру его в руки, и это довольно красивое животное начинает округляться, шипы втягиваются и исчезают, и вот на руке у меня плотный комок, похожий на скользкую картофелину.

Митя увлекает меня дальше. Каменный массив круто обрывается, начинается отмель. Плывем вдоль ее границы. Дно постепенно понижается, а каменная стена растет вверх, достигает поверхности воды и переходит в гребенчатый риф. И тут я вижу первую актинию. Она сидит на выступе, прикрепившись подошвой к каменной поверхности. Ее светло-коричневое тело пронизано солнечным светом и как бы светится изнутри. Пышная шапка многочисленных тонких щупалец делает это животное похожим на необыкновенный цветок, напоминающий георгин или хризантему. Я не могу оторвать от нее глаз. Но Митя тянет меня за руку. Вот еще актинии: большая, а у ее подошвы несколько маленьких. Потом целая группа, похожая на букет.

Стены рифа становятся вертикальными, их рассекают ущелья. Пересекаясь одно с другим, они образуют своеобразный лабиринт. Актиний становится все больше, и мы вплываем в настоящее их царство: стены узкого ущелья сплошным ковром покрыты этими животными. В каскадах сверкающих пузырьков воздуха постоянно врываются в ущелья потоки воды. И колышутся щупальца актиний, как лепестки цветов от дуновения ветра. Настоящие сады Нептуна! Вначале мы видим актиний, окрашенных в красноватые и коричневые тона. Но вот среди них различаем группу оливкового цвета, дальше идет полоса зеленоватых, потом бордовых. Минуем очередной поворот и в небольшом тупичке видим поселение светло-зеленых актиний. Нежнейшие переливы цвета, щупальца словно сделаны из тончайшего стекла.

На берегу я узнаю, что это актинии метридиум, одно из самых распространенных в этих водах кишечнополостных животных.

Биологи спокойно выслушивают мои восторги — для них это давно знакомая картина. А я уже вслух провожу параллель с коралловыми рифами. Мне, конечно, трудно судить, ведь я видел коралловые колонии только на фотографиях и в кинофильмах. Но все же считаю, что такие обширные поселения актиний должны мало в чем уступать по красоте кораллам, тем более что это очень близкие между собой группы животных. Но в отличие от актиний, коралловые полипы создают известковый скелет, образующий общее основание для множества особей. Вместе с тем отдельные коралловые полипы очень маленькие — всего несколько миллиметров, тогда как актинии метридиум достигают в диаметре десяти — пятнадцати сантиметров.

— То, что ты говоришь, верно, но все же прелесть коралловых колоний как раз в известковых образованиях, подчас очень своеобразных и причудливых,— замечает Митя.

— А ты заметил фигурный выступ, покрытый красными актиниями, да еще в обрамлении розовых наростов известковых водорослей? — спрашиваю я у Мити.

— Да, в этом что-то есть! И рядом еще оливковые актинии... Тебе надо обязательно сфотографировать их! Не забудь еще и ежей —их изобилие тоже впечатляет. Всегда плаваешь около них с опаской. Вот видишь, укол их как удар отравленной стрелы,— Митя пытается извлечь из ноги обломок иглы ежа и добавляет: — Как бы нога не воспалилась...

— Конечно, сфотографирую, но у меня только черно-белая пленка.

Я достаю свой «Зоркий» в самодельном пластмассовом боксе. Мне заранее ясно, что вся красота увиденного здесь останется только в памяти.

С сожалением покидал я эту бухту, понимая, что вновь здесь буду не скоро — слишком далеко она лежит от поселка и ходить сюда со снаряжением тяжело.

Дождь начался еще ночью и теперь льет, не переставая. Плывут тяжелые тучи, цепляясь за вершины сопок. Набросив на плечи плащ и прыгая через потоки воды, добираюсь до биологов: мы живем недалеко друг от друга. Но они еще спят — наверное, опять всю ночь работали. Чаще всего в экспериментах они используют голожаберного моллюска тритонию, а получают этих моллюсков на сейнерах, вернувшихся с лова вечером.

Когда я вижу тритонию, каждый раз жалею, что не встретил ее под водой,— ведь обитает это животное на глубинах, мне недоступных. Какой это прекрасный моллюск! Лишенное раковины тело ярко-розового цвета. По бокам туловища идут крупные сильноветвистые жаберные выросты, похожие на кружевную оторочку. На голове зеленые щупальца — ринофоры. Длина моллюска двадцать — двадцать пять сантиметров. А главное — тритония оказалась совершенно исключительным объектом для физиологических исследований. Дело в том, что это животное имеет очень крупные нервные клетки, некоторые видны даже без микроскопа.

Работа биологов направлена на выявление природы передачи сигналов в нервных клетках. Суть ее мне до конца не ясна, но одно поразило сразу: при экспериментах биологи замеряли электрический потенциал нервной клетки! Какими же тонкими и сложными должны быть методы исследований — в клетку надо ввести микроскопические электроды, измерить и записать электрические сигналы! Для этого биологи привезли сюда сложнейшую электронную аппаратуру.

Стараясь не разбудить спящих, осторожно прохожу в лабораторию. Там, рядом с дверью, полка с книгами, и среди них самая нужная для меня — Атлас беспозвоночных Дальневосточных морей СССР. Устраиваюсь поудобнее и углубляюсь в изучение подводного мира. И хотя в руках научный труд, он увлекает меня. Я мысленно снова возвращаюсь под воду: вот крабы-пауки, которых я видел у водяного пирса,—

они называются водорослевыми, или пугетти. Среди зарослей морских трав живут крупные креветки — травяные шримы, или чилимы. Надо будет поискать! Раков-отшельников, оказывается, несколько видов, а морских звезд множество. Те, что я видел у пирса, называются амурскими. Потом меня заинтересовал плоский морской еж. Он не имеет крупных игл и похож на круглый тонкий пряник. Надо поинтересоваться у биологов, видели ли они здесь такого ежа? Трепанг голотурия, так же как звезды и ежи, относится к иглокожим... Все новые и новые животные смотрели на меня со страниц Атласа.

А между тем в доме слышны уже были разговоры, и вскоре начался новый рабочий день. В лаборатории собрались биологи. Они обсуждали эксперименты, а я листал Атлас и исподтишка наблюдал за биологами. Николай Борисович для меня непонятная, сложная натура. Но одно ясно — одержим своей работой. За ней он забывает обо всем. Приходится только удивляться его энергии. Сейчас разговор вел строго, как будто читал лекцию, но в то же время чувствовалась какая-то торопливость в мыслях, словно он хотел опередить события, быстрее получить результаты.

У Мити же за простой, даже шутливой фразой часто скрыт большой смысл. Он тоже одержим работой, но делает все как-то весело. И, как ни странно, он иногда удерживает Николая Борисовича от поспешных выводов. Его непосредственный веселый нрав часто разряжает обстановку, и я вижу, как несколькими фразами он направляет обсуждение в нужное русло.

Игорь же, образно говоря, руки экспедиции. Это он измеряет электрические сигналы и обрабатывает данные. Он редко вмешивается в возникающие споры, но так выполняет свою работу, что придирчивый Николай Борисович редко ставит под сомнение результаты его работы. Смотрю на Игоря и думаю, сколько написано об умельцах, делающих разные вещицы, которые можно разглядеть лишь под микроскопом. А он выполняет работу, которая по тонкости сложнее, чем подковать блоху, но о ней мало кто знает.

— Ну, что сидишь и скучаешь, ластоногий? Разве дождь тебе помеха,— говорит мне входя хозяин дома Арзамасов,— все равно будешь в воде. Одевай свой гидрокостюм и шагай к морю. А чтобы народ на улице не пугать, надень сверху плащ. Потом здесь же и переоденешься. Вот сейчас пообедаем и отправляйся. Кончайте свои обсуждения,— командует он биологам.— Всем обедать!

При первой встрече с биологами я не обратил на него особого внимания. Это был стройный, совсем молодой еще человек с несколько мальчишеским выражением лица. «То ли аспирант, то ли ассистент»,— подумал я. Он оказался главным инженером рыбокомбината. Ему принадлежит половина домика, но он ютится в маленькой комнатке, остальную жилплощадь отдал биологам. Леонид Андреевич добр и отзывчив. Немало на острове перебывало разных экспедиций, и все они так или иначе обращались к нему за помощью. И как-то вольно или невольно они группировались вокруг него, образуя некий научный коллектив. Арзамасов исполнял обязанности директора на общественных началах на этой импровизированной биостанции, а Николай Борисович был как бы его заместителем по научной части.

— Наш бог-покровитель,— говорит он об Арзамасове.

И если это сказал Николай Борисович, то добавить тут нечего. Он тоже добросовестно выполнял свои общественные обязанности — организовывал научные встречи и симпозиумы. Я присутствовал на некоторых из них, но разговоры велись настолько сугубо научные, что мне простонапросто было скучно. Для меня главное — узнать подводный мир, разобраться в законах, которые управляют его жизнью, в отношениях между обитателями моря.

Чаще всего я завожу разговоры на эти темы с Митей. Меня все больше и больше привлекает этот человек. Он хороший рассказчик и, увлекаясь, может подолгу беседовать со мной. Часто мы говорим об осьминогах. Митя хорошо знает их биологию. Он занимается нервной системой беспозвоночных животных и много работал с осьминогами. Знание их анатомии, физиологии, высшей нервной деятельности — результат не только научной работы, но и огромного его интереса к этим животным.

Незадолго до моего приезда рыбаки привезли биологам вместе с тритониями крохотного осьминога, который прожил у них в аквариуме несколько дней. Митя буквально загорался, когда вспоминал об этом. В его словах звучал восторг. Он считал, что в осьминоге все удивительно: и движения, и смена окраски, и красота формы тела. Да, да красота! Это меня несколько смутило — я понимал, что выглядеть это животное в воде должно необычно, даже фантастически, но может ли оно быть красивым? Я тотчас вспоминал бесформенные, покрытые серой слизью тела осьминогов в уловах сейнеров. Окраска их грязно-бурая, змееподобные щупальца с рядами неприятных присосок.

— Видишь ли,— говорит мне Митя,— строение тела осьминогов идеально приспособлено к условиям его существования. Оно очень рационально, и в этом его красота. Тут трудно объяснить словами. Ясно одно — это изумительное творение природы! Найди осьминога под водой, и тогда во всем убедишься сам! Мне почему-то кажется, что тебе это удастся.

С горечью Митя поведал, что, несмотря на все их усилия — смену воды, продувание ее воздухом, осьминог погиб.

Несколько раз мы брали на сейнерах небольших осьминогов. Митя препарировал их, знакомя меня со строением тела. И опять он воодушевлялся, рассказывая о том, какая замечательная у них нервная система и головной мозг.

— Вот он,— Митя показывает мне мозг осьминога,— смотри, какой громадный! И даже прикрыт неким подобием черепа. А какие глаза! Разве они не похожи на глаза высших животных?

— Взгляни, какой совершенный, единственный в своем роде ловчий механизм!

Мы рассматриваем «руки»-щупальца животного. Щупальца отходят от центра головы. На их внутренней поверхности расположены в два ряда присоски. Митя рассекает скальпелем присоску, и я вижу, что она вроде колпачка и может плотно прилипать к поверхностям. Щупальца соединены между собой тонкой перепонкой — так называемой умбреллой. В центре зонта, образованного щупальцами и натянутой между ними перепонкой, находится ротовое отверстие, а в ротовой полости видны черные роговые челюсти, напоминающие клюв хищной птицы. Язык осьминога покрыт особым хитиновым покровом — радулой, имеющей множество острых зубчиков. С помощью этой своеобразной терки осьминог пережевывает или, вернее, перетирает пищу.

Туловище животного имеет яйцевидную форму и со всех сторон окружено широкой кожно-мускулистой складкой-мантией, которая срастается с туловищем на спинной стороне и отделяется от него с боков и на брюхе, образуя мантийную полость, напоминающую обширную сумку. Она сообщается с наружной средой полукруглым щелевидным отверстием между свободным краем мантии и туловищем. Под головой животного из мантийной полости выходит воронка. Она представляет собой коническую трубку, узким концом направленную наружу, а широким — внутрь. Это своеобразный реактивный двигатель животного. Набирая воду в мантийную полость через щелевидное отверстие, осьминог

может сокращать стенки мантии и с силой выбрасывать струю воды из воронки. Животное плавает задом вперед, приняв каплевидную форму.

В мантийной полости симметрично расположена пара жабр. Мы разрезаем мантию и видим их: они состоят из продольных рядов многочисленных жаберных лепестков, плотно прилегающих друг к другу. Ритмичное сокращение мантии обеспечивает непрерывный ток воды, омывающей жабры.

Два жаберных сердца и собственно сердце осуществляют циркуляцию крови. Она голубого цвета. Это объясняется тем, что веществом, связывающим кислород, у осьминога является пигмент гемоцианин, содержащий медь. Она-то и придает крови этих животных синеватый оттенок.

Так постепенно просвещает меня Митя, словно студента на первой практике по зоологии.

Николай Борисович тоже отдал дань осьминогам — два года тому назад он наблюдал за ними непосредственно в море и даже сделал при этом подводные снимки. Правда, осьминогов заранее отлавливали рыбаки, но от этого значимость сделанного им для меня не уменьшилась. Я жадно слушал его скупой рассказ и не задавал вопросов — уж очень часто звучали в его словах снисходительные нотки.

Деятельность этой биостанции под опекой Арзамасова продолжалась еще несколько лет. Но по мере возникновения на побережье стационарных биостанций поток приезжающих на Остров исследователей резко уменьшился. К тому же вскоре Остров был объявлен оленеводческим хозяйством, что сделало приезд сюда людей с материка очень затруднительным. И только группа Николая Борисовича ежегодно сохраняла свою приверженность Острову.

Три дня шел дождь. Но сегодня утро солнечное. Николай Борисович объявляет перерыв в работе до вечера, и наша группа снова шагает по тропинке, ведущей через невысокий перевал. Маршрут у нас теперь к бухте Архидорис. Собственно, это название принадлежит красивому голожаберному моллюску, которого здесь нашли биологи. Его имя они самочинно присвоили бухте.

Быстро достигаем перевала, и перед нами открывается обширная песчаная бухта, слева от которой за небольшим мысом лежит Архидорис.

Заплываем. У самого берега начинается отмель, которая полого уходит в глубину. На слегка волнистой песчаной по-

верхности дна лишь небольшие лужайки морских трав да холмики выбросов червей-пескожилов. Заглатывая песок, черви извлекают из него органические остатки. А затем песок в виде длинных шнуров выбрасывается наружу. Если присмотреться, замечаешь и сифоны двустворчатых моллюсков, которые живут, закопавшись в песок. Сифоны похожи на трубочки, обрамленные ресничками. Стоит их потревожить, как сифоны закрываются и втягиваются внутрь песка.

Я плыву вдоль берега. Песок сменяется мелкими камнями, а затем появляется гряда из больших валунов. И опять множество звезд и ежей. Я беру большую звезду в руки. На ощупь она жесткая и шершавая: множество мелких известковых шипов и игл покрывают ее поверхность. Они составляют как бы наружный скелет звезды. Переворачиваю звезду — с нижней стороны лучей видно множество тонких трубчатых амбулакральных ножек с присосками на конце. Извиваясь, они тянутся в поисках твердой опоры, а найдя ее, присасываются к поверхности дна, затем сокращаются. Так передвигается звезда по дну. Вытягиваются ножки под действием нагнетаемой внутрь их воды через своеобразную водно-сосудистую систему. Наполняется же эта система через специальную, похожую на крохотное ситечко, пластинку. Она расположена между лучами на верхней поверхности звезды. Наличие такой системы характерно только для иглокожих.

Если присмотреться к ежу, то и у него между иглами видны длинные амбулакральные ножки. В отличие от звезды они расположены у него пятью радиальными полосами, равномерно проходящими по всему телу. Нижними еж держится за поверхность, а верхние плавно колышутся. Через их тонкую кожицу происходит частичный газообмен, можно сказать, что еж дышит с помощью своих ног.

Снимаю ежа нудуса с камня. Он шевелит длинными иголками, щекоча ими ладонь. Его ножки присасываются к коже, и он повисает у меня на руке. Стряхиваю его вниз. Опираясь на иглы и подтягиваясь на амбулакральных ножках, еж спешит вниз по камню.

Почти всегда, когда отрываешь звезду ото дна, видишь, как внутрь ее тела втягивается желудок, который похож на тонкий прозрачный мешочек. Выпуская его через ротовое отверстие, звезда может охватывать и переваривать свою добычу вне своего тела.

Я уже несколько раз встречал звезд разных размеров, сбившихся в клубок. Их лучи переплетены, словно в жесто-

кой схватке. Если их разнять, то видно, из-за чего шла борьба. Это может быть мертвая рыба, какой-нибудь моллюск или другое животное. Но чаще встречаешь массу звезд на совершенно голой каменной поверхности. Вывернув свои желудки, они как бы обсасывают ими поверхность камней, собирая мельчайших животных или оседающий планктон.

Продвигаюсь дальше. Камни становятся все более крупными, появились угловатые глыбы. Под ними обширные проходы. Я читал, что там, где обитают осьминоги, обычно валяется много створок раковин моллюсков. Вот и здесь они белеют около подножия камней. Ныряю и плыву вдоль гряды, заглядываю в темные проходы. Что-то длинное и коричневое шевельнулось под наклонной плитой. Похоже на щупальца! Всматриваюсь: нет, это ленты морской капусты.

Появились небольшие скалы, а на них — актинии метридиум. Но нет такого изобилия, как у Грота: здесь только отдельные группы их невзрачного темно-коричневого цвета.

Ближе к берегу, в заливчике, участок дна покрыт устрицами и другими двустворчатыми моллюсками. Вдруг замечаю, как белая створка раковины быстро побежала в сторону, из-под нее мелькают длинные ноги. Задержав раковину ладонью, поднимаю ее и вижу, что это краб «голова самурая». Но как ловко он прикрылся створкой! Прячу его в мешочек, где у меня хранятся сегодняшние находки: красивая раковина и неизвестная мне звезда.

— Ну как осьминоги? — встречает меня на берегу Николай Борисович.

Я молчу.

— Нет, вполне серьезно,— говорит он,— я тоже плавал вдоль этой гряды. Здесь они должны быть. Много тут между камнями удобных для них щелей и туннелей. И все это на границе отмели, богатой двустворчатыми моллюсками. Просто какая-то загадка! Сколько их привозят сейнеры, а мы не можем найти ни одного!

— Но сейнеры-то ловят их на большой глубине — пятьдесят — сто метров,— замечает Митя.

— И что это меняет! Пищи и здесь для них вдоволь: моллюсков и крабов изобилие. Мы читали — в других морях осьминоги чуть ли на берег не вылезают!

— Посмотрите-ка, кого я поймал! — вспоминаю о своей находке и вытряхиваю из мешочка своего пленника. Он по-прежнему крепко держал свою раковину.

— Скажи, какой хитрец! И раковину выбрал с дырочкой, чтобы все видели, что она пустая и под ней никого нет.

Кто обнаружит его на дне с такой маскировкой? Отними-ка у него раковину! — просит меня Митя.

Сняв раковину, я увидел на спинке краба странный рисунок, напоминающий лицо со свирепым выражением. Иногда этих крабов называют стыдливыми: словно стесняясь такого рисунка, они закрывают его створкой раковины. Две пары тонких, искривленных ножек были закинуты у краба на спину. Этими-то специально приспособленными конечностями и удерживалась створка раковины на спинке у краба. Я выпустил краба в лужицу у берега. Он заметался в растерянности, но затем выбрал камешек величиной со свой панцирь и попытался взвалить его на спину. Но камешек был явно тяжел для слабых ножек, и коготки их не держались за гладкую поверхность. Подобрав на берегу скелет плоского морского ежа, я бросаю его в лужицу. Тотчас же краб подскочил к нему задом, забросил на него ножки и мгновенно взвалил скелет на спину. Теперь он спокойно смотрел на белый свет из-под края этого щита. Стоило лишить его укрытия, как краб снова забегал в панике. У кого-то нашлась монета в пять копеек, и мы подбросили ее, решив посмотреть, что будет делать с ней краб. Монета меньше его панциря, но после недолгих колебаний краб подхватил ее ножками и положил на спину. Тяжелая монета колебалась и дрожала на спине краба. Стоило ему двинуться, как монета съезжала набок, но краб не бросал ее. Так и стоял на месте, держа монету над собой. Но вскоре мы сжалились над ним и вернули ему створку раковины, а в обмен тотчас же получили монету...

На перевал мы поднялись, когда солнце окрашивало облака в золотые и багряные тона и по отсвечивающей розовым цветом воде залива ползли к причалу темные силуэты сейнеров. Биологи почти бегом устремились вниз за любимыми тритониями. Я же сел под дерево, и прислонившись к шершавому и теплому еще стволу, долго смотрел на темнеющую гладь моря, на зеленые склоны, по которым рассыпались красноватые точки пасущихся оленей, на далекие горы, которые темно-лиловой грядой поднимались на материке. А надо мной плыли, постепенно погасая, багровые облака.

Теперь я каждое утро шагаю к бухте Архидорис — удобное место, ничего не скажешь: недалеко от поселка и подводный мир разнообразный. Но постепенно меня стал манить обрывистый берег, начинающийся за ближайшим мысом. К тому были некоторые основания: чем дальше я заплываю в ту сторону, тем круче становятся подводные

скалы, появляются неглубокие ущелья, которые тянутся вдоль берега. А вдалеке виднеются подымающиеся невысоко над водой рифы. Уж очень они напоминают рифы у Грота! Плыть же от Архидориса до них далековато, да и по кромке берега туда тоже не пройти. Но можно подняться на обрыв и идти поверху. И вот я поднимаюсь по зеленому склону, минуя скалистый гребень. За ним крутой склон к небольшому пляжу. Рифы прямо подо мной. Между ними залегла темная синева. Мелкая галька и песок пляжа кончаются у самой воды, а дальше под водой просматривается сплошной каменистый массив, рассеченный узкими проходами. Остроконечные красноватые скалы, похожие на стены готического храма, ограничивают пляж и, заходя в море, образуют небольшую бухту. Иду вдоль по склону, высматривая выступы, по которым можно спуститься вниз. Внезапно замечаю отпечатки маленьких копыт. Это следы оленей. Узенькой тропочкой сбегают они вниз, поворачивая зигзагами на небольших выступах. Последний поворот — и с этого камня олени прыгают на пляж. Прыгаю с него и я. Следов пребывания человека не видно. Да и кому здесь бывать? Только олени и навещают этот уголок, чтобы полакомиться морской капустой, ленты которой выносят на берег волны. Я чувствую себя первооткрывателем и весь в ожидании чего-то нового и неизвестного. Таинственно мерцает вода в уходящих в глубь моря расщелинах.

Осторожно спускаюсь в самую глубокую из них и, раздвигая водоросли, медленно плыву по ней. Передо мной узкий проход. На чистых его каменных стенах расцвели красиво окрашенные небольшие актинии, которые я вижу впервые. Здесь почти вся палитра красок: розовые и лиловые, темно-зеленые и красные, бежевые и коричневые. Трудно описать все многообразие оттенков. Особенно поражают многоцветные актинии, иногда с самыми неожиданными сочетаниями: вот темно-бордовое туловище, а щупальца лиловые; недалеко от нее изумрудно-зеленая с оливковыми щупальцами. Туловище другой — красное с оранжевыми пятнами. А рядом актиния совсем необычного, золотистого цвета. В лучах солнца эти животные сверкают как драгоценные камни. Трудно отвести от них глаза. Но вот мое внимание привлек огонек среди бурых водорослей. Раздвигаю кустики, и от меня, подняв раскрытые клешни, пятится алый крабик. Вблизи него другой, но уже сиреневого цвета. Под камнями и в трещинах прячутся крабы темно-зеленого цвета, расписанные желтыми и коричневыми узорами. У некоторых из

них клешни отливают розовым цветом. И опять звезды, звезды... Эту вижу впервые — у нее длинные и гибкие лучи. Неожиданно они оказываются мягкими и бархатистыми, словно вырезанные из толстого плюша. Ползет она по дну довольно быстро. Сверху звезда темно-коричневая с тонкими лиловыми прожилками, а бахрома длинных ножек оранжевого цвета.

Расщелина оканчивается большим выступом скалы, под ним россыпи гальки, а за поворотом опять расщелина, потом еще и еще... На каменных стенках все чаще стали попадаться актинии метридиумы. Одна из них очень крупная, желтоватой окраской привлекла мое внимание. Я касаюсь ее щупалец, и они прилипают к руке. Ощущается легкое жжение. Это действие особых клеток. Некоторые виды актиний с помощью этих клеток могут парализовывать и захватывать довольно крупных животных. Но я никогда этого не наблюдал у метридиумов. Наоборот, меня всегда удивляло большое количество различных животных среди их поселений. Вот и сейчас я вижу, как небольшие рыбки извиваются около щупалец актинии, а паукообразный краб обхватил туловище одной из них и очищает его от налета. И мне кажется, что пышная шапка из сотен щупалец служит в основном для улавливания мелкого планктона.

За очередным выступом скалы открывается широкий вход в ущелье, обрамленное рифами. Я вплываю в него и останавливаюсь: нет, не зря я стремился сюда! Опять попадаю в подводные сады: стены ущелья сплошь покрыты бесчисленными актиниями метридиум. Они стоят, почти все вытянувшись, пышно распустив щупальца, как будто приветствуют меня, может быть, первого, кто видит их в этом месте.

Биологи выслушали мое сообщение об открытии новой бухты с большим вниманием. Много дней подряд они работали, почти не выходя из лаборатории, и теперь их неудержимо потянуло к морю. Николай Борисович взволнованно заходил по комнате.

— Игорь, как у нас с тритониями? — спрашивает он в раздумье.

— Есть одна в холодильнике.

— Так, так! Сегодня тритоний не будет — сейнер ушел в район, где они не встречаются. Предыдущие результаты мы обработали...

Принять сразу решение этот человек долго не может —

ему жалко времени. Ясно, что поход опять продлится до вечера.

— Ну что же,— решается он наконец,— завтра пойдем на море! Кое-что из результатов последних экспериментов обсудим на свежем воздухе и заодно посмотрим, какую обетованную землю открыл Астафьев.

Нет, не подвела меня эта бухта! Встретила она нас зеркальной гладью и теплом нагретых солнцем камней. И метридиумы в ущелье стояли, так же вытянувшись во весь рост. С двух сторон мимо нас тянулись заросли красных и зеленых актиний, на открытых площадках высыпало множество звезд. Ряды ежей нудусов у самой поверхности воды поблескивали бордовыми и рубиновыми искрами. Вроде бы все обычные животные. Но уж очень их много и красочнее они, чем в других местах! И образовали на вертикальных зеленоватых стенах настоящую мозаику. Мы все, взрослые люди, отцы семейств, плавали сейчас по этому уголку девственной природы, радуясь, как дети, попавшие в сказочную страну чудес. Когда восторги поутихли, стали пристальнее вглядываться в окружающий нас мир. И тотчас же последовали маленькие открытия. Первое делает Митя: на вершине подводной скалы он обнаружил небольших мидий с раковинами нежно-голубого цвета. Тесно прижавшись друг к другу, они сплошной щеткой покрывали каменную поверхность. Это поселение было окружено хищными брюхоногими моллюсками, которые проделали или, вернее, проели в нем «дорожки». У подножия скалы была уже целая россыпь отливающих радужным блеском пустых створок мидий.

Недалеко от скалы Митя обнаружил и других хищных моллюсков: на небольшой песчаной полянке он подобрал светло-серую двустворчатую раковину, на которой сидел довольно крупный брюхоногий моллюск с красивой витой раковиной. Митя оторвал брюхоногого от двустворчатой раковины, и я увидел на ее створке круглое отверстие. Крепко присосавшись подошвой ноги к раковине, хищник сверлил ее в месте прикрепления мускула-замыкателя. Роль сверлильного инструмента выполняла своеобразная терка в виде язычка, покрытого мелкими острыми зубчиками. Через просверленное отверстие этим же языком-теркой размельчается и извлекается мясо жертвы.

Во впадине на каменной стене мне встретился пучок серых трубок, похожих на макароны. Над верхней частью их колыхались венчики красноватых и сиреневых щупалец. Это оказались очень интересные черви полихеты, живущие в мяг-

ких, словно пергаментных, трубках. Я протянул к ним руку, и венчики мгновенно скрылись, а края трубок сомкнулись. Но через некоторое время трубки вновь открылись и показались свернутые в тугие бутончики щупальца. И вновь распустились передо мной круглые розетки щупалец. Они выполняют многочисленные функции — это органы осязания, дыхания и своеобразный ловчий аппарат. На концах щупалец расположены примитивные глаза.

Игорь тоже обнаружил на скале червей полихет. Их трубки белые и твердые, словно сделанные из фарфора, накрепко срослись с камнем, а пышный венчик щупалец имел ярко-красный цвет с кольцевыми светлыми полосками. Перед нами цвели живые гвоздики!

Николай Борисович приплыл со странным плотным комком красного цвета, в котором было аккуратное отверстие. В нем виднелась довольно крупная клешня. Мне уже не надо было особых объяснений: из Атласа я знал, что это гребенчатый рак-отшельник, живущий в пробковой губке. Перед нами был очень интересный пример сожительства. Сначала рак поселяется, как обычно, в спирально закрученной пустой раковине. Затем на раковине селится губка. Постепенно разрастаясь, она охватывает раковину и растворяет ее полностью. Если теперь разрезать такую губку, то в центре ее будет виден точный отпечаток раковины со всеми завитками. Разрастаясь дальше, губка продолжает сохранять спиральную форму внутренней полости.

Отдохнув, мы с Митей пошли вдоль кромки берега, обследуя крохотные заливчики с песчаным дном, впадины и трещины в каменных массивах. Опытный глаз биолога замечал многое, что ускользало от моего внимания. Вот Митя показывает на тонкие зеленые щупальца, пробивающиеся из-под песка словно травка. Стоило их задеть, как щупальца втянулись в песок, и только небольшой бугорок указывал на то, что здесь кто-то есть. Этим кто-то оказалась актиния. Тело ее было глубоко скрыто в песке, лишь чуткие щупальца сторожили добычу.

На камнях виднелись раковины, похожие на конусовидные шапочки-акмеи. Митя подцепил одну из них ножом и оторвал от камня. Крепкая раковина прикрывала тело моллюска с плотной и широкой ногой. Этой ногой он и присасывался к поверхности камня.

— Посмотри, как ловко устроился.— Митя показывает на крупного червя, который, как воротник, охватывал тело моллюска.— Так вот и живут вместе. Червю это прямая

выгода — вряд ли кто доберется до него под такой броней. И питается он вместе с моллюском. Но вот интересно, выгодно ли это моллюску? Может быть, червь очищает его тело от выделений и грязи? Вообще много бывает интересных сожительств среди беспозвоночных животных. Вот возьми, к примеру, раков-отшельников.

— Ну, это кто не знает,— перебиваю я его,— школьный пример — отшельник с актинией на раковине...

— Нет, я не об этом! С отшельниками в раковинах иногда тоже живут черви полихеты. Когда рак ест, червь высовывает голову над его клешнями и подхватывает крошки. Раки — хищники, черви для них лакомая добыча, но «своих» червей они не трогают. Вероятно, чем-то они им полезны. К примеру, могут уничтожать паразитов на теле рака.

— Митя, а может быть, посмотрим на такого червя? Должны они быть у здешних отшельников?

— Наверное.

Я надеваю маску и ныряю в море. На дне отшельников много: и совсем маленьких — в раковинах с горошинку, и крупных — в раковинах величиной с кулак. Разные виды, но общие черты у них одинаковы: передняя часть туловища покрыта хитиновым панцирем, но длинное брюшко лишено какого-либо твердого покрытия. И чтобы защитить его, раки прячут заднюю часть туловища в пустые раковины моллюсков. Брюшные ножки у раков-отшельников превратились в своеобразные крючочки, которыми они цепляются изнутри к раковине.

Поймав несколько крупных отшельников, приплываю с ними к Мите. Извлечь отшельника из раковины очень трудно, но можно. У одного из них я обнаружил на конце раковины отверстие. Просунув туда стебелек, слегка покалываю его голое брюшко, рак, не выдержав, выскакивает наружу. Опустив его на камень под водой, мы осматриваем раковину. Но, к сожалению, червей в ней нет. А рак сидит голенький на вершине камня, вцепившись в него коготками ножек. Брюшко свернул калачиком. Вид у него неприкаянный и беззащитный. Стоило положить рядом с ним его раковину, как рак бросился к ней, перевернул вверх устьем и, опираясь на ножки, вскочил на нее верхом. После чего мгновенно опустил внутрь раковины брюшко, а затем шмыгнул туда целиком и, как крышкой, прикрылся большой клешней. Из-за края раковины только поблескивали глаза, похожие на крохотные перископы. Теперь он в полной безопасности от всех врагов.

— Вот это кавалерист — лихо же он ее оседлал! — смеется Митя.— Давай осмотрим другого.

Но и в остальных раковинах червей не оказалось. А раки после этой неприятной для них процедуры так же прытко бежали к своим раковинам, прыгали на них и стремительно проваливались внутрь.

За короткий срок я познакомился со множеством удивительных животных. Какими же сложными орудиями и приемами защиты и нападения наградила большинство из них природа! У каждого вида все подчинено выживанию в извечной борьбе за пищу.

Богатый впечатлениями день закончился у костра.

— А не назвать ли нам это место бухтой Астафьева? — предлагает Митя.

— Можно, можно,— дает свое согласие Николай Борисович,— пусть даже выбьет свои инициалы на скале.

— Будет вам...

— Не скромничай! На карту ее название не нанесут, так что все останется между нами. А впредь нам будет ясно, где находится бухта Архидорис, а где бухта Астафьева. Ну и потом отдадим тебе должное: ведь все же ты нас привел сюда!

Стоит тихая, солнечная погода. Каждый день я хожу в «свою» бухту. Веду наблюдения, много фотографирую под водой, но не забываю и об осьминогах. Обшарил каждый уголок на дне бухты. Пробую плавать рано утром и поздно вечером в надежде, что в это время осьминоги покидают свои укрытия в поисках добычи. Но тщетно! Остается последнее средство: поставить на глубине ловушку. Где-то я читал, что в некоторых странах осьминогов ловят, используя их стремление к различным убежищам. Для этого опускают на дно различные полые сосуды вроде глиняных горшков и коротких труб и потом поднимают их вместе с заползшими туда осьминогами.

У Арзамасова взял вместительный бидон — вполне подходящий для небольшого осьминога. Привязав к нему длинный шнур с поплавком, заплываю за рифы и там, где начинается отмель, опускаю на дно. Но поднимаю его каждый раз пустым. Пробую положить внутрь бидона приманку: кусочки рыбы, моллюсков. Но тогда поднимаю бидон с множеством звезд, которые наползают туда, привлеченные приманкой.

Однажды, греясь под солнцем после своих трудов в море, я обратил внимание на небольшое белое судно, которое остановилось против Слона. И хотя расстояние было значи-

тельным, я все же разглядел, что с его борта по трапу спускались аквалангисты. Сразу нахлынули воспоминания о погружениях с аквалангом: необычное чувство парения в толще воды, мелодичное журчание пузырьков выдыхаемого воздуха, зеленые цвета больших глубин. И потянуло меня к этим людям. Но я тут же отогнал мысли — ясно, что это какая-то большая экспедиция, у них своя программа работ и я там буду лишним. Да и потом, что я там увижу? Прекрасный подводный мир моей бухты лежит у самых ног. Вот разве что только осьминоги! Я уже понял, что искать их надо на больших глубинах. Но вряд ли экспедиция будет отвлекаться для их поисков.

И я продолжал плавать в своей бухте, а экспедиция — работать у далекого берега.

Через несколько дней, придя вечером к биологам, я застаю там двух молодых людей, которым что-то объяснял Николай Борисович около экспериментальной установки.

— Юра, знакомься,— это аквалангисты из экспедиции ТИНРО. Они знают, где можно встретить осьминогов.

Я смотрю на ребят: высокие и, как мне показалось, нескладные, обросли по экспедиционной моде бородами. И вроде бы смущаются, переминаясь с ноги на ногу. Представляются: студенты политехнического института Валерий Месенёв и Борис Коваль. Расспрашиваю их о работе в экспедиции. Месенёв выглядит солиднее своего спутника — повыше и пошире в плечах, с выразительным умным лицом. По всему видно, что он за старшего. Но отвечает он как-то односложно. Второй больше помалкивает. В свою очередь Месенёв спрашивает, что я здесь делаю.

— Знакомлюсь с морем, фотографирую под водой.

— Как же без акваланга?

— А зачем? Здесь у самого берега настолько богатый подводный мир, что большего мне и не надо. Ну что я еще нового увижу в глубине? И я несколько развиваю эту мысль, стараясь доказать, что самое интересное — на малых глубинах.

Парни переглядываются. Не знал я, что передо мной самые опытные аквалангисты Владивостока, повидавшие под водой столько, что мне и не снилось. Иначе помолчал бы.

— Так где же можно встретить осьминогов? — задаю я вопрос.

— У острова Де-Ливрона,— отвечает, оживляясь, Месенёв.

— Где же это?

— Далеко отсюда, на юго-запад от Владивостока.

— Почему именно у этого острова? — думаю я.

Месенёв же словно преображается и с большим чувством, жестикулируя, рассказывает о встрече с осьминогом. Рассказ его красочен, подробен. В нем и сложный спуск на большую глубину, и таинственная пещера. А в полумраке ее большой осьминог. Затем полная драматизма борьба, когда осьминог схватил и сжал руки пловца, и наконец трудная победа над коварным животным. Я чувствую, что кое-где Месенёв слегка сгустил краски, но верю ему. Безусловно, была у него встреча с осьминогом, но, похоже, только одна. Отсюда и утверждение, что осьминогов можно встретить у острова Де-Ливрона, и пыл, с которым об этом поведалось.

Я невольно проникаюсь уважением к новым знакомым — они испытали то, что мне пока неведомо.

— Не хотите присоединиться к нам? — обращается ко мне Месенёв.— Мы будем работать в этом районе еще несколько дней. К тому же мы договорились с начальником экспедиции, что завтра после обеда нас высадят на кекурах — хотим там погрузиться для собственного удовольствия.

— Что это за кекуры?

— Есть здесь пять больших скал вдали от берега, у дальней оконечности острова. И глубина там порядочная — по карте пятьдесят метров. Думаем опуститься к самому подножию кекуров. Может быть, и осьминогов встретим — рыбаки рассказывали, что в том районе они часто попадают в сети.

— Выходит, вы хотите их искать на глубине пятидесяти метров? Не многовато ли?

— А что тут особенного? Можно и глубже — нам не впервой.— Месенёв поглядывает спокойно, даже с усмешкой в глазах.

Что это: бахвальство, легкомыслие или результат большой тренировки и мастерства? Я гляжу на них с некоторой долей недоверия, но парни уже не смущаются, смотрят твердо. И тут я отмечаю их особенность, в которой убедился впоследствии: с большим опытом и мастерством у них сочеталась этакая лихость, готовность идти навстречу любой опасности.

Итак, мы плывем вместе с экспедицией. В последнюю минуту присоединился и Николай Борисович. Когда-то он прошел курсы подготовки аквалангистов и теперь решил тряхнуть стариной. К тому же он хочет поискать трито-

нию — как биологу, ему интересно знать, на каком грунте она встречается, ее поведение в естественных условиях.

В экспедиции три аквалангиста. Сменяя друг друга, они уходят под воду для сборов главным образом трепангов и мидий. А на палубе научные сотрудники подсчитывают количество животных на единицу площади дна, их вес и состав. На мой взгляд, работа у аквалангистов тяжелая и довольно однообразная. Но вот она окончена, и после обеда и отдыха мы направляемся к кекурам.

Серые громады скал все ближе и ближе. Об их откосы разбиваются волны. Капитан останавливает судно на довольно большом расстоянии от скал — дальше мы плывем на шлюпке. Идем с подветренной стороны, с трудом высаживаемся на небольшой карниз. Двое матросов отходят на шлюпке, чтобы дежурить у места погружения, которое указал Месенёв рядом с невысоким рифом.

Еще на катере договорились, что глубже тридцати метров погружаться не будем — мы с Николаем Борисовичем на больших глубинах еще не были.

— Что вы опасаетесь? — удивляется Месенёв.— Где тридцать, там и пятьдесят метров. Какая разница?

Но разница есть: на пятидесяти метрах, особенно без необходимой тренировки и при сильном охлаждении, могут появиться признаки глубинного опьянения, вызываемого наркотическим действием азота. Месёнев в конце концов с нами соглашается, хотя и досадует, что ему в этот раз не удастся побывать на глубине пятьдесят метров.

Фотоаппарат с собой не беру — на той глубине, где мы будем, пластмассовый бокс наверняка не выдержит давления воды.

Спуск к подножию рифа проходит как в тумане. Месенёв резво идет на глубину, а мы едва поспеваем за ним. Некогда даже посмотреть по сторонам. Краем глаза замечаю только каких-то больших желтых рыб, выплывающих из-за камней, да множество камбал, лежащих на откосах скал. Но вот наш проводник тормозит: из расщелины показываются две змеевидные рыбы. Мне они кажутся чуть ли не в метр длиной. Извиваясь, они плывут, широко раскрывая рты, словно намереваясь вцепиться в Месенёва. Выхватив нож, он машет им, отгоняя странных рыб, ждет нас и снова устремляется в глубину. По уверенным движениям и редким выдохам чувствуется, что это для него привычное дело. Мне же становится тяжеловато: дыхание учащается, гулко бьется

сердце, неприятно жмет гидрокостюм. Но мы с Николаем Борисовичем стараемся не отставать от Месенёва.

Скалы сменяются каменной грядой, затем начинается отмель, полого уходящая вглубь. На ней кое-где лежат обломки скал. Я чувствую, что глубина большая — около тридцати метров, если не больше.

Глубиномер же у Месенёва, и нам остается полностью положиться на него. А он все дальше и дальше уходит по отмели. Но вдруг останавливается у возвышающегося невысокой пирамидой обломка скалы, резко поворачивается к нам и машет рукой. Подплываем. Месенёв указывает под камень: там виднеется какая-то неопределенная масса серо-зеленого цвета. Вот она слегка шевельнулась, и мы увидели пристальный, немигающий взгляд. Осьминог! Мы ближе придвигаемся к камню, а животное слегка поднимается. Теперь видны щупальца, свернутые кольцами. На них белеют присоски. Месенёв оборачивается, размахивает руками и и что-то бурчит сквозь загубник акваланга. Вижу его возбужденный взгляд. Мы с Николаем Борисовичем тоже волнуемся. И все же я догадываюсь остановить Месенёва, когда он протягивает к осьминогу руки — надо рассмотреть его как следует, пока он не очень потревожен. Ниша, в которой он примостился, довольно глубокая. Перед ней небольшой вал из песка и мелких камней — значит, осьминог сам устраивал это убежище, подкапываясь под камень и выбрасывая грунт. Рядом белеют створки пустых раковин.

Месенёв опять тянет руки к осьминогу, поглядывая на меня. Я киваю головой, и он хватает его за щупальца. Тотчас же осьминог веером разбрасывает их. Видно, как он цепляется щупальцами за поверхность камня. Между щупальцами растягивается белая перепонка. А в центре, где они сходятся, открывается рот, и из него высовывается черный клюв. Месенёв напрягается, стараясь оторвать животное от камня, но осьминог словно прирос к нему. На помощь приходит Николай Борисович. Затем и я берусь за щупальце. Чувствую, как тотчас же к ладони прилипают присоски. Толкаясь и мешая друг другу, тянем, дергаем за щупальца. Месенёв даже уперся ногами в камень. Но осилить животное не можем. Останавливаемся. Месенёв вытаскивает нож и вопросительно смотрит на нас. Я отрицательно качаю головой. Нам ясно, что нужны более согласованные действия. Снова хватаемся за щупальца, но ведем себя уже спокойнее. Я посматриваю на Месенёва — вот он потянул осьминога на себя, тут же Николай Борисович и я включаемся в борь-

бу. Это похоже на сказку о репке: раз, два взяли! Еще раз тянем изо всех сил. Осьминог поддается — его щупальца частично отрываются от камня, и он как бы пружинит на них. Последний рывок — и мы выдергиваем животное из-под камня.

Тотчас же нас окутывает темное облако чернильной жидкости. Животное вытягивается и, выбрасывая воду из воронки, стремится уплыть. Но мы крепко держим его за щупальца. И вновь из воронки вырывается черная жидкость. Месенёв отплывает чуть в сторону и показывает рукой вверх: надо всплывать. Держа с Николаем Борисовичем нашу добычу, плывем за Месенёвым, но уже обратно к скале. Около нее начинаем подъем к поверхности. По мере того как светлеет вода, меняется окраска осьминога: сначала она кажется бурой, потом коричневой. Близко от поверхности осьминог уже сияет то багровым, то золотистым, то розовым цветом.

Внезапно из рук Николая Борисовича выскальзывает щупальце, и животное тотчас же устремляется вниз. Но, описав короткую дугу, подплывает к моим ногам и мгновенно охватывает и крепко стягивает их щупальцами. Я почти теряю возможность плыть. Становится тревожно: рядом вертикальная стена скалы, к которой меня прижимает водой, и стоит осьминогу ухватиться за нее частью щупалец, как я окажусь словно на привязи. Но подоспел Николай Борисович и помог мне освободить ноги от этих живых пут.

Подняв осьминога на поверхность, выпускаем его в каменную ложбину, заполненную водой. Он не такой уж крупный, как казался нам в воде,— в длину чуть больше метра. Осьминог слабо шевелится, лишь изредка напрягаясь и выбрасывая из воронки воду. Туловище его сейчас бледное с редкими розовыми пятнами. Он явно обессилен то ли борьбой, то ли резкой сменой температуры воды. К тому же он пострадал: в двух местах у него разорвана мантия. Глаза прикрыты.

Сложное чувство владеет мной: и радость от этой долгожданной встречи и жгучий интерес. Неожиданно приходит чувство сожаления: под водой я заметил необычность и красоту этого животного, а здесь окраска поблекла, тело утратило прежнюю форму и волны перекатывают его, как кусок пестрой ткани. Рассматриваем осьминога еще немного и решаем отпустить его. После чего ко мне приходит явное облегчение: я испытал волнующее чувство прикосновения к неизведанному, и мне больше ничего не надо.

На судне в спокойной обстановке обсуждаем происшедшее. Как я и предполагал, для Месенёва это вторая встреча с осьминогом.

— Нет их летом у берега на небольшой глубине — сколько мы ни плавали, не встречали,— говорил Месенёв.— Я думаю,— добавляет он после некоторого раздумья,— что встретить их можно только вот на таких участках, где большие глубины близко подходят к берегу. Рядом с обрывистыми скалами и островами.

Дома наш рассказ о встрече с осьминогом очень заинтересовал Митю и Игоря. Они сожалели о том, что не поехали с нами. Их твердый командир на сей раз сдался без особых колебаний: два последующих дня, пока будет еще здесь экспедиция ТИНРО, объявляются выходными. Правда, экспедиция должна обследовать дно у соседнего острова, но мы уже убедились по карте, что там вблизи берега тоже большие глубины и, следовательно, можно встретить осьминогов.

Распорядок работы экспедиции остался такой же: до обеда была обследована единственная здесь обширная бухта, а во второй половине дня нас высадили на широкий уступ отвесной береговой стены, уходящей вверх на сотни метров. После чего судно скрылось за поворотом, а мы остались наедине с морем. Опытный глаз Месенёва правильно выбрал место: уступ сразу обрывался на глубину двадцать метров, а дальше круто уходил вниз. Николай Борисович, Митя и я решили плавать у подножия стены — этого нам было вполне достаточно, а Месенёв с Ковалем поплыли вглубь. Они наметили предельный рубеж погружения — семьдесят метров. Мы пытались их отговорить от такого шага, но эти смелые люди отвергли все наши сомнения и с веселой лихостью отправились в глубину, на которую мало кто из опытных аквалангистов решится в подобных условиях. Третий их товарищ остался для страховки в шлюпке, имея под рукой заряженный акваланг.

Ну а мы плывем на незначительной, как нам теперь кажется, глубине у вертикальных откосов подводных скал. Вода очень прозрачная, и видимость достигает более двадцати метров. Над нами в вышине свешиваются длиннющие ленты морской капусты, на камнях стоят причудливыми сталагмитами ярко-желтые колонии губок, виднеются амурские звезды необычной голубой окраски с узорами из белых шипов. Мы плывем, заглядывая под каждый камень, в каж-

дую расщелину. И вдруг шелестящий звук заставляет нас повернуться в сторону моря. Оттуда быстро надвигается какая-то темная масса. При приближении она рассыпается на отдельные пятна и мы видим устремленные на нас головы множества рыб. Еще мгновение — и в трех-четырех метрах от нас стая, как по команде, поворачивает, и перед нами возникает сплошная стена почти метровых рыб. Их туловища обтекаемой формы, с серповидным хвостовым плавником. Бока, отливающие серебристо-зеленоватым цветом, расписаны поперечными полосами. Бесчисленное количество глаз рассматривает нас. Стая медленно скользит мимо, словно течет живой поток. Вся толща воды закрыта как занавесом. От этой грандиозной картины захватывает дыхание. Движения рыб убыстряются, стремительнее несется этот поток. И вот последние рыбы исчезают в голубой дали. Стоило нам проплыть немного, как снова обрушивается эта живая лавина. Потом еще раз. Что это? Косяк тихоокеанской скумбрии или небольших тунцов? Нам остается только гадать.

На берегу нас уже ждал Месенёв со своим напарником. Вид у него был недовольный: максимальная глубина здесь оказалась «всего» пятьдесят метров, а дальше шло ровное илистое дно.

— Надо было взять ближе к тому вот мысу,— говорит он, пощипывая свою редкую бородку.— Завтра попробуем опуститься там.

— Будет тебе,— пытаюсь еще раз отговорить его,— вы и так, наверное, установили рекорд среди местных спортсменов-подводников.

— Какой это рекорд! Группа Кусто когда еще превысила сто метров!

— Зачем вам за ней гнаться и так рисковать? Они были первопроходцами ими и останутся. У вас же это самоцель. А сколько можно увидеть интересного и на двадцати метрах! Может быть, даже Кусто не видел таких рыбьих стай, которые мы встретили вот только сейчас, пока вы лазили где-то в холодной темноте.

Но Месенёв, не отвечая, продолжает сосредоточенно поглядывать на соседний мыс. Нет, он определенно находится во власти какого-то глубинного притяжения!

На другой день мы высаживаемся ближе к мысу. И опять Месенёв с Ковалем плывут в глубину, а мы остаемся у стены. Николай Борисович плавает вблизи поверхности с Игорем, у которого совсем мало опыта погружений с аквалангом. А я опускаюсь с Митей чуть глубже двадцати метров.

Осьминога мы вспугиваем с ним неожиданно: он плавно отделяется от камня и скользит мимо нас, выпустив облако «чернил». Проплыв небольшое расстояние, осьминог опускается на каменную плиту. Осторожно направляемся к нему. Перебирая щупальцами, осьминог пятится, приближаясь к краю плиты. Я чувствую, что еще одно движение и он вновь устремится от нас. Останавливаю Митю, и мы разглядываем осьминога издали. Он небольшой. Щупальца шевелятся, медленно раскручиваясь и вновь собираясь в кольца. Они соединены больше чем наполовину длины перепонкой, и это придает передней части животного сходство с колоколом. Когда осьминог плыл, тело его было гладкое, обтекаемое. Сейчас же кожа на туловище у него собралась многочисленными высокими складками. Над глазами вытянулись забавные брови-рожки.

Туловище осьминога округляется, и он начинает постепенно приподниматься, опираясь на щупальца, как на короткие ножки. Теперь он чем-то неуловимо напоминает человека. Словно стоит перед нами этакий карлик в длинном, ниспадающем до пят пестром платье. Стоит и зорко посматривает на нас. И кажется мне, что взгляд его внимательный и осмысленный. Невольно подаюсь вперед и протягиваю руку с непроизвольным желанием пожать ему руку-щупальце. Но осьминог тут же вытягивается и скользит в глубину. А мы провожаем его взглядом...

Расставаясь с Месенёвым, я обещал встретиться с ним на будущий год здесь же. Но это не удалось, и только спустя несколько лет он навестил меня, будучи проездом в Москве. К тому времени у меня уже было много цветных фотографий, снятых у кекуров под водой. Рассматривая их, мы вспоминали те три дня, когда я по-настоящему познакомился с Японским морем. А снимал я эти фотографии, плавая с Александром Кацем, с которым встретился в последние дни своего пребывания на Острове. Инженер по специальности, он был одним из первых во Владивостоке, кто начинал плавать с аквалангом. Спокойный, доброжелательный человек, он сразу привлек мое внимание пытливым интересом к подводному миру и съемке морских обитателей. О том, как мы с ним плавали, уже другой рассказ.

2 Беседа с Дмитрием Сахаровым

Мне снятся «подводные» сны — так всегда бывает со мной какое-то время после возвращения с моря. Вот прыгаю с уступа в набегающую волну и медленно-медленно парю в толще воды, взмахивая руками, как птица крыльями. Передо мною переливается радугой странная пелена, похожая на громадную медузу. Опускаюсь на дно и иду по нему как по цветущему лугу. Под ногами ковер из ярких звезд. Вверх струятся ленты водорослей, и их очертания растворяются высоко надо мной. Неведомые рыбы расправляют плавники, похожие на крылья. А из ущелий тянутся ко мне большие клешни...

Часто во сне меня навещает и осьминог. Опять вижу одинокий камень на отмели и под ним шевелится клубок щупалец. Или осьминог плавно скользит вокруг меня, вытянувшись во всю свою длину, или приподнялся на камне и рассматривает меня немигающим взглядом.

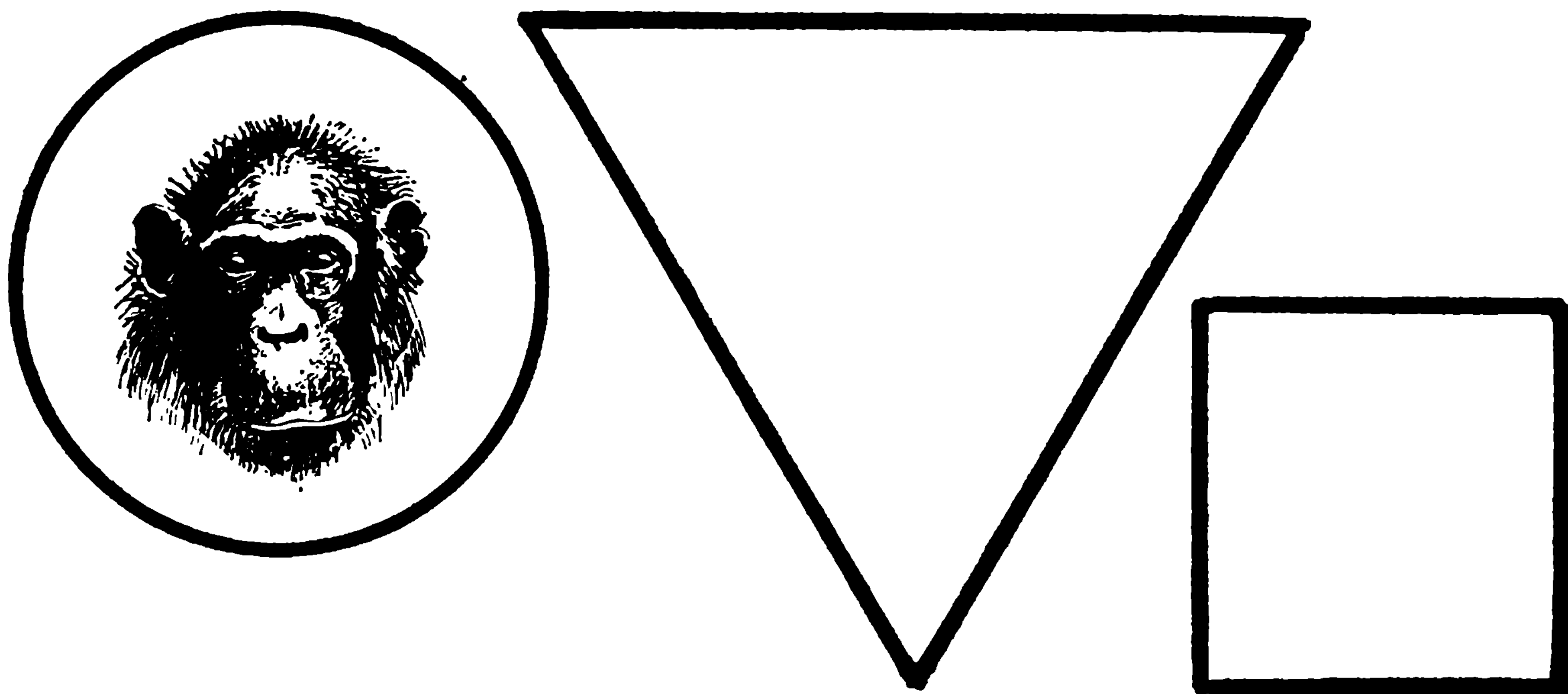
Все чаще начинаю задумываться над тем, что вообще я знаю об осьминогах. Это головоногие моллюски... Собственно, почему «головоногие»? Я листаю учебные пособия по зоологии беспозвоночных животных. Вскоре нахожу ответы на первые вопросы: осьминоги относятся к тому же типу животных, что и обыкновенная улитка, то есть к типу моллюсков, или мягкотелых. По классификации, принятой для животного мира, они принадлежат к классу головоногих моллюсков, в который входят также кальмары, каракатицы и некоторые другие, менее известные животные. В отличие от кальмаров и каракатиц осьминоги имеют восемь щупалец-«ног» или «рук», как их чаще называют в специальной литературе. По этому основному признаку осьминоги объединены в отряд октопод, или восьминогих.

Кто следил, как передвигается улитка, заметил, что ползает она на широкой подошвообразной ноге. В том или ином виде нога имеется почти у всех моллюсков. В процессе длительной эволюции щупальца, расположенные на голове осьминога, образовались из ноги его далеких предков — первобытных моллюсков. Поэтому и назвали класс этих животных головоногими. Кроме того, из ноги образовалась

и воронка, с помощью которой плавает большинство этих животных.

Не один вечер посвятил я изучению различных научных трудов и пособий. Несмотря на специфику подобной литературы, разбираться в ней было увлекательным делом. Постепенно мои знания по биологии головоногих расширились, приобрели систему. Наконец, взялся я за изучение наиболее интересного для меня вопроса — центральной нервной системы осьминога и ее деятельности, определяющей поведение этого животного.

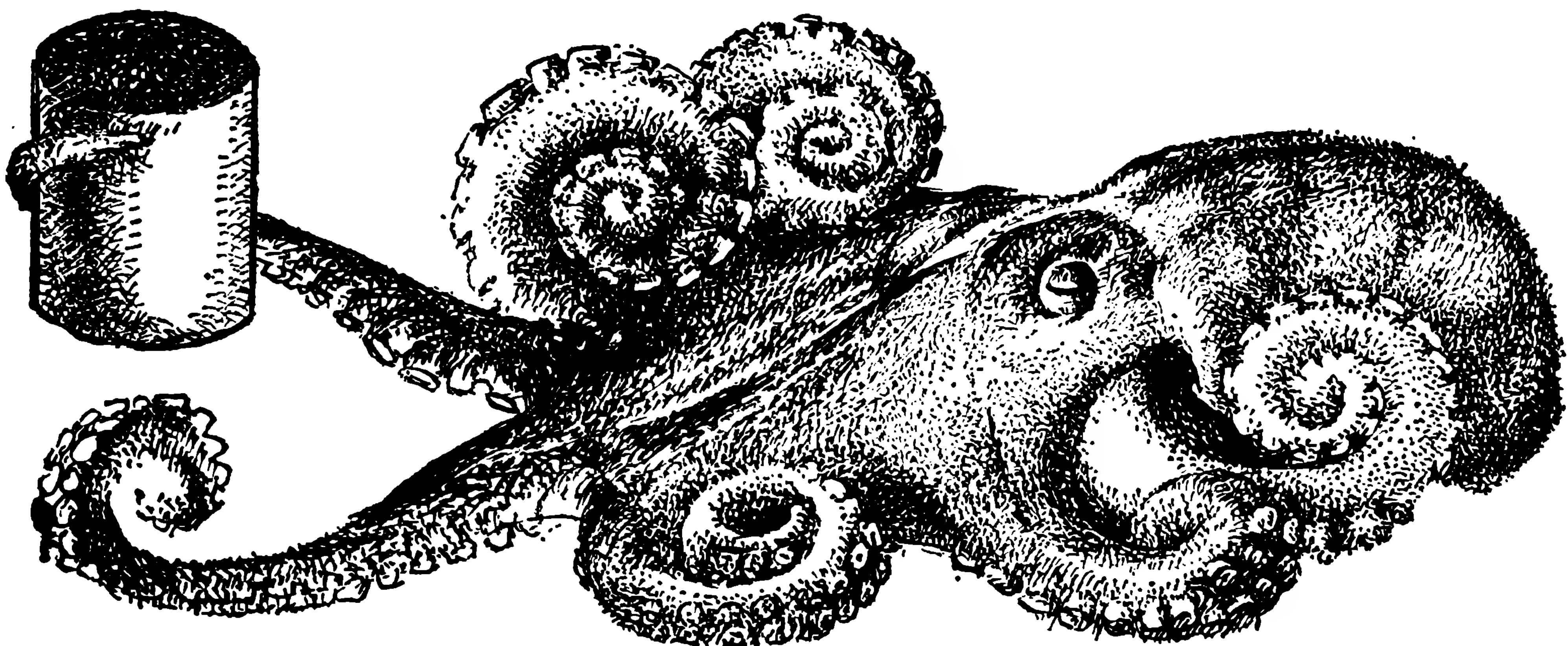
У более простых моллюсков центральная нервная система состоит из обособленных скоплений нервных клеток —

нейронов, так называемых ганглиев, которые являются координирующими и управляющими центрами. Ганглии у них расположены в разных частях тела — в голове, ноге, туловище и связаны между собой длинными нервными тяжами. Таким образом, нервная система этих моллюсков организована как бы по разбросанно-узловому типу. У более развитых групп моллюсков нервные узлы сближены, образуя своеобразный головной мозг. И среди них головоногие резко выделяются своим развитым мозгом. По совершенству строения и физиологии мозга головоногие далеко обогнали всех беспозвоночных и приблизились к развитым позвоночным животным. Особенно большой по объему мозг у осьминога и заключен он в хрящевой капсуле, выполняющей роль черепа.

Вполне естественно предположить, что высокое развитие центральной нервной системы должно определять весьма сложное поведение осьминогов и взаимодействие их с окружающей средой. Но в какой степени? На этот вопрос доступная мне научная литература полного ответа не давала. Да и вообще я заметил отсутствие в отечественной литературе материалов по непосредственным наблюдениям над осьминогами в их родной стихии. Осветить этот вопрос могли сообщения о некоторых лабораторных опытах в аквариумах. О них говорил мне на Острове Митя. Кое-что я запомнил, но полной картины тогда не сложилось.

Митя, или Дмитрий Антонович Сахаров, — научный со-

трудник института морфологии животных Академии наук, конечно, не откажет мне. Созваниваюсь с ним. И вот я в его лаборатории. Сидим за столом и беседуем. Над нами свисают обрывки сетей с круглыми поплавками, которые мы подбирали на берегу моря. На столе раскинула лучи морская звезда, а со стены смотрит на нас колючий краб. Мы рассматриваем подводные фотографии, которые мне удалось сделать и, перебивая друг друга, вспоминаем пережитое под водой. Митя в хорошем настроении — он только что закончил трудную работу и сейчас сравнительно свободен. И я настраиваюсь на длительный разговор. Разумеется, говорим мы в основном об осьминогах.

— Митя! Я окончательно убедился, что осьминог интереснейшее морское животное, но удивительно, что в науч-

ной литературе так мало сведений о его биологии. Зато на страницах популярной печати чего только не прочитаешь о них...

— Это верно! Об осьминогах и его сородичах частенько пишут. И читатель поднаторел. Многие уже не думают, что осьминог «высасывает» кровь из человека. Читателя не удивишь рассказом о трупе исполинского кальмара, вокруг которого на диком берегу океана толпятся мужи науки. Знает читатель и то, что осьминог имеет необычайные «умственные» способности. Действительно, Игорь Акимушкин, собравший увлекательные сведения о жизни осьминогов в своей книге «Приматы моря», имел все основания задать читателю следующий вопрос: «У кого еще есть: 1) восемь мускулистых рук, а на руках 2) когти и 3) сотни присосок; 4) хищный клюв и 5) яд! 6) глаза зоркие, как у орла, и 7) инфракрасное зрение! и 8) реактивный «двигатель» и 9) умение парить над морем; 10) запас воды за пазухой для путешествия по суше; 11) автотомия и 12) регенерация оторванных щупалец; 13) дымовая завеса! 14) чернильный «козел отпущения» и 15) наркотик для хищных рыб; 16) самый совершенный в мире камуфляж и, наконец, 17) огнеметы, прожекторы и опознавательные огни». Можно написать книгу о его реактивном «двигателе» или об изменении окраски тела. Или возьми глаза — разве это не чудо!

— Ты прав, из нашей встречи тогда с осьминогом мне больше всего запомнился его взгляд. Было такое впечатление, что он рассматривал нас внимательно, с интересом.

— Мне тоже так казалось. Глаза его огромны и удивительно похожи на человечьи. Слово «удивительно» недостаточно передает всю необычность этого сходства. Однако мы, люди, и осьминоги имели разных предков, самые дальние предки человека и осьминога были вообще без глаз. Но вот прошли многие миллионы лет, и у организмов, происшедших от разных предков, получились столь похожие глаза, что даже мурашки бегут по спине.

Осьминог ничем не напоминает не только человека, но даже лягушку или рыбу, и такие глаза! Печальные, огромные. Вспомни, как бессмысленны, с нашей точки зрения, глаза раков и кур, рыб и стрекоз! Выражение же глаз осьминога осмысленное!

— Но вправе ли мы так говорить о моллюске? Не является ли это нашим субъективным восприятием?

— Мы должны помнить, что осьминоги находятся на высшей ступени развития беспозвоночных животных, по-

добно тому как приматы венчают класс позвоночных. Две огромные группы, две вершины. Просто приматы и «приматы моря». Не нужно быть специалистом, чтобы понять — осьминоги значительно обогнали по развитию остальных моллюсков. Мы, люди, считающие себя высшими существами планеты, должны признать, что у нас гораздо больше общего с другими позвоночными, чем у головоногих с другими моллюсками. Головоногие, отбросив раковину, приобрели стремительность и ловкость. Их анатомия, их образ жизни перестроились на новый, более совершенный лад. Мы уже с тобой говорили о необыкновенных глазах. Но не только они, но орган, сообщающий в мозг информацию о положении и смещении тела, построен у осьминога самым выгодным и совершенным способом.

— Все, о чем ты, Митя, рассказываешь, только подтверждает высокое развитие нервной системы осьминога.

— Безусловно! Мне достаточно пришлось поковыряться в нервных системах разных животных. Бывало лежит передо мной здоровенная морская звезда или огромный и толстый морской червь. Ищешь, ищешь у них нервную систему, в учебники лазаешь и в лупу смотришь, наконец найдешь тонюсенькое колечко или каких-нибудь две ниточки с узелками. Ну у всех улиток и ракушек ниточки чуть потолще и узелки покрупнее, иногда они сближаются, сливаются, но все же мозгом эти булавочные головки называть рискованно. А у осьминога мозг — это солидный, массивный орган. В нем есть доли и отделы, как и у нас с тобой. Мало того, самый верхний отдел этого мозга имеет складчатую поверхность, подобно коре головного мозга высших, обрати внимание, высших, а не всех млекопитающих.

Человек по абсолютной массе мозга или проценту, занимаемому мозгом в общей массе тела, или по числу нервных клеток в мозге имеет лишь небольшое превосходство над обезьянами. Мозг же головоногих по любому из этих показателей значительно превосходит мозг других моллюсков и беспозвоночных вообще. Если у крупной виноградной улитки мы с грехом пополам насчитаем тысяч двадцать — тридцать нервных клеток, то у осьминога только в одной зрительной доле их шестьдесят миллионов, а всего в мозге осьминога этих клеток около полутора сот миллионов. Да и клетки расположены в мозгу строгими слоями, как в мозгу млекопитающих, причем в каждом слое находятся клетки определенной формы, и сама форма их не такая, как у других моллюсков, а именно как у позвоночных.

— Слушай, тогда можно представить, на что может быть способен такой мозг! Некоторые ученые утверждают, что имеется много общего в образовании условных рефлексов и процессов торможения в головном мозгу человека и осьминога. Может быть, параллель тянется и дальше, и мы вправе предполагать наличие разума?

— Не торопись. Человек так устроен, что ему обязательно хочется, чтобы где-то обитали другие разумные существа, с которыми можно будет свидеться и поболтать.

Все же надо помнить, что в мозге осьминога сто пятьдесят миллионов нервных клеток, а не несколько миллиардов, которыми располагает мозг приматов. К тому же не надо упускать из виду, что осьминоги все же моллюски, хотя они и вырвались вперед в своем развитии по сравнению с другими мягкотелыми.

Опыты показали, что высшая нервная деятельность осьминога весьма сложна. Однако в термин «высшая нервная деятельность» физиологи обычно вкладывают вполне определенный смысл. Имеется в виду та часть нервной деятельности, которая не достается организму в наследство от предков, а приобретается благодаря собственному жизненному опыту. Рефлексы, в которых закреплен индивидуальный опыт организма, называют условными. Так вот, у осьминога прекрасно вырабатываются простые и сложные условные рефлексы. Чтобы доказать это, были проведены опыты.

Осьминога сажали в аквариум. Он сооружал себе домик из камней, влезал в него и посматривал вокруг. На другом конце аквариума в воду опускали какой-нибудь новый для осьминога предмет, например белый квадрат, и подергивали за веревочку, на которой висел предмет. Природа заложила в него интерес к движущимся предметам. После некоторого раздумья осьминог покидал убежище и, медленно приблизившись к квадрату, трогал его щупальцами. В этот момент сверху падал краб. Итак, краба можно съесть. В следующий раз осьминог уже быстрее и увереннее шел к квадрату и опять получал краба.

Затем появлялся белый треугольник. Он похож на тот предмет, вслед за которым давали вкусного краба, и осьминог устремлялся к нему. Но едва он хватал треугольник, как получал удар током. Он прятался в домик.

Очень скоро осьминог мог уже отличать квадрат от треугольника. К первому он спешил, а завидев второй, прятался в свой домик поглубже.

Но вот однажды осьминог поспешил к квадрату и полу-

чил удар током. А после того как он приблизился к треугольнику, дали краба. И осьминог переучился. Задачи такого рода осьминог решил быстро, четко, с двух-трех повторений, то есть гораздо лучше многих других животных. Вот почему вывод о наличии у него сложной высшей нервной деятельности вполне обоснован.

— Это просто замечательно! Ведь в этом случае осьминога можно приучить выполнять какие-то действия, пользоваться орудиями. А может быть, со временем он будет помощником человека в определенных подводных работах?

— Может быть, может быть, но при определенных условиях. Итак, ты, вероятно, помнишь, что высшая нервная деятельность млекопитающих животных, в том числе человека, связана с высшим отделом мозга — корой полушарий. Именно в коре, как доказал И. П. Павлов, происходит замыкание условных рефлексов. Если удалить кору, исчезнут только условные рефлексы, а врожденная нервная деятельность останется. Есть кора — можно выработать любой условный рефлекс.

В организме множество чувствительных нервных окончаний — рецепторов. Одни, такие, как зрительные, слуховые, запаховые, воспринимают сигналы из внешней среды; другие, такие, как рецепторы сосудов или проприорецепторы, сообщающие о напряжении мышц,— из самого организма.

Так вот, когда ученые узнали, что условные рефлексы вырабатываются у осьминога быстро и прочно, они пошли по тому же пути, который применялся в опытах на других животных. Было решено использовать условнорефлекторный метод для изучения органов чувств осьминога.

Техника здесь очень простая. Как, например, узнать, различает ли осьминог цвета? В этом случае нужно показывать не квадрат и треугольник, а, скажем, красный квадрат и зеленый. Если он научится бегать к одному и прятаться от другого, значит, он их различает, а если не научится, то глаз его не способен отличить зеленое от красного.

Вслед за изучением глаз приступили к исследованию других органов чувств. Например, ослепленного осьминога учили отличать на ощупь гладкий цилиндр от шершавого. И он легко научился. Значит, что в его щупальцах есть рецепторы, реагирующие на прикосновение. Однажды осьминога попытались научить отличать тяжелый цилиндр от легкого. Цилиндры были одинаковой формы и одного размера, только вес разный. И ничего не вышло. Хотя в одном

случае давали краба, а в другом ударяли током, осьминог вел себя с обоими цилиндрами совершенно одинаково.

Ну не научился и не научился. Маленький фактик. Однако этот маленький фактик имеет большие последствия. Не для осьминога, конечно,— для нашей мечты о разумном осьминоге. Осьминог не научился отличать тяжелое от легкого. Что это значит? Это, по-видимому, должно означать, что в его щупальцах нет проприорецепторов — чувствительных окончаний, сообщающих в мозг о напряжении мышц.

Но самое интересное заключается в том, что у осьминога проприорецепторы есть и он прекрасно отличает тяжелый предмет от легкого. Если он, взяв тяжелый цилиндр, держит его в таком же положении, в каком в другой раз держит легкий, значит, он приноравливает сокращение мышц к весу цилиндра. Следовательно, информация о весе наверняка поступает в мозг. Информация поступает, а использовать ее для условного рефлекса осьминог не может. Он не может запомнить, что вслед за тяжелым будет краб, а за легким — ток! Что за загадка?

Загадку удалось разрешить, когда стали искать запоминающее место в мозгу осьминога. Ответ получился неожиданным. Оказалось, что у осьминога нет специальной надстройки, стоящей над всем мозгом и служащей для высшей нервной деятельности, а есть несколько отдельных надстроек, связанных с отдельными органами чувств. Над зрением — своя запоминающая надстройка. Если ее удалить, зрение и простые зрительные рефлексы останутся, но чему-либо научиться с помощью глаз он не сможет. В то же время такая операция не затронет его способности запоминать шершавое и гладкое. Над этими чувствами — своя запоминающая надстройка. А над мышечной чувствительностью запоминающей надстройки нет совсем. По-видимому, эта чувствительность не имеет большого значения для осьминогов, и природа не обеспечила его запоминающим устройством.

Вследствие этого научиться чему-нибудь или улучшить свое умение с помощью только мышечной чувствительности осьминог не способен: даже если случайно мышцы сделают что-то лучше, чем обычно, мозг не сможет запомнить, как это получилось.

— Знаешь, Митя, я конечно, разочарован. Ведь если пофантазировать, то как бы прекрасно было встретить в другой стихии существо, которое отвечало бы тебе взаимностью, лаской за ласку, добром за добро. Помогало в работе и спешило на выручку в трудную минуту.

— Зря расстраиваешься. В принципе такая возможность должна существовать. Только все это осьминог будет делать бессознательно, с помощью комплекса условных рефлексов, главным образом зрительных и осязательных. Взаимоотношения у него с человеком могут быть самыми многообразными и, вероятнее всего, достигать высокой степени сложности. А вот поговорить с ним, хотя бы с помощью жестов, нельзя. Оставим это фантастам.

— И все же, могут ли быть скрытые, неизвестные еще особенности мозга осьминога, которые позволяют ему глубоко анализировать окружающую обстановку? Что, если у осьминога важную роль играют какие-то иные механизмы, о существовании которых мы даже не догадываемся? Может быть, внутренний мир осьминогов, их индивидуальные черты и психология основаны на этих неизвестных механизмах нервной деятельности?

Митя надолго задумался.

— Признаюсь откровенно,— сказал наконец он,— мне трудно ответить на твои вопросы. И мне кажется, что и никто другой из современных нейробиологов не ответит тебе.

Работать с головоногими трудно и хлопотно. Их час еще не настал. Но он обязательно настанет, и тогда мы узнаем нечто совершенно замечательное. Я в этом уверен.

3 У рифа Золотых Ершей

Мы с Александром лежим в палатке и ждем у моря погоды. Идет дождь. Можно ждать час, а можно неделю. Таково уж это море. Сейчас дует юго-восточный ветер, приносящий влагу с океана. Саша спокоен, ему привычно. Я же волнуюсь: в море плавать нельзя, а дни бегут, приближая день отъезда. Не надо большого воображения, чтобы представить, как сейчас под водой: среди мрачных скал плывет рыжая пелена мути, принесенная ручьями с берега, колышутся полосы сорванных волной водорослей, в подводных ущельях темнота. Рыб почти не видно, одни из них ушли от берега, другие попрятались среди скал и камней.

Когда же ветер подует с материка? В это время всегда на чистом небе светит яркое солнце, синее море слабо шуршит галькой, тает туман и открываются вдали от берега скалы-кекуры, похожие на громадные паруса. У скал разбиваются волны, вскипая белыми бурунами на рифах. Не переставая гудит сирена бакена-ревуна, предупреждая проходящие суда об опасности. Стоит зазеваться в тумане рулевому — и любое судно будет разбито о каменные рифы. Казалось бы, куда тут с нашей маленькой лодкой! Но мы знаем секрет этих скал — у западной стороны средней, самой широкой, скалы есть небольшой заливчик, в который ведет узкий проход между рифами. Когда дует северо-восточный ветер, скала словно волнолом защищает заливчик. И тогда на нашей лодочке можно подойти сюда и высадиться на скалах. Наша цель — риф Золотых Ершей. Так мы назвали это место, куда указал нам путь в прошлом году Месенёв.

Мы с Сашей уже сделали здесь несколько погружений. Но снова и снова стремимся сюда. Каждый раз нас встречают стаи золотых ершей и мы видим новых, неизвестных нам животных. И все время ищем и ждем встречи с осьминогом. Но от этой главной задачи нас частенько отвлекают золотые ерши. Велико очарование этих рыб. Уж очень красивы они и ведут себя необычно! Мы подолгу плаваем среди них. Когда же достигаем подножия рифа, у нас в аквалангах остается совсем мало воздуха. А именно здесь, как мы считаем, скорее всего можно обнаружить осьминога. Вот если бы можно было

погружаться у рифов каждый день! Но у кекуров чаще всего перекатываются крутые волны, и только в редкие дни мы можем подойти сюда на лодке. Обычно же мы плаваем в бухте, на берегу которой стоит наша палатка. Тут гораздо спокойнее — далеко выдающиеся в море обрывистые мысы хорошо защищают бухту от набегающих волн...

В эту бухту мы попали позже намеченного срока. Хотя с Сашей мы заранее обо всем договорились, но, когда я прибыл во Владивосток, то застал его в самом разгаре сборов. Я позаботился обо всем заранее, и уже в начале года у меня была готова подводная лампа-вспышка и новый бокс для фотоаппарата. Акваланг мне обещал дать Месенёв, гидрокостюм был отремонтирован.

Саша помимо всего прочего должен был обеспечить нас палаткой и хозяйственным инвентарем. Но у него в наличии была только палатка. Он не успел закончить самого главного: боксов для лампы-вспышки и фотоаппарата. Гидрокостюм Саше обещали дать на время в секции подводного спорта. Его акваланг с новым экспериментальным дыхательным автоматом пока не был испытан. Единственно, чем я существенно мог ему помочь, так это дать возможность пользоваться моей фотоаппаратурой. Но это создавало неудобство нам обоим. Саша это понимал и делал героические усилия, стараясь собрать хотя бы бокс для фотоаппарата.

Месенёв был в очередной экспедиции, но этот обязательный человек оставил у себя дома подготовленный акваланг и записку с добрыми пожеланиями.

Что мне оставалось делать? Ждать Сашу не имело смысла, и, забрав с собой все, что можно, я отправился на Остров.

От причала направился прямо к Арзамасову. В его доме опять разместилась научная лаборатория. Мое появление у биологов не вызвало особого удивления, как будто мы расстались только вчера. Но все же заметно, что Митя и Игорь рады встрече. Николай Борисович на короткое время оторвался от дел, чтобы поздороваться и перекинуться со мной несколькими словами. Но у него, как он выразился, «идет эксперимент». Мое вторжение, похоже, отвлекло его от каких-то важных мыслей. Я это заметил и старался больше его не беспокоить.

Вечером все собрались у Арзамасова. Наконец-то можно побеседовать, обменяться новостями.

— Завтра, наверное, первым делом отправишься в свою бухту?

— Да, первым делом туда! А потом надо побывать у пирса, у Слона и Грота. Поплаваю по знакомым местам, пока не прибудет мой напарник. А с ним отправимся к кекурам. Будем искать там осьминогов.

— Будьте осторожны, не забывайте, что осьминог сильное животное, и надо относиться к нему с большой осторожностью.

— Митя! Я помню о его силе еще с прошлого года.

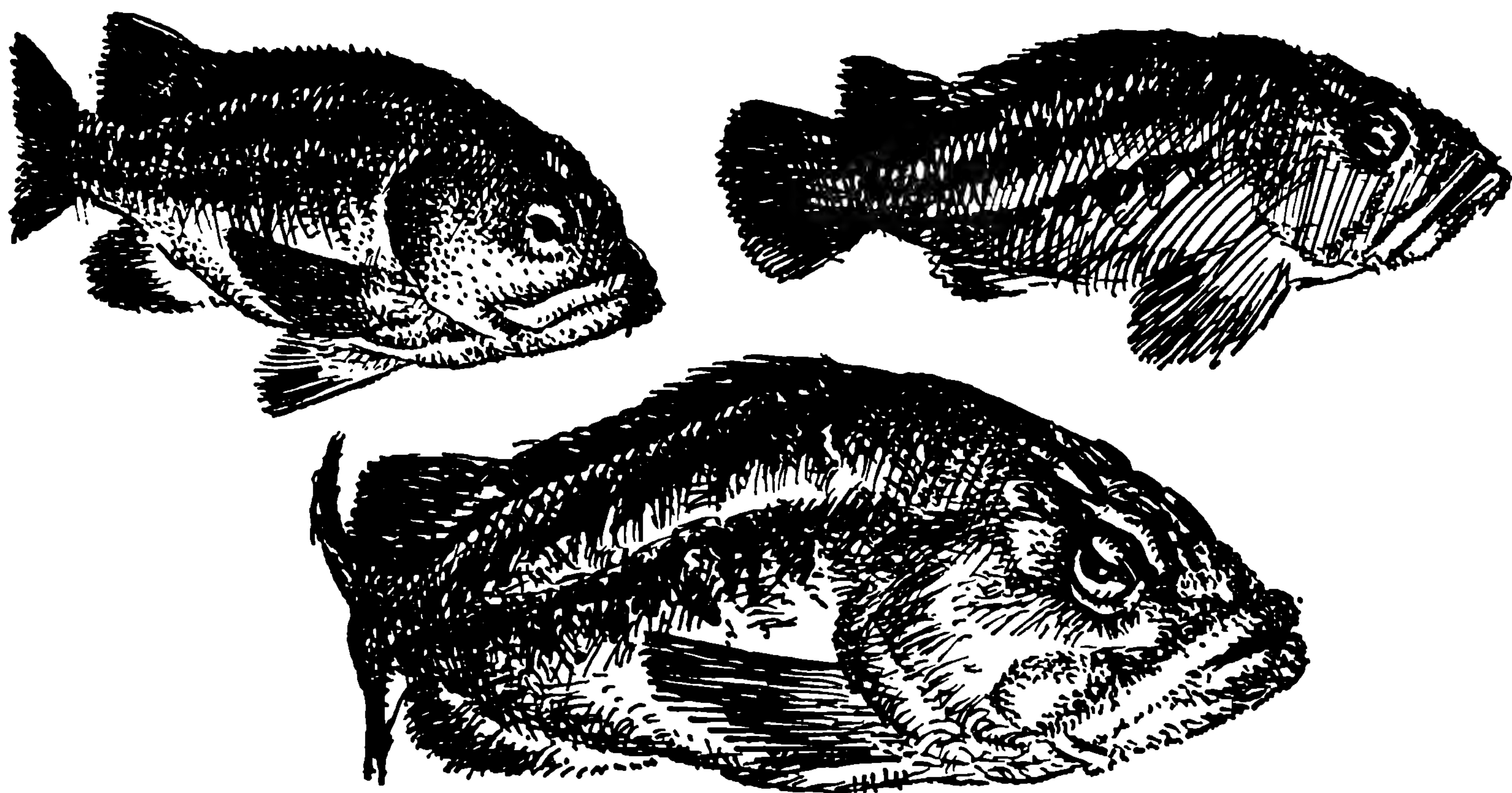
— Недавно нам пришлось побывать на гидрометеостанции, что находится в бухте напротив кекуров. Народ там приветливый, приютят вас и помогут в случае необходимости.

— Да, пожалуй, помощи нам особой не потребуется. Вот Леонид Андреевич обещает дать нам лодку и обеспечить сжатым воздухом для аквалангов. А что еще нам надо? Жить будем в палатке — зачем стеснять людей? Да и нам спокойнее.

— А как же вы будете заряжать акваланги? Неужели надо такую тяжесть таскать сюда, в поселок?

— Придется, что же еще делать? Но, думаю, акваланги нам часто не потребуются. Только у кекуров с ними будем погружаться. А до них, сами знаете, как сложно добираться. Хорошо, если удастся это сделать один или два раза в неделю. Так что в основном будем плавать вблизи берега в одних только масках.

— И все же познакомьтесь с тамошними людьми. Они часто ездят в поселок на подводе за продуктами и почтой.

Договоритесь с ними, чтобы они брали акваланги с собой, а мы здесь сделаем все остальное.

— Спасибо, Митя. Постараюсь сделать так, как ты мне советуешь.

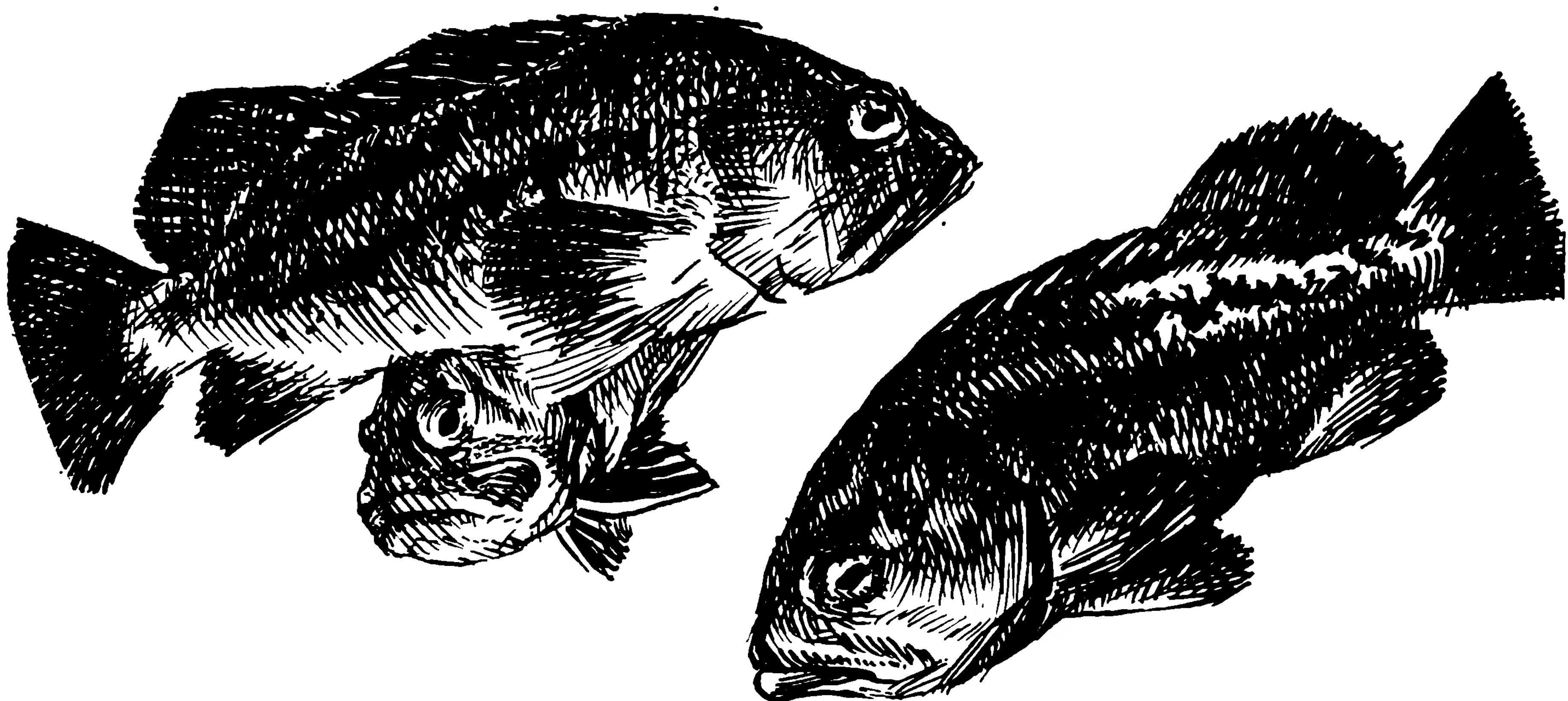
Через неделю прибыл Саша, но без фотоаппаратуры. Правда, он привез прекрасный гидрокостюм из губчатой резины и акваланг самой новейшей конструкции.

По распоряжению Арзамасова идущий попутно катер доставил нас к дальней оконечности Острова. Там на траверсе бухты, где мы наметили разбить свой лагерь, пересаживаемся в лодку и гребем к живописному мысу, круто вздыбившемуся темно-серым массивом.

За длинной грядой скал широко раскинулась соседняя бухта. На берегу ее белеет здание гидрометеостанции.

Еще издали мы увидели уютный распадок, вдоль склонов которого стоят шеренги раскидистых деревьев. Распадок сбегает к берегу, здесь возвышаются скалы. У их подножия желтеет песок небольшого пляжа. За каменными массивами виднеется заливчик, куда удобно будет заводить лодку, а потом вытаскивать ее на берег. В распадке выбивается ключик, и в ямке скапливается чистая вода. Лучшего места для нашего лагеря и не придумать. День у нас ушел на устройство, а на второй — мы уже были в море.

Вода очень прозрачная. Красивейшие подводные пейзажи, множество различных животных. Выбранное место оправдало наши надежды во всех отношениях. И побежали

дни, заполненные яркими впечатлениями. Бухта постепенно открывала нам свои маленькие тайны.

Заплываем мы напротив палатки. Недалеко от берега галька и песок переходят в каменную гряду, на которой растут морская капуста и морской лен. Приходится искать узкие проходы в этих зарослях. Длинные гибкие водоросли цепляются за ласты и маску. В двадцати — тридцати метрах от берега заросли редеют, водоросли встречаются только на вершинах отдельных больших камней. Стоит подплыть к зарослям водорослей, как тотчас же из них появляются пестрые головы рыб, и красные, словно рубиновые, глаза следят за каждым нашим движением. Это восьмилинейные терпуги, или ленки, как их еще иногда называют, самые распространенные рыбы вблизи берега. Удивительно изменчива их окраска: среди зеленых водорослей туловище ленков покрыто зелеными узорами, в зарослях морской капусты они коричневые, в водорослях-багрянках расцвечены красными пятнами, бывают они и золотистыми и алыми, как вечерняя заря.

Вообще я давно заметил, что большинство рыб, живущих на дне, в той или иной мере изменяют окраску тела в зависимости от окружающего фона. Это помогает им скрываться от врагов или охотиться, затаиваясь на дне в засаде. Изменчивость окраски рыб зависит от пигментных клеток-хроматофоров, расположенных в коже.

Часто ленков можно наблюдать в одном и том же месте, словно рыбы несут бессменную вахту. Да, собственно, так оно и есть: если осторожно раздвинуть водоросли, то можно заметить приклеенные у их оснований красные бусинки икринок. Рыбы самоотверженно охраняют кладки. А охотников до икры на дне много. Вот и сейчас я вижу, как морская звезда ползет по направлению к икринкам. Ленок приходит в возбуждение — крутится вокруг кладки, затем бросается к звезде. Хватает ее то за один луч, то за другой, стараясь оторвать от водорослей. Звезда сопротивляется, причудливо изгибая лучи. Атаки рыбы все настойчивее. Наконец звезда побеждена, и ленок плывет, держа ее во рту за один из лучей. Оттащил ее подальше от гнезда и торопится назад. Расправляет около икринок водоросли, ртом отбрасывает разный мусор.

Когда фотографирую ленка, я тоже для него враг. Вернее, мой фотобокс. Рыба подозрительно косится на него красным глазом, затем подплывает и тычется носом в стекло.

Не встретив сопротивления, отплывает и вновь занимает свой пост.

Около больших каменных глыб изредка видны мохоголовые собачки. У них длинное, иногда почти метровое, змевидное тело. Голова покрыта многочисленными выростами кожи. Широкий, толстогубый рот. Вдоль всей спины сплошной плавник с длинными отростками. Все это придает рыбам причудливый и угрожающий вид. Чем-то они напоминают зловещих мурен южных морей. Можно понять Месенёва, когда он у кекуров оборонялся от них с ножом в руках. Но собачки совершенно безобидны. Мы вызываем у них неудержимый интерес — порой без всякого страха они извиваются перед самой маской. Иногда осторожно покусывают за гидрокостюм и ласты. Это уж совсем удивительно! Собачек привлекают различные яркие детали нашей экипировки. Особенно соблазнительными для них кажутся узкие желтые полоски резины, которыми проклеены швы гидрокостюма. Возможно, рыбы принимают их за больших извивающихся червей. Наблюдать за ними очень интересно. Часто мы берем их в руки, и только тогда собачки неторопливо выскальзывают и тихо уплывают прочь. Если же их не тревожить, то они лежат неподвижно в какой-нибудь впадине, расщелине или медленно плавают среди водорослей.

Со временем мы заметили, что собачки стали группироваться парами. И каждая пара расположилась на определенном участке дна. Вот теперь, особенно под вечер, можно было наблюдать удивительные сцены: расправив плавники и как бы привстав на кончике хвоста, рыбы плавно кружились среди камней. Временами они то соприкасались телами, то останавливались друг против друга. В этот момент они широко разевали рты, покачивали телами и трясли плавниками, словно исполняли какой-то сложный обряд.

Это были брачные игры собачек. Они продолжались несколько дней. Потом рыбы отложили икру. Делают это они в узких расщелинах скал или в глубоких норах под камнями и корнями морских трав. Собачки зорко охраняют свою кладку. Одна из них находится в убежище, другая — возле него.

Стоило теперь кому-нибудь из нас приблизиться к гнезду, как они принимали самую страшную позу, расправляя многочисленные выросты на голове и плавниках.

Все эти причудливые украшения служат собачкам для маскировки. Они похожи на небольшие водоросли и хорошо скрывают рыбу среди подводных зарослей. Такую же осо-

бенность в строении тела имеют и волосатые бычки-рогатки. В нашей бухте, под скалой, среди водорослей живет один такой бычок. Мы его зовем Борода за многочисленные разветвленные кожистые выросты на голове, образующие вокруг нижней челюсти рыбы ажурную бахрому. Такая пышная оторочка скрадывает контуры тела и делает рыбу малозаметной на дне. К тому же она окрашена в коричневый тон — под цвет бурых водорослей. При нашем приближении Борода замирает и лежит неподвижно. Но стоит протянуть к нему руки, как Борода растопыривает многочисленные лучи своих плавников и открывает широкий рот. Это производит впечатление даже на нас, если принять во внимание, что голова Бороды ненамного меньше нашей, а длина туловища более полуметра. И мы его не трогаем. Правда, однажды я не удержался, уж очень случай был необычный. Борода не спеша плавал в толще воды у своей скалы туда и обратно, смешно вихляя туловищем. Толстый живот отвис мешочком. Я осторожно подплыл к нему сзади и дотронулся до хвоста. Сделав резкий разворот, Борода ринулся вниз, ударился головой о камень и скатился к подножию скалы. Здесь он распушил плавники и, казалось, превратился в пучок бурых водорослей. А однажды я не встретил Бороды на обычном месте под скалой. Он лежал на склоне среди зарослей морской травы. Цвет его тела был зеленый. В первый момент я подумал, что рыба мертва, настолько перемена цвета была необычной. Но стоило мне приблизиться, как Борода зашевелился и принял свою оборонительную позу. Просто он сменил позицию и соответственно обстановке изменил окраску своего тела.

Среди бычков вообще много истинных мастеров маскировки. Особенно это заметно на крутых откосах подводных скал. Поселения различных ярко окрашенных животных и заросли небольших водорослей в некоторых местах сплошь покрывают их поверхность. И среди таких многоцветных участков скал с трудом различаешь маленьких бычков. Красные, желтые, коричневые и белые узоры на теле рыбы разбивают его на отдельные цветовые пятна, сливающиеся с окраской окружающих животных и водорослей. Если потревожить такого бычка, то он не уплывает, а ползет или прыгает на новое место, избегая чистых поверхностей и стремясь прижаться к ярким водорослям, губкам или даже актиниям.

Но как ни интересно наблюдать за рыбами, мы стремимся быстрее приблизиться к мысу. Ближе к нему подводные скалы становятся массивнее, все круче их склоны. Между

ними возникают глубокие ущелья, заваленные крупными камнями. Видны гроты и расщелины. Здесь начинаем мы основные поиски. Кажется, трудно придумать более удобные места для обитания осьминогов. И мы не теряем надежды встретить их здесь. Вдоль мыса стены ущелий становятся вертикальными, они сближаются, уходя на все большую глубину. Мы плывем в самое красивое ущелье. Ширина его всего два-три метра, глубина десять — пятнадцать. Дно еле просматривается, вдали светится голубая толща воды, сверху свисают розоватые пряди молодых ламинарий, а по стенам сплошные поселения крупных актиний метридиумов. В конце ущелье расширяется, и мы выплываем к мысу. Совершенно голые, отшлифованные прибоем склоны сбегают в глубину, растворяясь в непроглядной зеленоватой пелене. Здесь обычно кончаются наши заплывы.

Ночью просыпаюсь — тишина: капли дождя больше не барабанят по крыше палатки. Стараясь не разбудить Сашу, отстегиваю полог и выглядываю наружу — сквозь разрывы в облаках проглядывают звезды. Сверху, со склона гор, тянет легкий ветерок, извещая о перемене погоды. Да и пора бы уже! Ведь наступил сентябрь — золотая пора в Приморье. В это время здесь обычно устанавливается хорошая погода. Море спокойно, жарко пригревает солнце. Главное же, в это время прекращаются затяжные дожди. Со стороны мыса не слышно больше тяжелого гула, только доносятся легкие вздохи волн — значит, море тоже успокаивается. Завтра-послезавтра, видимо, можно будет плыть к кекурам.

И вот мы гребем в лодке по зеркально-спокойной поверхности моря. Множество медуз всплыло к самой поверхности, предвещая длительный штиль. Все ближе кекуры, около них нет обычных высоких волн. Такое спокойствие мы видим здесь впервые. Можно, пожалуй, высадиться прямо на риф Золотых Ершей. При нашем приближении с его поверхности взлетают бакланы и, тяжело взмахивая крыльями, почти касаясь воды, летят в сторону ближайшей скалы. С криком кружится множество чаек. Недалеко от шлюпки выныривает голова нерпы и, посмотрев на нас круглыми черными глазами, вновь исчезает под водой. Осторожно подгребая к рифу, направляем лодку в ложбину на его поверхности, затем вытягиваем ее на камни и закрепляем в расщелине якорь, чтобы лодку не смыло волной. Неудержимо тянет под воду, но спешить сейчас нельзя. Надо очень осторожно надеть гидрокостюм, чтобы не порвать его об

острые, как ножи, зазубрины на камне. Плотно приладить ласты и маску. Еще раз проверить работу акваланга и давление воздуха в баллонах. Тщательно затянуть болты лампы-вспышки и бокса. Крепим на руке глубиномеры и подводные часы. К ноге пристегиваем длинные ножи в ножнах. Саша на всякий случай берет копье. Кажется все. Теперь можно и в воду.

Серебристая поверхность воды смыкается над головой, и мы повисаем над глубокой синевой, куда уходят серые стены рифа. Стараемся держаться к ним вплотную. Пока ничего интересного нет: животных очень мало — немногие из них могут удержаться здесь под ударами волн. Но по мере нашего погружения их становится все больше и больше. Громадные гроздья мидий перемежаются колониями актиний метридиумов. Появляется множество звезд — почти каждый каменный выступ украшен крупной алой звездой в обрамлении синих патирий. Вытянули тонкие белые лучи какие-то незнакомые мне звезды. Чуть глубже — ряды красных асцидий. На карнизе замечаю незнакомого мне моллюска. Рассматривая его, я опираюсь рукой на круглый «камень». К моему удивлению, он оказывается мягким и скользким. Это крупный бычок Брандта. Я беру его за хвост и поднимаю со скалы. Бычок безжизненно повисает в руке, словно мертвый. Но вдруг делает энергичное движение и выскальзывает из рук. Присмотревшись вокруг, я замечаю еще несколько бычков. Головы их по форме и окраске напоминают круглый камень. Причем бычки лежат на свободных от растительности участках скал. Цвет их тела серый или коричневый в зависимости от цвета каменной поверхности. Имитируются даже белые пятна известковых налетов и светлые прожилки камней. Бычки лежат на дне спокойно. Они словно уверены в том, что совершенно незаметны. При желании их можно собирать руками.

Ну, а это что такое? На плоской вершине скалы друг на друге лежит десяток бычков. Мы подплываем и в упор рассматриваем это странное сборище. Для чего они собрались? Нереста сейчас быть не может: он у этих рыб проходит в другое время года. Видимо, скала находится на пересечении рыбьих «тропинок» и здесь удачное место для засады. Но как же тогда бычки не мешают друг другу при охоте? Очередная загадка!

Изредка попадаются рогатые бычки. Длинные острые и зазубренные «рога» на голове рыбы придают ей грозный вид. Они являются своеобразными защитными приспособления-

ми. Немного найдется хищников, способных проглотить такую живую колючку. Надо сказать, что немало рыб имеют подобные шипы и колючие лучи в плавниках. Они увеличивают поперечные габариты рыбы, а это, естественно, снижает количество врагов у таких рыб или, грубо говоря, ртов, в которые они могут войти. Кроме того, часто шипы и лучи бывают в той или иной мере ядовиты, что усиливает их защитные свойства. Эти шипы образовались на костях жаберных крышек или рта, в утолщенных лучах в плавниках. Теперь понятно, почему Борода при нашем приближении топорщит лучи плавников — это защитная реакция.

Все дальше в глубину уходят отвесные стены. На десятки метров протянулись обширные поселения белых актиний. В зеленом сумраке глубины они излучают мягкое призрачное сияние, и вокруг как бы светлеет. Из подводных гротов и расщелин выплывают голубые тихоокеанские ерши. Целые стаи василькового цвета рыб повисают в толще воды. Ерши неторопливо расступаются, пропуская нас вперед. Собственно, название «ерш» мало подходит к этим рыбам. Больше они похожи и формой тела, и повадками на пресноводных окуней. Вот только размеры их гораздо крупнее — отдельные рыбы достигают длины шестидесяти — семидесяти сантиметров.

Продолжаем спуск вдоль стены рифа. Постепенно темнеет, яркие краски тускнеют. Все предметы приобретают зеленоватый оттенок. Вода заметно похолодала — это чувствуется даже через гидрокостюм. Появились обширные расщелины и пещеры, нагромождения больших камней. Островерхими пиками вздымаются отдельные скалы. Мы все время ждем встречи с золотыми ершами (желтые, или трехполосые, морские ерши) и вот впереди замечаем желтое пятно. Оно приближается. Перед нами, как отблеск солнечного цвета, большая рыба. Ерш подплывает к нам почти вплотную. За ним показывается еще один. И словно по какому-то неслышимому нами кличу из подводных закоулков плывут, спешат золотые ерши. Их вокруг нас уже десятки, а они все плывут и плывут. Стоит сделать резкое движение, как рыбы мгновенно исчезают среди каменного лабиринта, но тут же появляются вновь. Оглядываюсь назад: сверкающая свита плывет за нами. Впереди самые крупные ерши. Наиболее смелые забегают вперед на расстояние вытянутой руки. Так и хочется погладить или пощекотать их блестящие бока, но рыбы уклоняются от руки. Вскоре мы плывем, как в туннеле, среди сплошной массы рыб. Очередной раз

жалею, что мне не удастся на фотографии передать эту действительность: лампа-вспышка дает необходимое освещение всего лишь на расстояние полтора-два метра. И на фотографии будет виден только небольшой кусочек всей картины. А она неизменно вызывает у нас чувство восторга. Нигде, ни в каком подводном фильме, снятом даже на коралловых рифах, я не видел такого многочисленного и плотного скопления крупных рыб. Здесь край непуганых рыб, впервые видящих человека.

Что же заставляет ершей собираться вокруг нас? Мы с Сашей не раз уже обсуждали этот вопрос. Может быть, их привлекают журчащие каскады пузырьков воздуха, выходящего из акваланга? Не похоже: рыбы не обращают на них внимания. Все взоры устремлены только на нас, мы в центре внимания. Любопытство? Но мы знаем, что действиями рыб управляет комплекс рефлексов, связанных с питанием, защитой и размножением. Может быть, это коллективная форма защиты? Окружая хищника, они отвлекают его и не дают приблизиться к местам постоянного обитания. Или оповещают своих сородичей и сбиваются в стаю. А, как известно, в стае рыбы гораздо менее уязвимы для своих врагов. Может быть, потребность организма в новизне впечатлений, в новой информации? Но это свойство скорее присуще более высокоорганизованным животным. Нам с Сашей не разгадать этой загадки: слишком редки и кратковременны наши встречи с этими рыбами.

Бросаю взгляд на манометр: как бытро падает давление воздуха в баллонах! Да и не удивительно: ведь глубина тридцать метров. А нам надо спуститься к самому подножию рифа. Снова вниз. Ерши постепенно отстают и задерживаются наверху. Вот и подножие. В зеленом сумраке хаотическое нагромождение угловатых каменных глыб, дальше тянется ровное дно, усыпанное белыми створками раковин. Холодно. На дне ни движения, и от этого оно кажется безжизненным. Становится как-то неуютно и тоскливо, словно мы затерялись в бесконечных просторах моря.

Плывем вдоль каменной гряды. Где же ты, осьминог? Подбираю большую двустворчатую раковину — она аккуратно раскрыта, и обе половины ее еще соединены между собой. Кто другой может так раскрыть раковину? Только осьминог! Заглядываем в сумрак уходящих глубоко под каменные глыбы гротов. Особенно туда, где видны выбросы грунта и пустые раковины. Но, что это? Может быть, мне показалось? Нет, там определенно кто-то есть! Вплываю

в узкий грот, уходящий в глубь скалы. Всматриваюсь: в самом конце, в расщелине, притаился осьминог. Различаю щупальца и белые кружочки присосок. Наконец-то! Но как глубоко он находится! О съемке не может быть и речи — в расщелину не завести лампу-вспышку и бокс. Что же делать? Стараюсь продвинуться поглубже и дотянуться до животного рукой. Сознаю, что это опасно, но меня толкает азарт. Теплится надежда вытащить осьминога из расщелины, тем более что он кажется мне небольшим. Еле-еле дотягиваюсь пальцами и касаюсь скользкого тела, которое тут же подается назад, и рука моя повисает в воде. Досадно! Осматриваю скалу: ищу другие подходы. Нет, не подобраться!

Саша трогает меня за плечо и показывает на манометр. Запас еще есть. Но пора наверх — мало ли что может случиться при подъеме. Поворачиваем назад — вверх. И снова вокруг золотые ерши. Они словно ждали нас. Саша осторожно покалывает одного из них копьем, рыба отплывает в сторону, поднимая острый гребень спинного плавника. Ничего не стоит сейчас убить эту большую рыбу. Но у нас не поднимается рука на золотых ершей. Одна даже мысль об убийстве в этом уголке доверчивых и непуганых рыб кажется нам кощунственной.

На глубине около двадцати метров золотые ерши останавливаются, словно боясь переступить невидимую границу. Сбились в большую стаю и, чтобы удобнее было следить за нами, легли на бок и смотрят вверх одним глазом. Светлеет вода, и снова появляются голубые ерши, а еще выше голубых сменяют темно-серые. Похоже, что золотые ерши и эти обитают на разных подводных «этажах». По крайней мере стаи их не смешиваются. Чем это объяснить? Ведь они ничем, кроме окраски, не различаются. И потом почему у них разная окраска? Голубая или темно-серая — это понятно. Таких рыб трудно разглядеть в полутьме подводных гротов. Но желтый цвет самый заметный на этой глубине. Еще загадки. Сколько их здесь? А мы только-только прикоснулись к жизни обитателей этого рифа.

Вновь показалась над нами колышущаяся серебристо-голубая поверхность моря. Кажется, что она совсем близко. Но мы все плывем и плывем вверх. Наконец выныриваем, и яркое солнце слепит нам глаза. Совсем рядом риф, с которого взлетают и кружатся чайки.

Соседство с гидрометеостанцией оказалось очень удобным. Довольно скоро мы познакомились с ее обитателями. Моло-

дые парни, которые здесь работают, рады появлению новых людей и часто навещают нас. Ходить с аквалангами в поселок для зарядки нам не пришлось. Раз в два-три дня туда со станции отправляется подвода и нам остается только вынести акваланги к дороге. В поселке ребята передают их через Арзамасова на зарядку, и вечером мы получаем их обратно. Из поселка нам привозят также хлеб и другие продукты. В общем отношения с соседями у нас сложились самые хорошие. Нашлись среди них и подводные спортсмены: Толя Древин и Володя Ивашов. Снаряжение у них самое простое — ласты и маски. Теперь мы все чаще плаваем, разбившись на пары. Сначала заплываю я с кем-нибудь из ребят, а потом, перезарядив фотоаппарат, отдаю боксы Саше и он, заждавшись меня, спешит быстрее к ущелью, в поисках удачного кадра. И исчезает часа на полтора. Я как-то упрекнул его за такие длительные отлучки. На это он ответил, что у меня они получаются не короче. Тайком я проверил: те же полтора, а то и два часа, если снимаешь две пленки подряд. А в воде это незаметно! Кажется прошло минут двадцать, ну от силы полчаса! Ребята без гидрокостюмов плавать столько, сколько мы, не могут.

Когда они уходят домой, мы остаемся с Сашей в море одни. И хотя мы стараемся следить друг за другом с берега, это очень неудобно. Как было бы хорошо, если Саша успел бы подготовить свою фотоаппаратуру: мы плавали бы с ним все время вместе!

Постепенно Толик и Володя становятся нашими постоянными помощниками и все свободное время проводят с нами. Оба они выросли около воды: один у моря, другой у большой реки и поэтому плавают прекрасно. Но в воде ведут себя по-разному. Толик весь в движении: гоняется за рыбами, собирает трепангов, гребешков. Сделал себе острогу и подолгу сидит в морской траве, подкарауливая кефаль пелингаса — это единственная рыба, на которую мы разрешаем ему охотиться. Кефаль очень чуткая рыба, и ее трудно перехитрить. Так что Толик большого урона здесь не нанесет. Но я часто вижу, как он с сожалением косит глазами на камбал. А их много на нашем участке: маленькие, с детскую ладошку, у самого берега и большущие, как подносы, на площадках, покрытых мелким гравием у подножия скал. Камбалы неподвижно лежат на дне или закапываются в грунт, только глаза и рот находятся на поверхности. В этот момент к ним можно подплыть совсем близко и даже коснуться рукой, после чего они срываются с места и стремглав бро-

саются прочь, стараясь по пути завернуть за какое-нибудь укрытие. Но, бывает, и их видишь плавающими в поисках добычи. Волнообразно изгибая туловище, медленно скользят они над самым дном. Время от времени останавливаются и что-то поклевывают среди камней. Иногда даже копаются в грунте, поднимая облачко мути. Увидев в этот момент человека, они настораживаются, приподнимая переднюю часть туловища. Вращая глазами, следят за каждым его движением, поворачиваясь за ним, словно вокруг невидимой оси. Медленно поднимают хвосты. Еще мгновение — и, махнув хвостом, взлетают вверх, словно подброшенные пружиной.

Толику со временем понравилось дразнить мохоголовых собачек. Он тихонько подплывал к одной из них и очень деликатно вставлял указательный палец в ее открытый рот, а затем прихватывал за толстую губу. Собачка начинала извиваться, стараясь освободиться, и Толик ее выпускал. Оказавшись снова на дне, собачка словно в недоумении трясет головкой и плавниками, но вскоре успокаивается. Но иногда после этого собачки заползают под камни или уплывают. И на этом все кончается.

Подобными упражнениями Толик допек нашу Бороду — не мог он проплыть мимо, чтобы не пощекотать его толстый живот, а потом сделать ему пальцами «козу», заставляя бедную рыбу раскрывать во всю ширь свою пасть. И долго еще потом Борода ерзал среди зарослей водорослей, сменяя время от времени место.

И вот нет его у скалы — уплыл куда-то. Толик — веселый парень, но как бы он не разогнал всех наших рыб. И я нацеливаю его внимание на большого серого ерша, который живет в уютной пещере на выходе из ущелья. Вот попробуй его потрогать или покормить из рук! Этот отшельник подпускает нас вплотную, но коснуться его руками Толику не удается. Рыба не уплывает в панике, а как бы нехотя, но довольно ловко увертывается от его рук. А мне хочется снять с ним занимательный кадр, показывающий дружбу человека с рыбой. Я прошу Толика покормить ерша, и он протягивает ему лакомство — мясо мидии. Рыба поглядывает, словно принюхиваясь, на угощение, но не решается взять его из рук. Вот ерш медленно приближается. Смотрит на угощение, вращая глазами, даже рот приоткрыт. Но в самое последнее мгновение отпрянул и скрылся в своей пещере. Потом снова выглядывает, осторожно выплывает, и все начинается сначала. Когда терпение наше иссякает, по-

синевший от холода Толик грозит ершу кулаком. На этом дружба Толика с этой рыбой кончается. Плохо, наверное, придется ершу без нас!

Но когда мы при расставании попросили Толика дать клятву не трогать никого в этом уголке моря, он с удивлением вскинул рыжеватые брови, а потом веснушчатое его лицо расплылось в улыбке:

— Да что вы беспокоитесь! Буду я сюда лазить по скалам из-за каких-то ершей и этих лохматых собачек. Мне и у станции рыбы хватит. Было интересно с вами плавать, а без вас я сюда и не приду. Дали бы мне напоследок поплавать с аквалангом — делает он неожиданный переход,— глядишь, и я бы осьминога встретил. Вот кого бы изловить!

Володя Ивашов под водой предается больше созерцанию и стремится познать этот новый для него мир. Когда я плаваю с ним, он всегда рядом. Старается найти какое-нибудь новое животное, обращает мое внимание на звезду или актинию наиболее яркой окраски. Они неизменно привлекают его своей необычностью. Похоже, он никак не может привыкнуть к мысли, что это животные, а не прекрасные подводные цветы. Он иногда захватывает с собой кусочки рыбы и кладет их на щупальца актиний и каждый раз с изумлением поглядывает, как эти нежные создания жадно схватывают их щупальцами и мгновенно отправляют в рот. Или разбивает раковину мидии и смотрит, как к этой добыче спешат звезды и потом охватывают ее лучами.

Володя подолгу высматривает что-то среди зарослей водорослей или в трещинах скал. И нередко делает интересные находки: то увидит необычно красочного краба, то странную золотистую рыбу с широкими и причудливыми плавниками, похожую на маленького сказочного дракона, то из кустов морских трав извлечет большую ярко-зеленую рыбу-иглу или перевернет на дне камень и машет мне рукой, подзывая к себе. И мы рассматриваем креветку темно-синей окраски с яркими, как бы светящимися зелеными поперечными полосами.

Своими находками Ивашов очень помогает мне при съемках, и раскосые черные глаза его прямо-таки сияют, когда он видит, что мне удался хороший кадр.

В очередном заплыве на кекуры ничто не предвещало особых осложнений: на небе было солнышко, море спокойное. Правда, у рифа Золотых Ершей видим какую-то непо-

нятную толчею небольших волн, и поэтому мы с Сашей вытаскиваем лодку на риф повыше. Погружаться решаем по очереди. На то были две причины: первая — мы опасаемся, как бы волны не увеличились и не сорвали бы в наше отсутствие лодку, а вторая — Саша тоже стремится запечатлеть на пленку золотых ершей и поэтому будет ждать, пока я не закончу свои съемки и не передам ему фотобокс. Правила строго запрещают погружаться поодиночке и без надежной страховки наверху. Но мы, понадеявшись на свой опыт и на тренированность, идем на риск.

Я опускаюсь в воду, и меня охватывает радостное нетерпение от предстоящих встреч с обитателями рифа. Трасса спуска у нас была уже постоянной. Начиналась она у внутренней стороны рифа. Здесь шла гладкая стена до глубины пятнадцати метров. Быстро проплыв это расстояние, я задерживаюсь на широком карнизе, похожем на балкон. Осматриваюсь и убеждаюсь, что у меня все в порядке: индикатор фотовспышки горит, бокс фотоаппарата полностью герметичен. Внизу под карнизом пошло нагромождение больших угловатых глыб камня. От них поворачиваю в сторону моря и продолжаю дальнейший спуск в глубину. Показываются золотые ерши. Но сегодня я не буду снимать их, надо быстрее достичь подножия рифа, чтобы сохранить больше воздуха в баллонах. Обогнув риф, я отмечаю неладное: уж очень сильное течение затягивает меня вниз. И ерши не плавают вокруг, а стоят, словно завороженные. Заметно было, как они, помахивая плавниками, старались удержаться на месте. Но я не придаю этому особого значения. Наоборот, было легко и приятно плыть — течение само влечет меня вниз, вокруг рифа.

Достигнув подножия рифа, устремляюсь вдоль гряды скал. И здесь видны золотые ерши: неподвижно висят они над камнями или лениво плавают под прикрытием каменных стен.

Я уже миновал нависший над поверхностью дна выступ скалы, как что-то заставило меня обернуться назад. И невольно вздрагиваю: под выступом скалы большой осьминог! Я резко разворачиваюсь и плыву к нему. Вот тут я впервые чувствую силу течения — несмотря на то что я греб ластами изо всех сил, продвигаюсь вперед еле-еле. Но это меня сейчас не волнует совершенно. Мои мысли занимает осьминог: лишь бы он остался на месте, не уполз в скалы! Приблизившись на необходимое для съемки расстояние, я навожу фотоаппарат. Но течение сносит меня назад. Опять прибли-

жаюсь к осьминогу и упираюсь ногами в дно. Смотрим друг на друга. Вот она, долгожданная встреча! Страха я не ощущаю, осьминог, похоже, ко мне равнодушен. Делаю первый снимок. Ярко вспыхивает свет лампы, осьминог слегка вздрагивает. Все время бьется мысль: как бы не вспугнуть его! Терпеливо снимаю еще, перевожу дыхание: уже что-то у меня есть! Фотографировать его с этого ракурса, пожалуй, хватит — вряд ли снимок будет хорошим. Перемещаюсь в сторону, чтобы осьминог был ко мне боком и был виден весь целиком. Какое все же сильное течение! Я едва удерживаюсь на месте. Снимаю еще несколько кадров.

Уже спокойнее рассматриваю осьминога: он светлой окраски. Цвет ее на этой глубине не определить. Окрашен неровно: пятнами и неопределенными узорами. Ярко белеют ряды крупных присосок. И опять мне кажется, что снимок будет неудачным — вот если бы осьминог немного развернулся! Я уже сделал более десяти кадров, и некоторые, безусловно, должны получиться. Может, стоит рискнуть — расшевелить осьминога, чтобы он изменил позу? Но как? Подплываю ближе, но осьминог по-прежнему недвижим. Лампа-вспышка заключена у меня в довольно длинной трубе-боксе. Решаю подтолкнуть осьминога этой трубой. Сначала нажимаю на заднюю часть туловища тихонько, потом посильнее. Еще немножко бы его подвинуть! Но тут взлетают щупальца, охватывая трубу лампы и фотобокс. От неожиданности я качнулся и потерял опору. Течением меня подносит к осьминогу. Щупальца ложатся на руки и плечи. Не успев как следует испугаться, резко откидываюсь назад и выпускаю бокс из рук. Щупальца слегка натягиваются и соскальзывают с меня. Но моя аппаратура остается в щупальцах осьминога. Дотягиваюсь до ручки бокса, тяну к себе, но осьминог держит крепко, похоже, даже плотнее захватывает свою необычную добычу. Что же делать? Осьминог приподнимается и как бы увеличивается в размерах. Отплываю в сторону. Мне остается только ждать. Поглядываю на манометр — стрелка неумолимо приближается к минимально допустимому давлению воздуха. Подступает тревога: неужели придется оставить фотоаппарат с такими бесценными для меня кадрами в объятиях осьминога?

Но вот животное снова приподнимается, щупальца шевелятся, освобождая боксы. И вместе с мелкими камнями, обломками раковин осьминог выталкивает их из-под скалы. Затем струей воды выдувает всякий мелкий мусор. Облегченно

вздохнув, подхватываю боксы и бросаю торопливый взгляд на манометр: есть еще небольшой запас воздуха! А к осьминогу, привлеченные поднявшейся мутью, плывут ерши. Я с удивлением смотрю, как они приближаются к нему вплотную, крутятся около щупалец. Осьминог спокойно наблюдает за ними. Я сразу представляю, какая может быть уникальная фотография! Жду, когда исчезнут следы мути, и снимаю последние кадры.

А теперь быстрее к рифу! Но плыть обратно не могу — течение заметно усилилось. Работаю ластами изо всех сил, но нахожусь почти на месте. Остается один выход — плыть прямо к поверхности, а там Саша должен помочь мне на лодке. Воздуха совсем мало. Поднимаюсь вверх. Вокруг только темно-зеленая толща воды, которая постепенно светлеет. Где я выплыву? Если далеко от рифа, то Саша может меня не заметить, и тогда придется бросать акваланг и аппаратуру: только без них я еще буду иметь возможность доплыть до рифа. И тут же возникает решимость: чтобы ни случилось — фотоаппарат не брошу! Что касается акваланга — там будет видно.

Выплываю метрах в пятидесяти от рифа. Волны увеличились и, поднимаясь передо мной, периодически заслоняют риф. Но я успеваю заметить, что Саша что-то разглядывает на вершине рифа, повернувшись в мою сторону спиной. Я кричу ему, но он не слышит. Да и как услышишь, когда голос у меня стал каким-то тонким и слабым. Сдавливают грудь и спину ремни и баллоны акваланга — трудно даже набрать полные легкие воздуха. Стараюсь повыше поднять голову над водой и снова кричу уже громче. И тут же погружаюсь под воду, увлекаемый своим тяжелым снаряжением. Когда выныриваю,— Саша в той же созерцательной позе. А течение уносит меня в море. И тут остается только одно — собрав все силы, испустить крик на высокой ноте. Наконец-то услышал! Но как-то странно засуетился. Куда же это он? Саша подбегает к краю скалы с ластами в руках, торопливо надевает их.

— Лодку! — кричу я уже из последних сил.

К счастью, это он расслышал сразу. И как только у него хватило сил мгновенно столкнуть лодку в воду! Когда он доплыл до меня, я не мог сам взобраться в лодку. Саша с трудом гребет к рифу, стараясь держаться под углом к течению, а я плыву, ухватившись за корму.

— Что случилось? — спрашивает он с тревогой, когда мы оказываемся в затишье, за рифом.

Я перевожу дыхание. Мне уже неловко за тот последний крик о помощи, и я спешу объяснить:

— Встретил большого осьминога. Снимал его. Израсходовал воздух. Сильное течение. Еле выплыл.

Саша молчит, только вижу удивление на его лице.

Волны качают меня у каменного уступа.

— Помоги мне,— прошу я.

Саша выпрыгивает на риф, зачаливает лодку и подхватывает меня за баллоны. Я с трудом выбираюсь на риф. Сбрасываю акваланг — стрелка манометра на нуле. Кое-как втаскиваем лодку, и я приваливаюсь к ее борту. Постепенно начинаю осмысливать происшедшее.

— Саша,— говорю,— а ведь я, пожалуй, первый у нас в стране, кто в реальной обстановке сфотографировал осьминога!

Саша молчит: то ли соглашаясь, то ли удивляясь моей нескромности.

А меня охватывает ликование:

— Нет, Саша, верно! Может быть, кто-то и фотографировал из наших подводников, но я не видел фотографий и не слышал об этом. А ты видел?

Саша отвечает отрицательно: из подводников Владивостока пока никто тоже не фотографировал осьминога.

Конечно, осьминогов фотографировали и до нас. Даже отсняли два научно-популярных фильма, где эти животные были главными действующими героями. Но все это делалось с заранее отловленными на большой глубине животными. И мне кажется, что такие съемки особого интереса не представляют: оказавшись в теплой прибрежной воде или в аквариуме, осьминоги выглядели и вели себя совершенно иначе, чем в естественных условиях. В этом я убедился даже при своих немногочисленных с ними встречах.

Все во мне ликует и поет. И кажется, что звучит торжественная музыка и розовеет горизонт. Но Саша деликатно напоминает мне, что ему тоже хочется увидеть осьминога.

Я открываю фотобокс, и разом смолкает музыка и меркнут розовые дали: я не могу оторвать глаз от рычажка опережения зажигания лампы-вспышки на фотоаппарате — он сдвинулся почти на три четверти своего хода. Это означает, что в кадре будет только четвертая часть видимой картины. В отчаянии я поднимаю фотоаппарат вверх: то ли ударить его о камни, то ли забросить в море. Но усилием воли сдерживаю себя. Причем тут фотоаппарат! Подобный сдвиг рычажка хотя и редко, но был и раньше.

И мне надо было это предвидеть и намертво закрепить совершенно ненужный для моих съемок рычажок.

Саша, как может, утешает меня. Рассудительный мой товарищ внимательно осматривает фотоаппарат.

— Слушай, когда ты вставлял его в бокс, не заметил, как стоял рычажок?

— Конечно, на нуле! Это я всегда проверяю.

— Тогда первые кадры у тебя должны получиться. Я хорошо помню, как перед установкой ты взводил пружину автоматического перевода пленки.

Значит, есть у меня надежда — ведь первый взвод пружины обеспечивает съемку десяти — двенадцати кадров. Значит, что-то на пленке будет! Но последние, уникальные кадры потеряны наверняка — тут уж без сомнений! Так впоследствии и оказалось. С начальных кадров я смог сделать единственную фотографию. Эта первая моя фотография осьминога оказалась совсем неплохой. И сейчас она для меня самая дорогая. Но до сих пор нестерпимо жалко утерянных кадров осьминога в окружении золотых ершей.

Успокоив меня, Саша начинает собираться под воду. Я хотел было попросить у него акваланг, чтобы попытаться еще раз сфотографировать осьминога, но так и не решился. Хотя добрый Саша и мог бы в этой ситуации отдать свой акваланг, но это уже было бы несправедливо: каждый из нас имеет право на свою удачу.

Саша тем временем расспрашивает меня о дороге к осьминогу. Стараюсь обрисовать ее подробнее. Еще раз предупреждаю о сильном течении и советую держаться ближе к стене рифа. Но, как мне кажется, Саша скептически относится к моим советам. Правда, плыть ему будет легче: ласты у него чуть ли не вдвое больше по площади моих и акваланг компактнее, с одним баллоном, следовательно, сопротивление в воде будет гораздо меньше. Но это существенно дело не меняет — я знаю, как трудно сейчас плыть с громоздкой съемочной аппаратурой.

— Может быть, не стоит тебе погружаться? — пытаюсь отговорить Сашу.

Но на лице его твердая решимость. Зная упорство своего напарника, я не сомневаюсь в том, что он обнаружит и сфотографирует осьминога. Причем, вероятнее всего, в окружении золотых ершей. И у меня появляется чувство зависти.

Но ничего, пусть хоть Саше придет удача! Все же это наша общая цель. Но как он будет всплывать с глубины?

Надо не спускать с него глаз и сразу, как только он покажется на поверхности моря, помочь ему с лодки.

Саша уходит под воду, а я на лодке гребу вслед, ориентируясь по поднимающимся пузырям выдыхаемого им воздуха. Судя по ним, Саша плывет правильно. Вот он уже обогнул риф. Но тут пузыри начинают уходить все дальше и дальше от рифа. А через несколько минут Саша показывается на поверхности. Я подплываю к нему. Все ясно без слов — он немного отклонился в сторону от рифа и его подхватило течением. Саше не удалось даже достичь подножия рифа. Он расстроен не меньше меня. Я хоть что-то снял, а он даже не увидел осьминога.

Когда мы полностью успокоились, до нас доходит вся опасность происшедшего. Мы молчим — что тут скажешь? Опыт приходит со временем. И сколько бы мы ни плавали, нас все время будут подстерегать разные неожиданности и опасности! Но мы должны идти только на разумный риск.

Сегодня же мы проявили беспечность и наши злоключения подтвердили необходимость соблюдения всех правил погружений с аквалангом.

Почему все же возникло такое сильное течение? Риф Золотых Ершей расположен на конце длинной, напоминающей плотину гряды, и, видимо, при возникновении даже небольшого течения вследствие отлива или ветра вода устремляется вдоль этой естественной преграды, многократно увеличивая свою скорость.

В прежние же погружения мы не сталкивались с подобным явлением.

Навещает нас иногда и начальник станции Николай Иванович Сережкин — скромный и молчаливый человек средних лет. Он заядлый рыбак и подолгу с большим вниманием слушает рассказы о наших плаваниях. Особенно его интересует поведение рыб. Наш рассказ о приключениях на кекурах выводит его из состояния молчаливого внимания, и у него появляется несвойственное ему красноречие.

— Вам что, жить надоело? Погружаться в одиночку у кекуров! Да там профессиональные водолазы работать не могут — такие бывают течения. Пробовали около скал собирать трепангов и мидий, но ничего из этого не вышло.

— Ну что сейчас говорить об этом! Что было, то было! Мы и сами знаем, что нарушили все правила.

Но Сережкин не успокаивается:

Заросли водорослей

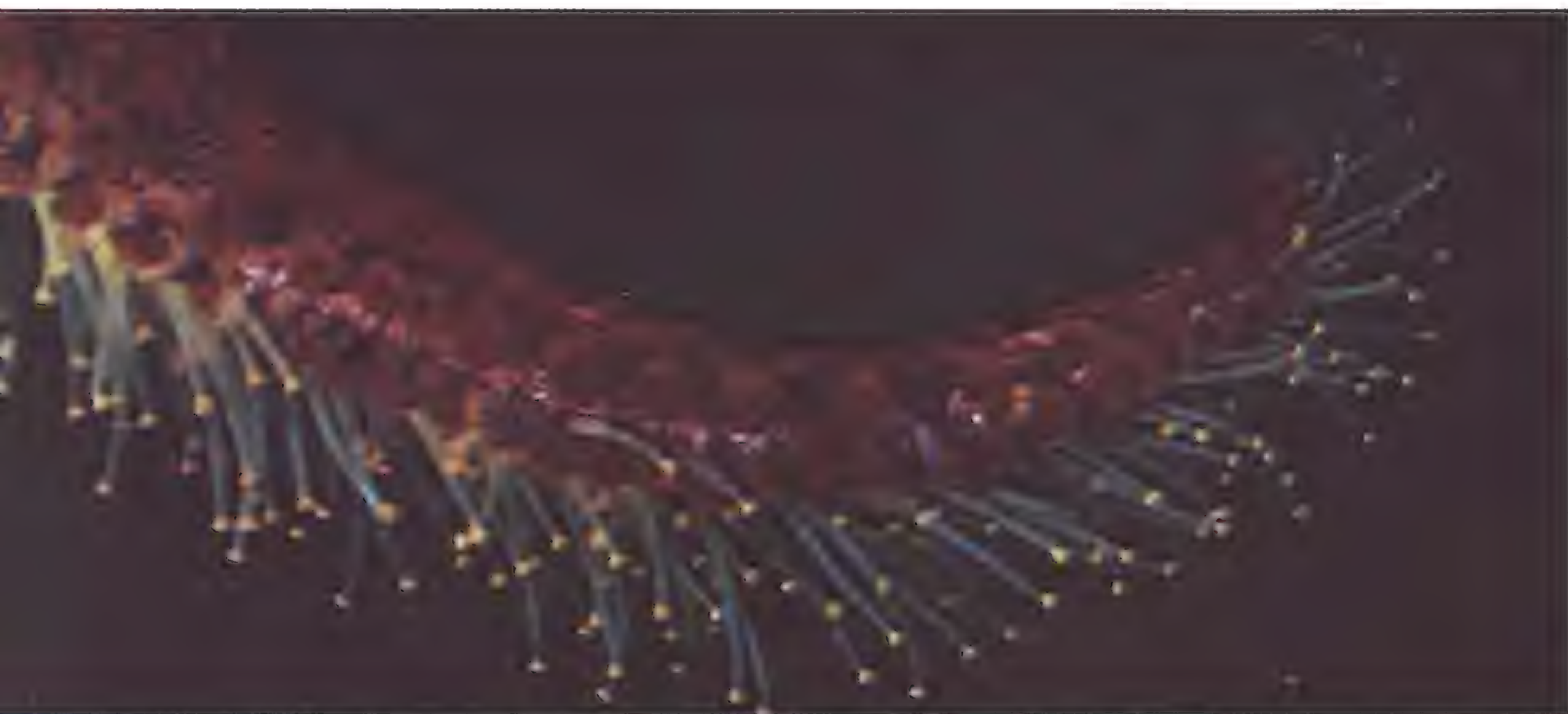
Ежи и звезды патирии на морском дне

Асцидии

◄ Актинии метридиум

Амбулакральные ножки звезды

Морские звезды

Трепанг

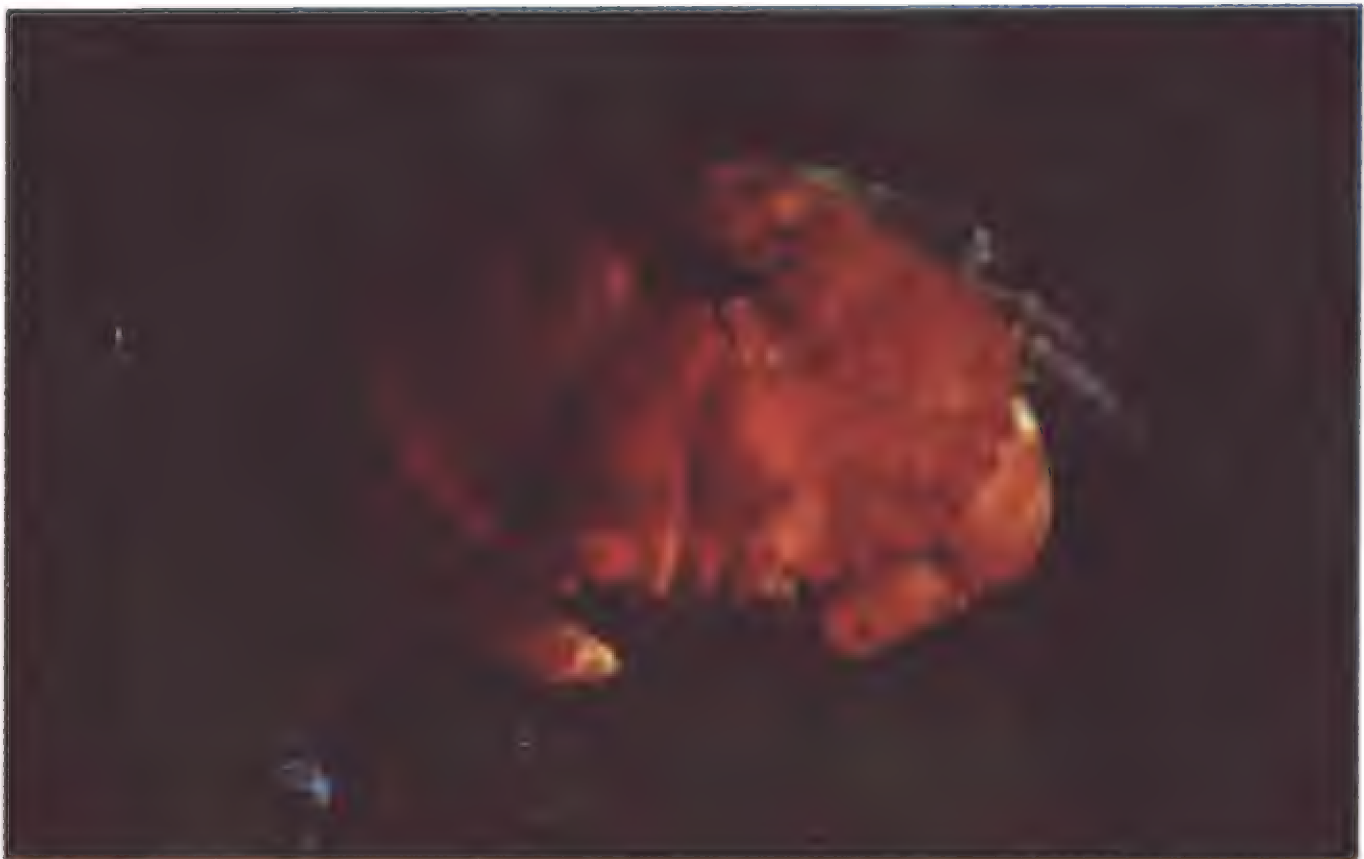

Нападение звезды на мидию

Пышный венец щупалец актинии метридиум

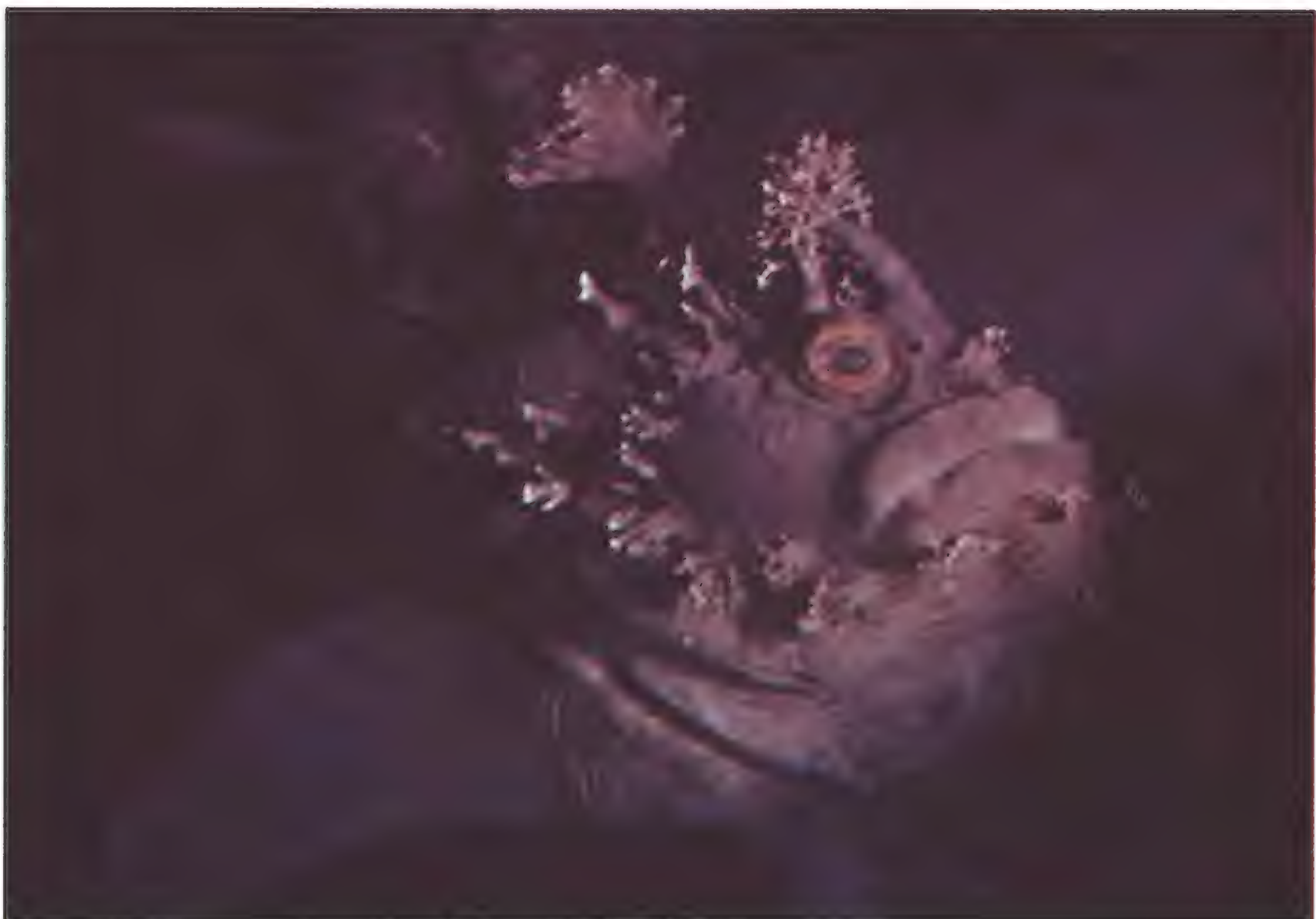
Крабы

Актиния

Мохоголовая собачка

Камбала насторожилась

Бычок Брандта

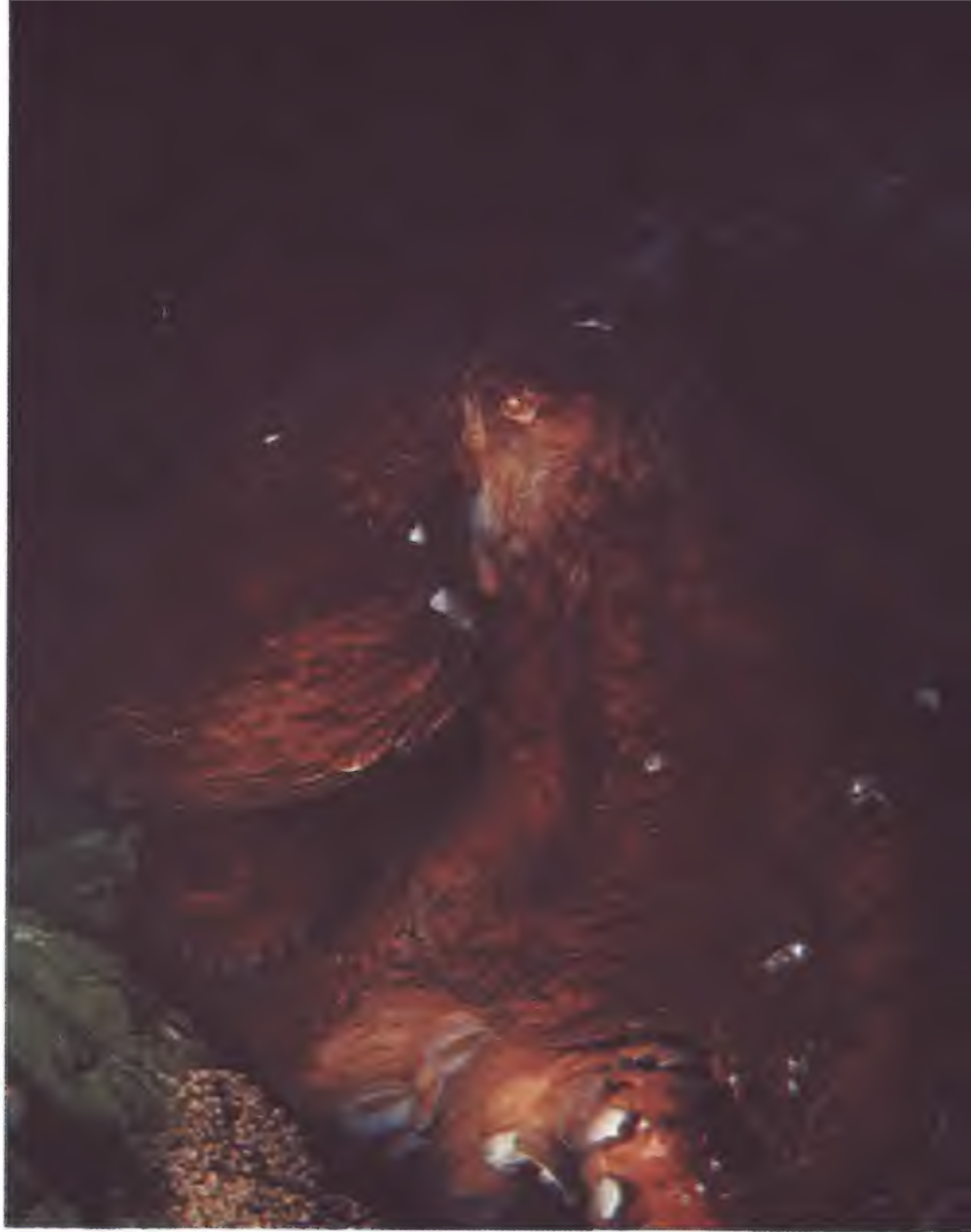
Бычок рогатка

Терпуг одноперый

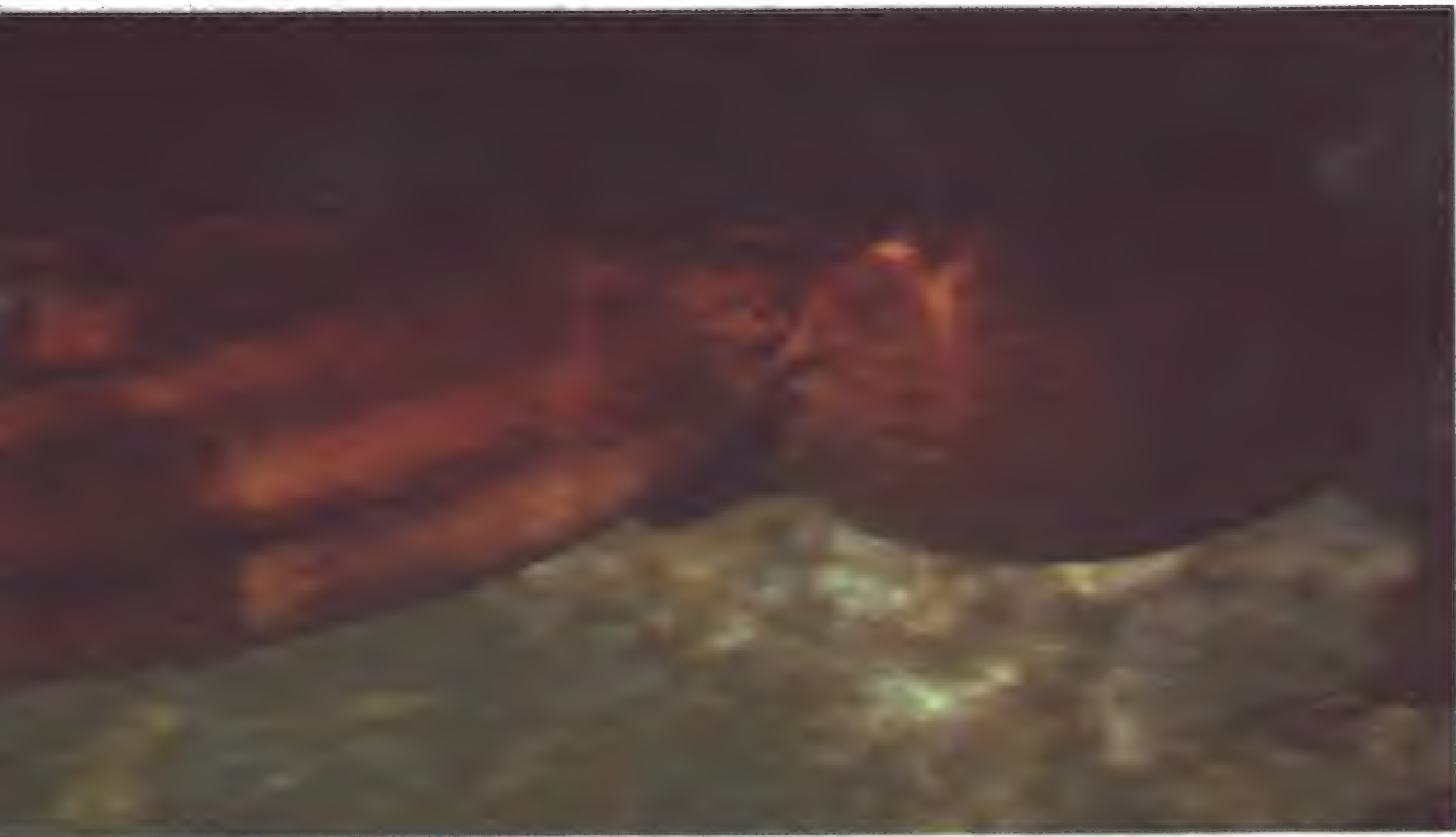

◄ Стая корюшки

◄ Осьминог позирует

Осьминог на дне

Плывущий осьминог

Осьминог ползет по дну

Веером раскрываются щупальца

Воронка у плывущего осьминога ►

Поза угрозы осьминога

— И все это ради осьминога — эка невидаль! Да когда я работал у Поворотного мыса, их иногда бывало почти у каждого камня!

— Как так у каждого камня? — настораживаемся мы.

— Да так, в одну бухточку весной приползали к самому берегу. Уж не знаю зачем, может просто погреться на солнышке.

— Но сейчас же не весна и до Поворотного отсюда далековато!

— Тогда взяли бы осьминога на сейнере у рыбаков — к ним в сети часто такие черти попадаются, что и вдвоем с ним не управитесь!

— И что мы с ним будем делать?

— Как что? Посадите в бочку с водой — и с ним сюда, рыбаки не откажут, все равно мимо плывут. А здесь выпустите его и снимайте себе на здоровье, сколько вам надо.

— Уже были такие хитрецы. Только довезти большого осьминога живым очень трудно, а если довезешь, то он будет еле-еле шевелиться.

— Подумаешь, еле шевелиться! Даже хорошо — меньше с ним хлопот будет.

— Все это не то, нам такой способ не подходит.

— Да кто разбираться-то будет, какой он у вас на снимке: живой или еле дышит. Осьминог как осьминог! А то лезете за ним на полсотни метров вглубь, детей бы своих пожалели.

— Николай Иванович, а здесь вы весной видели осьминогов?

— Да, бывало! Только вблизи берега я их что-то не замечал. Правда, особо и не приглядывался. Весной корюшка у нас здорово идет — не до осьминогов тогда.

Мы с Сашей переглядываемся:

— Но все же видели?

— Пару раз с лодки вон у тех скал.— Сережкин кивает на выступающие невысоко над водой рифы.— Приезжайте сюда весной — посмотрите сами.

— Приехать весной можно, но как плавать и жить в палатке? Ведь в это время еще холодно.

— А зачем вам ютиться в палатке, мокнуть там? Остановитесь у нас на станции — тепло, светло и до моря два шага. И думаю, осьминоги будут!

— А в летнее время?

— Летом их не видел ни разу, да и ребята вот тоже не встречали.

Резон в словах Сережкина есть. К тому же я вспоминаю, что водолазы — промысловики с рыбокомбината как-то рассказывали о встречах с осьминогами в весеннее время.

— Может быть, действительно, приедем сюда на будущий год в конце апреля — начале мая? — спрашиваю я Сашу.

— Я не могу,— отвечает Саша,— весной у нас самая работа, только к концу лета освобождаемся.

— Приезжайте один,— говорит мне Сережкин,— ребята вам помогут,— кивает на наших помощников.

— Надо подумать.

— Думайте — времени впереди много. А у кекуров не погружайтесь больше — опасное это место. Лучше попробуйте вот у этого островка,— Сережкин показывает на большой каменный массив напротив станции.— Место это куда спокойнее, и рыбы там разной много. Может быть, и осьминогов встретите.

Сережкин закуривает и надолго замолкает. Потом, как бы продолжая прерванную мысль, добавляет:

— Чудаки вы, ей богу! Да меня золотом осыпь — не полез бы к ним в лапы, да еще у кекуров! Водолазы рассказывали, что там настоящих чудовищ видели. На рыбалку туда — это я понимаю. Стань в затишье за скалой и лови. Ерши там — что поросята, ловить их не переловить! Верно, Толя?

Толик вполне согласен с начальником, но замечает, что поверху поплавать там не помешало бы.

— А потом вылавливай тебя в море? Нет уж, плавай вот тут у бережка и хватит с тебя!

Еще раз мы встречаем осьминога у островка напротив станции. И опять на глубине свыше двадцати метров.

Когда мы выплыли из широкого подводного ущелья, Саша дергает меня за руку и показывает на каменную плиту. На ней лежит осьминог. Если бы не мой зоркий напарник, я вряд ли обратил бы на него внимание — уж очень мало общего у этой большой лепешки с привычными представлениями об осьминоге. Плоское туловище его обрамлено свернутыми щупальцами. Голова опущена и сплюснута. Мне кажется, что осьминог спит, и я без особых предосторожностей устремляюсь к нему. За плитой, на которой лежит животное, виднеется узкая щель, уходящая под скалу. Мне бы учесть это обстоятельство и попытаться как-то преградить дорогу к щели. Но я поторопился: поднимаю фотоаппарат

и, почти не целясь, нажимаю на спуск. И сразу же вижу, что осьминога прикрывает выступающий угол камня. Надо было немного приподняться над этим выступом. Пока я занимаю новое положение, потревоженное животное плавно скользит к узкой щели. Я навожу фотоаппарат на животное второй раз, но передо мной уже последнее, втягивающееся в щель щупальце.

Нет, так осьминогов снимать нельзя! Чтобы сделать серию снимков, показывающих облик этого животного и тем более рассказывающих о его жизни, необходимо повседневное с ним общение. У нас же столько трудов и усилий уходит на то, чтобы только увидеть осьминога на несколько мгновений. И я все чаще начинаю подумывать о весне: если осьминоги в это время действительно появляются на мелких местах вблизи берега, тогда акваланг совсем не нужен. Можно в поисках их каждый день плавать в одной маске. Да если еще осьминогов в этой бухте бывает достаточно много, тогда в корне меняется все дело!

Последние дни сентября выдались на редкость солнечными и тихими. Но ночи уже становятся прохладными, заметно охлаждается вода в море. И вот в эти дни в бухту началось настоящее рыбье нашествие: пошли на нерест косяки однoперого терпуга. Это довольно крупные рыбы, формой тела напоминающие пресноводных судаков. Сначала появились голубовато-серые самцы. Все каменные площадки на дне они как бы разбили на отдельные участки. Хозяева этих участков тщательно очищали их от мусора, относили прочь звезд и ежей, отгоняли других рыб. Вскоре показались и самки. Они несколько крупнее самцов и окраска у них другая — золотистая с темными поперечными полосами. Плыли они поодиночке и небольшими группами. Самцы с ближайших участков бросались им наперерез. Круто развернувшись, они выгибались дугой и, трепеща всеми плавниками, застывали перед самками. А затем, оставаясь в таком необычном положении, начинали медленно опускаться к своему участку, как бы приглашая самок за собой. Но те невозмутимо плыли мимо. С каждым днем самок становилось все больше и чаще возникали эти рыбьи игры. Уже мы видели самок, лежащих на дне. И вот появились кладки икры: зеленоватые комочки ее как бы втиснуты в трещины и выемки на каменной поверхности. Самцы ревностно охраняли икру. Сейчас к ним можно подплыть почти вплотную — только в самый последний момент рыбы отплывали от икры и кружились поблизости. А когда удаляешься, они вновь

возвращались к кладке и осматривали ее, как бы убеждаясь, что все в порядке.

Вблизи ущелья все больше появляется ершей, и, к нашей радости, среди них мы видим и золотых. Около берега проплывают стаи кефали пелингаса. Встречаем и волосатых бычков. Может быть, среди них и наш Борода?

Мы с Сашей плаваем в ущелье на мысу, последняя надежда увидеть там осьминога. Но везде только рыбы: большие и маленькие, красочные и незаметные, лежащие на дне и стремительно проносящиеся мимо нас.

Так среди этого хоровода рыбьих стай и заканчивается наш сезон.

4 Плыву среди осьминогов

Уже в сумерках на случайном катере добираюсь до Острова.

— Юра, ты ли это? — Арзамасов, стоя в дверях, изумленно смотрит на меня.— Каким ветром? Неужели собрался плавать в море? Да заходи же, заходи! — Он подхватил мой рюкзак.— Располагайся пока, а я сейчас что-нибудь приготовлю!

Леонид гремит на кухне чайником. Я оглядываю «лабораторию»: на длинном столе ряд штативов, кюветы, аквариумы. В углу сложено громоздкое оборудование: трансформаторы, осциллографы. Значит, и в этом году прибудут ученые.

— Ну, рассказывай! — Леня опять изумленно поглядывает на мое снаряжение.— Как же ты будешь плавать? Ведь лед у берега только недавно растаял.

— Сам плохо представляю, но должен плавать! Потом у меня сейчас гидрокостюм «сухого» типа — воду не пропускает. Оденусь потеплее, как-нибудь выдержу.

— Не знаю, не знаю,— Арзамасов смотрит недоверчиво.— И ты, что же, один собрался плавать?

— Один, кто же еще со мной будет в эту пору? Пытался уговорить некоторых подводников поехать со мной, но желающих не оказалось.

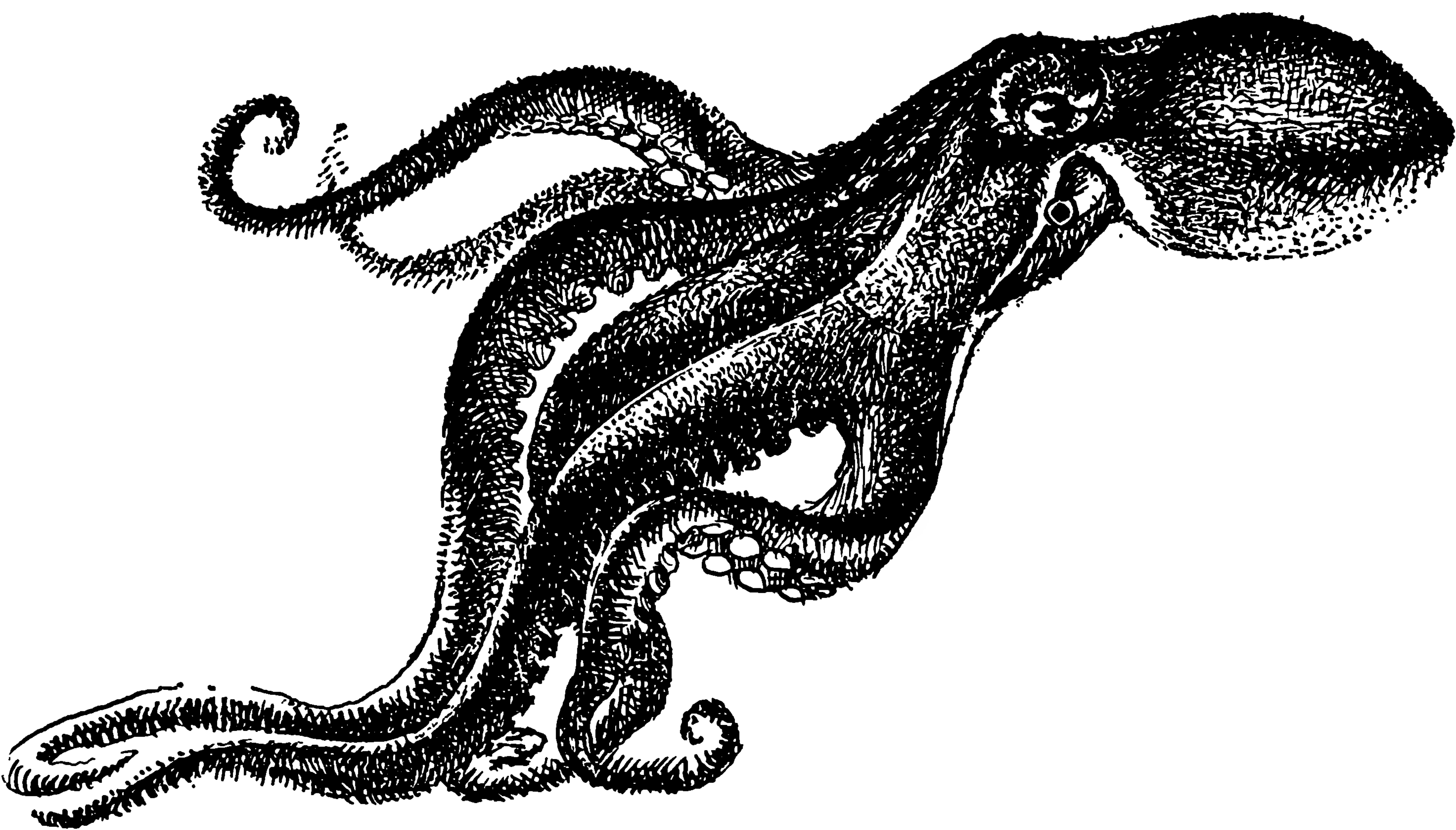
— Но так же нельзя! А если в воде порвешь свой гидрокостюм? Здесь тебе не Ялта, спасателей нет. Кто-то должен хотя бы присматривать за тобой! Написал бы заранее, что-нибудь придумали.

— Все получилось, Леня, неожиданно, несмотря на то что я и готовился к этой поездке. Долго не решался у меня вопрос с отпуском. Но ты не беспокойся: я буду жить на гидрометеостанции. Ребятам я туда написал — они ждут меня.

— Это еще куда ни шло!

— Какие-нибудь научные группы появились на Острове?

— Нет. Только в конце мая должны прибыть ленинградцы. А к середине лета обещал приехать Николай Борисович с Митей и Игорем. Остальные группы не знаю когда. Сейчас начинаем строить летний дом под лабораторию у водяного пирса. К приезду москвичей помещение будет готово. Ну,

ты удивил, удивил! Впрочем, что у тебя за нужда сейчас-то лезть в море?

— Осьминоги не дают мне покоя.

— Вот еще забота! Сделал же его фотографию в прошлом году и ладно. Снимай других животных, мало ли их в нашем море?

— Одна фотография ни о чем не говорит. Надо сделать серию, рассказывающую об их жизни, поведении.

— Как же это ты будешь фотографировать без акваланга? С осьминогами ведь шутки плохи!

— Все у меня продумано, я надеюсь, что обойдусь без акваланга.

— Неисправимый ты! Снимал бы на земле! Чем все это хуже твоих осьминогов? — Леня указывает рукой на стены, где на фотографиях цветущий лотос, олени. Скалы в набегающих волнах, летящая над водой чайка... Все это плоды увлечения Арзамасова фотографией.

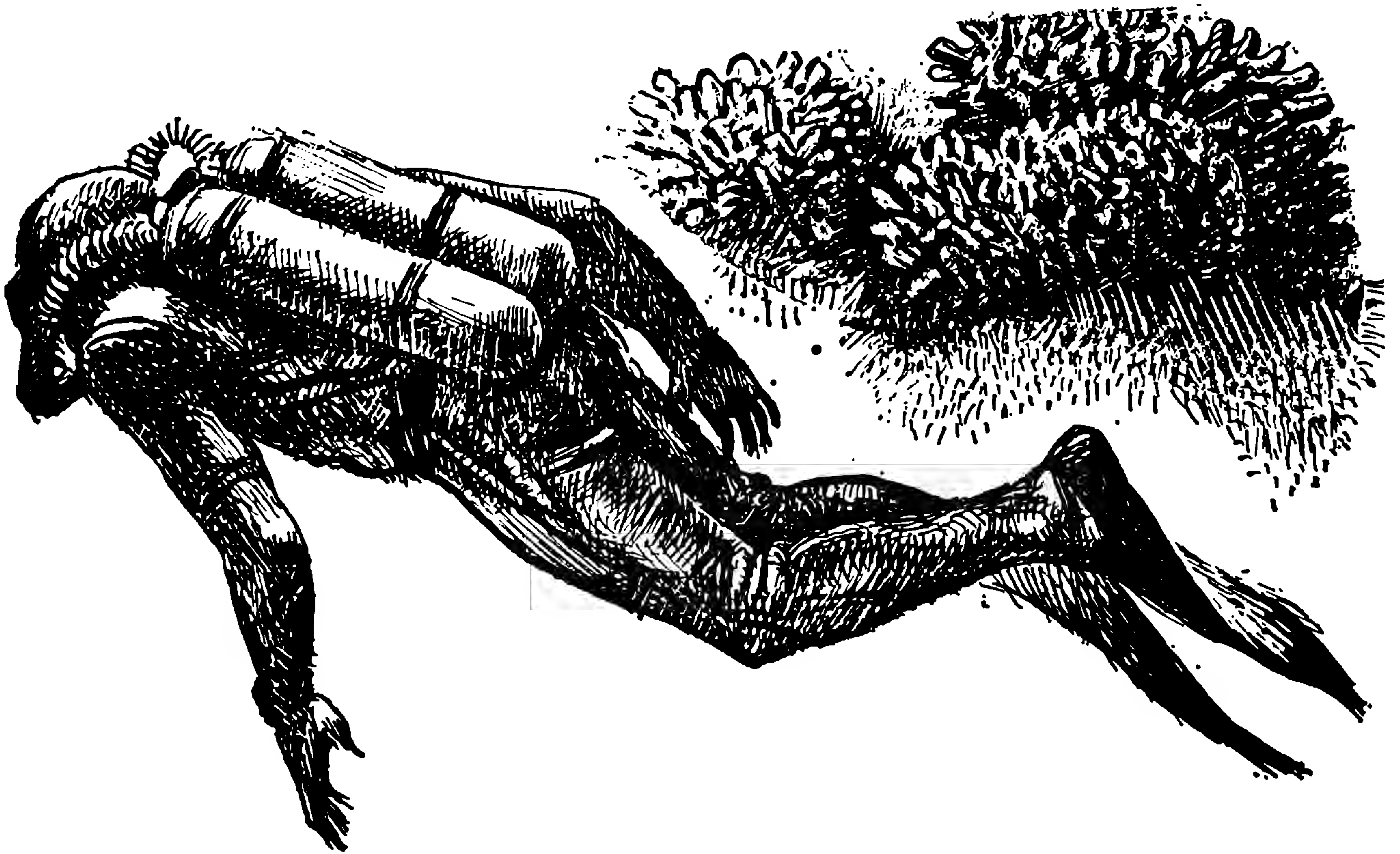
— Каждому, Леня, свое!

— Это, конечно, так!

А потом пошли расспросы о знакомых, воспоминания. Легли спать далеко за полночь.

Когда проснулся, Арзамасов уже был на работе. Утро серое, туман, прохладно. На почте узнал, что подвода с гидрометеостанции была два дня назад.

— Сегодня, часам к одиннадцати, кто-нибудь приедет

оттуда. А вы наш Остров не забываете! — приветливые женщины на почте смотрят на меня с любопытством.— Наверное, снова будете фотографировать? Недавно видели ваши снимки в журнале. Только как вы сейчас будете плавать — ведь холодно же еще?

Снова все тот же вопрос.

Женщины советуют:

— Лучше идите в море с нашими рыбаками. Сейчас красная рыба начала ловиться, крабы.

— С удовольствием бы отправился с ними, но мне надо встретить под водой осьминога и желательно покрупнее.

— А не боитесь, что он вас утащит? Уж очень они иногда бывают большие!

— Через пару месяцев расскажу, а если не появлюсь на почте — считайте, что погиб за науку! — шучу я.

Добрые женщины забеспокоились:

— Нет, верно, плавайте с рыбаками! К ним в ставные невода часто заползают осьминоги. Как будут сеть поднимать, так и снимайте! А наши мужики вас поберегут. Можно обвязаться веревкой: если опасность — мигом вытянут.

Я смеюсь, представив подобную картину, и замечаю:

— Вы еще скажете, чтобы я осьминога в аквариуме снимал!

Тут уж засмеялись и женщины, вспомнив съемки киноэкспедиции. Тогда для съемок подводного мира выстроили

на берегу большой павильон (в нем сейчас цех рыбокомбината), а в нем установили громадный аквариум. Центральной сценой фильма должна была быть борьба водолаза с осьминогом. В аквариум наложили больших камней, разложили звезд, раковины. На сейнере доставили крупного осьминога. И начались съемки. В разгар их водолаз тяжелым башмаком ненароком разбил стекло, и оба борца вместе с водой оказались вне аквариума.

Поговорив с женщинами и выслушав все их советы, выхожу на крыльцо, захватив свежие местные газеты. Туман вскоре рассеивается, и в разрывах облаков изредка проглядывает солнце. Сразу становится теплее и поспокойнее на душе. Голубеет залив и светлеют дали. Глухо бубнит дизель, и от пирса отходит буксир, сопровождаемый взлетающими с воды чайками. И словно в унисон звуку дизеля застучали колеса, и из-за угла выкатилась бричка, а в ней Толик. При виде меня на лице у него от радости запрыгали веснушки:

— С приездом, Юрий Федорович! Точно я рассчитал? А то Ивашов еще вчера хотел ехать к приходу парома. Парни уже ждут вас. Еще заеду за хлебом и потом — прямо на станцию!

Толик убегает за почтой. Затем разворачивает коня по направлению к пекарне. Через полчаса он возвращается за мной.

— Толик, заедем на комбинат,— прошу я,— надо попрощаться с Арзамасовым.

С дороги через широкое окно вижу Леонида в своем кабинете. У него сидит народ: то ли планерка, то ли другое совещание. Увидев нас, он вскакивает и кричит в форточку:

— Юра, обожди! Через пятнадцать минут кончим заседать!

Вскоре Арзамасов появляется с большой сумкой в руках и вроде даже как-то небрежно бросает ее в бричку. В сумке гидрокостюм. Вот это сюрприз! Опять на помощь приходит наш «бог-покровитель»!

— Откуда у тебя гидрокостюм? — спрашиваю я.

Глаза Лени заискрились радостью:

— В конце прошлого года получили для разных работ в воде. Вот ты и испытаешь его — пригоден он или нет.

Гидрокостюм этого типа мало приспособлен для плавания под водой: он из грубой, прорезиненной ткани, с калошами-бахилами, на которые трудно будет приладить ласты. К тому же очень большого размера: таких, как Толик, войдет

в него, наверное, двое. Но по поверхности моря в нем вполне можно плавать, и это очень хорошо!

Теперь ребята мне смогут помогать в воде. Толик тоже радуется: перспектива поймать осьминога для него становится реальной.

Провожаемые добрыми напутствиями Арзамасова, отъезжаем. За сопками сразу попадаем в густой туман. Хлюпает под колесами вода. Над дорогой деревья протянули влажные еще без листьев ветви. На полянах жухлая прошлогодняя трава, лишь кое-где пробиваются тонкие зеленые стрелки молодой травки. И только буйно цветет багульник. Яркие пятна его лилово-розовых кустов, словно гигантские хлопья цветной пены, резко выделяются на серых склонах сопок.

Время от времени дорога подходит к кромке моря. Даже на расстоянии от него тянет промозглым холодом. И опять возникает тревожная мысль: выдержу ли я сейчас длительное плавание? Но ведь аквалангисты плавают даже подо льдом! Правда, просто плавать — одно, а вот фотографировать животных — другое. Сколько раз приходится замирать без движения, ожидая подходящего момента, и, конечно, в холодной воде это будет нелегко.

А Толик тем временем рассказывает. Дорога длинная, отощавший за зиму конь, несмотря на понукания, идет еле-еле. Времени у нас много. Узнаю одну новость за другой: кто уехал, кто прибыл вновь, как зимовали, как ловится рыба, какие случились происшествия... Так за разговорами одолеваем последний перевал. За ним длинный спуск к станции. И здесь все скрыто туманом. Под гору конь бойко застучал копытами, и бричка загромыхала по камням. Вот уже слышен шум невидимого из-за тумана моря. Запахло дымом, а затем и рыбой. Около дороги протянулась сеть с разложенной на ней сплошным слоем корюшки.

— Пропадает рыба. Хоть бы на полдня выглянуло солнце — подсушило ее! — Толик с досадой глядит вверх.— Уже несколько дней не ловим...

На шум подъезжающей брички выбегает Пират, а за собакой высыпают все свободные от работы сотрудники станции. Ребята жмут мне руку, расхватывают почту, несут в дом мешки с продуктами, мои вещи. Последним выбегает Ивашов. Он в белом халате и колпаке — работает сегодня на кухне. Спрыгивает с крыльца, и я вижу его радостные глаза. Ивашов, Ивашов — дорогой мой товарищ! Опять мне с тобой плавать! Конечно, и с Толиком тоже. Сережкин —

человек покладистый: разрешит ребятам и на этот раз помогать мне в море.

На другой день иду к морю. Собственно, плавать я не собирался — надо пройти необходимую акклиматизацию. Но все же решаю проверить гидрокостюм и отрегулировать груз для ныряния. Температура воды плюс пять градусов. Надеваю две пары шерстяного белья, свитер, влезаю в гидрокостюм и прямо против крыльца дома вхожу в море. Постоял немного на дне, выпустил из гидрокостюма лишний воздух — «обжался», как говорят подводники. Пошевелил руками, ногами, проверил перчатки. Все в порядке: вода нигде не протекает. Холод же пробирает через все шерстяные одежки. Но терпимо. Оттолкнувшись ото дна, тихо плыву вперед.

Я замечаю кучу тряпья, светлеющую между камнями,— чья-то, наверное, старая рубаха, случайно попавшая в море. Подплываю ближе и не верю глазам своим: передо мной осьминог! Что встречу его, я не сомневался, но чтобы это было так просто — не мог себе представить. Подплываю ближе. Осьминог не шевелится. Окраска его бледная. Может быть, он мертвый? Осторожно дотрагиваюсь до него рукой. У осьминога слабо зашевелились щупальца. Скорее за фотоаппаратом! Какая уж тут акклиматизация! Как был в гидрокостюме и ластах, врываюсь в дом, вызывая всеобщий переполох. Достаю фотоаппарат, трясущимися руками вставляю его в бокс. Теперь надо подсоединить еще лампу-вспышку. Затягиваю последний винт и бегу к морю. За спиной с обрыва скатываются ребята. Заходится в лае Пират. Как хорошо, что предусмотрительный Сережкин посадил его на цепь! Иначе быть бы беде: этот злой пес сейчас порвал бы на мне гидрокостюм.

Толик уже на берегу. Встав на высокий камень, он пытается разглядеть осьминога сверху. На лбу у него от напряжения сбежались складки. Ветер взъерошил и поднял на его голове светлые вихры. Он оборачивается ко мне:

— Может быть, мне одеть гидрокостюм?

— Обожди, Толик, сейчас не время... И потом как бы мы вдвоем не спугнули его!

Я спешу в воду.

Осьминог на старом месте, будто ничего и не произошло. Распластался на дне, щупальца свернулись аккуратными кольцами. Первые снимки готовы. Яркая вспышка фотолампы его не беспокоит. Ищу более подходящий ракурс.

Стараюсь не делать резких движений: только бы не испугать осьминога! «Выстреливаю» все двенадцать кадров пленки. Тут же поворачиваю к берегу и опять несусь в дом, чтобы перезарядить фотоаппарат. Ребята собираются вокруг меня, стараясь чем-нибудь помочь, но только мешают. Хоть бы осьминог подождал!

А он и не думает убегать: лежит в той же позе. Теперь могу внимательнее его рассмотреть: тело животного как бы расплылось среди камней и потеряло свои формы. К тому же светлая его окраска сливается с окружающим фоном. Надо осьминога расшевелить! Прошу Толика кинуть мне палку и начинаю его щекотать и подталкивать. Щупальца медленно заструились и раскинулись в стороны. Осьминог приподнимается, и туловище его округляется. Можно снимать. Но, как на грех, не переводится пленка. Приходится вылезать на берег и открывать бокс. Мои болельщики приходят в сильное волнение: осьминог вполз на вершину большого камня и теперь виден всем. Похоже, что он разглядывает нас из-под воды.

Я опять плыву к осьминогу, который словно собрался мне позировать: уселся в большую выемку камня, как в кресло, и засиял багровым цветом. Оба глаза поднялись на макушку головы. Спокойно посматривает на меня. Отличный кадр! И я кружусь вокруг осьминога, щелкая фотоаппаратом до тех пор, пока осьминог, побледнев, не спускается с камня и, выбрасывая вперед щупальца, не уползает в глубину.

Окруженный возбужденными ребятами, поднимаюсь к дому. Все оживленно обсуждают виденное. Как тут не удивляться! — многие впервые видели живого осьминога. И никто раньше не предполагал, что эти животные могут быть совсем рядом, почти у крыльца дома.

Может быть, осьминог забрел сюда случайно? Но у меня уже зреет уверенность: раз есть один, то будут и другие! Если не здесь, так в соседних бухтах или у кекуров.

Рано утром я опять в море. Осьминогов искать долго не пришлось: один лежал на краю отмели, а недалеко под скалой примостился второй. И снова я бегаю от моря к дому и обратно — перезаряжаю фотоаппарат. Уже целый ряд снятых роликов выстроился в коробке, но остановиться я не могу — меня охватила настоящая «фотографическая лихорадка». Даже холода воды не замечаю. Сегодня силы уже на пределе, но опять не покидает беспокойство: вдруг не увижу больше осьминогов? И, делая над собой усилие, от-

гоняю эту мысль: ясно, что осьминоги будут постоянно и не где-нибудь, а в этой бухте!

Иду к дому, еле передвигая ноги,— наплавался я сегодня сверх всякой меры. Толик несет тяжелую аппаратуру. Был бы я выдержаннее, не спеша снял бы одну или две пленки. А потом поплавал, пригляделся бы к осьминогам. Подводные съемки — тяжелый труд, и начинать эту работу надо постепенно. Но разве тут можно удержаться! Снять гидрокостюм не хватает сил, стягиваю только с головы шлем и буквально падаю на лавку, приваливаясь к теплой стенке печки. Ивашов протягивает кружку. Я прихлебываю горячий чай, и ко мне постепенно возвращаются силы. Приятная истома разливается по телу. Удовлетворение от того, что мои усилия не пропали даром и я на пути к успеху, тихой радостью наполняет мое сердце.

Дальнейшая действительность превзошла все мои ожидания: стоит заплыть в море против дома, как обязательно встретишь осьминогов. Меня поочередно сопровождают Толик и Ивашов. Под смех и шутки окружающих влезают они поочередно в свой светло-зеленый гидрокостюм, который раздувается пузырями и топорщится большими складками, и становятся похожими на гигантских лягушек. Пес Пират натягивает цепь и, встав на задние лапы, свирепо рычит на меня. Каждый раз я опасаюсь, что голова его вылезет из ошейника. Добрый Ивашов только улыбается, но вспыльчивый Толик замахивается на пса. Но того это не охлаждает, и пока мы не отплывем, бухта оглашается его басовитым лаем.

Ребята нырять могут с большим трудом, поэтому следят за мной с поверхности воды. Гидрокостюм у них довольно сильно пропускает воду, но они стойко переносят эту неприятность. На первых порах помощи от них особой не требуется и они пока только переживают за меня: радуются моим успехам и огорчаются неудачам, о чем оповещают криками. Я предупреждаю их, что так они напугают осьминогов. Но съемки и для моих помощников настолько интересны, что они не могут сдержать себя. И я махнул рукой, тем более что на этот шум осьминоги мало обращают внимания.

Что же привлекает в эту бухту осьминогов? Скорее всего причина тут в корюшке. Здесь в этот период темными ночами проходит ее нерест. А за корюшкой подходят рыбы покрупнее: камбалы, бычки, терпуги. И вслед за рыбьими стаями приползают осьминоги. Сегодня самая подходящая погода

для нереста корюшки: небо закрыто облаками, небольшая волна накатывается на берег. Когда полностью стемнело, выходим к морю. Стаи корюшки замечаем по вспыхивающим, фосфоресцирующим следам — это светится потревоженный рыбами планктон. Вскоре поток корюшки устремляется к береговой черте. Мы стоим без движения, вслушиваясь в шелестящий рокот набегающей волны. Белая пена сбегает в море, и слышно характерное трепыхание рыбы у наших ног по морской гальке. Пробегают яркие вспышки света от планктона, словно по берегу рассыпаются раскаленные угольки. Разносится исходящий от корюшки запах свежего огурца. Включаю фонарик, и в его свете мы видим на песке трепещущую серебристую полосу нерестящейся рыбы. Следующая волна смывает этот живой покров. Но спустя короткое время кромку берега снова покрывает серебристая пелена. И так раз за разом, всю ночь до рассвета.

Живые волны вбегают на берег, чтобы здесь в этом трепетном движении оставить будущую жизнь. Забываешь о времени, всматриваясь в эту реку жизни. Ее поток зачаровывает своим неотвратимым движением и красотой мерцающих зеленым светом серебристых россыпей рыбы.

Утром на песке пляжа много вынесенных волной ослабевших рыбок. С криком их подхватывают чайки. А под водой на дне лежат раздувшиеся, похожие на жаб, большие бычки, на камнях примостились сытые терпуги, скопились морские звезды. Мертвых или ослабевших рыбок здесь не видно: все подобрали эти прожорливые хищники. Наверное, от них не отстают и осьминоги.

Сейчас у меня задача вроде бы простая: сфотографировать осьминога, как говорят, в «полный рост», чтобы хорошо были видны туловище, голова и щупальца. Но сделать это оказалось неожиданно трудно: встречавшиеся на открытых местах осьминоги в большинстве случаев лежали на дне, распластавшись бесформенной массой. Только расшевелишь очередного натурщика, но не успеешь навести на него фотоаппарат, как он снова принимает прежнюю позу или уползает и скрывается среди камней. И ты, чертыхаясь, плывешь к другому. Так ныряешь десятки раз. Приходится проявлять большую ловкость и осторожность, пока заставишь осьминога принять нужную позу. Чтобы отснять такой кадр, понадобилось несколько дней.

Постепенно лихорадка фотоохоты проходит. Начинаю

внимательно присматриваться к жизни осьминогов. Надо вникнуть в жизнь этих животных, чтобы суметь правильно передать ее на фотографиях. После каждого заплыва тщательно анализирую виденное, стараясь отметить наиболее характерные черты поведения осьминогов. И в своем воображении набрасываю схемы будущих фотографий. Я составляю их перечень и некоторые даже представляю в рисунках. Так возникает конкретный план действий и первоначальная программа съемок.

Обычно осьминогов встречаю среди больших камней, расположенных по краям отмели и участкам дна, покрытым гравием и россыпями мелких камней. Осьминоги часто сидят в своего рода убежищах, которыми служат гроты, ниши в скалах, расщелины, или выкапывают пещеры и норы под большими камнями.

В первые же дни отмечаю различие в поведении крупных и небольших осьминогов. Надо сказать, что преобладали довольно крупные животные, длиной свыше метра. Небольших было гораздо меньше. К тому же они часто скрываются в недоступных расщелинах и норах. Днем осьминоги, как правило, лежат неподвижно. Чтобы вывести крупного осьминога из этого состояния, приходится щекотать или покалывать его палкой или прутиком, которые я специально для этого захватываю. Осьминог при этом вздрагивает, приподнимается. Щупальца его как бы раскручиваются и разбрасываются в стороны. Между ними растягивается перепонка. Глаза поднимаются на верх головы, и осьминог зорко следит за мной. Окраска его становится кирпично-красной или густо-багровой. Стоит отплыть, как он бледнеет и принимает прежнюю позу. Если я продолжаю ему досаждать, то он старается поймать меня, выбрасывая навстречу щупальца. Но движения их плавные, и я увертываюсь от них без труда. Если же я очень надоедаю осьминогу, он уходит в глубину или в свое убежище. Причем делает это не спеша и с явной неохотой.

Совсем иначе ведут себя при моем приближении небольшие осьминоги. Стоит им заметить меня, как они припадают к камню и бледнеют, стараясь слиться с его окраской. Воронка осьминога в этот момент закрыта — он не дышит, чтобы не выдать себя малейшим движением. Стоит дотронуться до него, как он срывается с места, плавно вытягивается и принимает обтекаемую форму. Резко выбрасывая из воронки воду, осьминог как бы прыгает вперед и вверх. И почти всегда в этот момент выпускает чернильное облако.

Плывут осьминоги часто в сторону берега, где попадают прямо в прибойную волну. Такое поведение вполне объяснимо — ведь их враги — это крупные животные: акулы, касатки, которые избегают приближаться к берегу, а тем более к прибою. И у осьминогов выработалась эта реакция — спасаться на мелководье. Крупные же осьминоги не уплывают от меня, несмотря на все мои старания их испугать, и, естественно, не выпускают чернильное облако. Не видят они во мне опасности для себя, значит, очень четко отличают меня от извечных своих врагов.

По дну осьминоги передвигаются с помощью щупалец. Я никогда не видел, чтобы они шагали на их кончиках, как иногда пишут. По-моему, это невозможно. Выбрасывая щупальца вперед и цепляясь ими за каменную поверхность, осьминог затем подтягивает туловище. Щупальца совершают периодические круговые движения, и животное плавно передвигается, словно катится на своеобразном гусеничном ходу. Иногда, припав к каменной поверхности, осьминог тихо скользит по ней, делая короткие движения щупальцами. В этом случае присоски, поочередно присасываясь, как крохотные ножки, перемещают тело животного.

Передвижение осьминогов по дну с помощью щупалец в общем-то воспринимается вполне естественно. А вот их плавание выглядит фантастично. Спокойно смотреть на них в этот момент невозможно. И каждый раз, когда я вижу небольшого осьминога, я стараюсь его вспугнуть, чтобы полюбоваться его полетом. Если при плавании других животных замечаешь движения тела, плавников, конечностей или каких-нибудь выростов тела, то у осьминогов нет видимых движений тела. Правда, в момент, предшествующий плаванию, осьминог сильно раздувает туловище, набирая побольше воды в мантийную полость. Тело его в это время всегда приобретает яркую окраску. Выбросив воду из воронки, осьминог взлетает и летит, пронзая толщу воды, как красная ракета. Проплыв пятнадцать — двадцать метров, он спускается на дно и, расправив шупальца с перепонкой, как бы «переливается» складками тела. Потом подбирает щупальца, придвигается к какому-нибудь камню и замирает. Подплываешь к нему, и он снова прыгает от тебя, выбрасывая чернильное облако. И так несколько раз. Облако каждый раз все меньше, бросок короче. Несмотря на то что в первый момент скорость довольно большая, не было случая, чтобы я не догнал в конце концов уплывающего осьминога. Все же длительное время они не плавают и стараются

быстрее опуститься на дно, а там при первой возможности спрятаться среди камней или в каком-нибудь подходящем убежище, где чувствуют себя в безопасности.

Потревоженные в убежище осьминоги веером раскрывают щупальца и полностью перекрывают ими вход. Выгнать их в этот момент из убежища очень трудно. Мне удавалось это только в том случае, если убежище имело два выхода. В один из них я просовывал палку и начинал покалывать и подталкивать ею осьминога. Чаще завязывается у нас утомительная борьба: я проталкиваю палку в глубь убежища, а осьминог выталкивает ее обратно. Иногда в результате такой борьбы он выскакивает из другого выхода, вздымая и скручивая, словно в ярости, щупальца.

Интересно наблюдать, как осьминоги возвращаются обратно в свое убежище: сначала для проверки запускают внутрь пару щупалец, затем начинают очищать свое жилище, выбрасывая оттуда разный мусор, камни, обрывки водорослей, заползших морских звезд. В этот момент я несколько раз подшучивал над ними: тихонько подплывал и щипал за заднюю часть туловища. Мгновенно осьминог влетал внутрь убежища, и долго потом у входа извивались щупальца.

Приверженность осьминогов к убежищу оказалась для меня очень удобной. Дело в том, что для съемки мне иногда нужны были совсем маленькие осьминоги. А они встречались очень редко. Поэтому, обнаружив их, я находил подходящий грот, тщательно очищал его и запускал туда осьминога. Часто он оставался там на несколько дней и был, как говорится, всегда под рукой. Его нетрудно было извлекать из убежища, а после съемки он сам торопился обратно. Но однажды произошло непредвиденное. Я по привычке сунул руку в грот, не посмотрев туда как следует, и рука застряла среди толстенных щупалец. Произошла смена хозяев убежища. Присоски тотчас же облепили перчатку. Пара щупалец легла мне на плечо. Я потянул руку к себе, но осьминог держал ее крепко. Дежуривший наверху Ивашов закрутился надо мной — он сразу оценил обстановку. Но в данной ситуации он мало чем мог мне помочь.

Тревога подступила к сердцу: если осьминог удержит меня под водой минуту-две, то я захлебнусь. Усилием воли заставляю себя замереть неподвижно, и тотчас же щупальца начинают один за другим скручиваться, и осьминог отпустил мою руку. Это был первый серьезный сигнал о том, что с этими животными надо быть осторожнее.

Убежищами осьминогу часто служат расщелины и гроты в скалах с очень узким входом. Иной раз вход бывает в несколько раз меньше тела животного. Меня на первых порах просто изумляло, когда я видел, как из отверстия диаметром сантиметров двадцать — двадцать пять показывались толстые щупальца, а потом, словно выливаясь, вылезал и сам осьминог. Расправив перепонку и раздув туловище, он оказывался чуть ли не в метр диаметром.

Способность осьминога изменять форму тела удивительна. Этому помогает отсутствие у него скелета. Если осьминог оказывается в безвыходном положении, то принимает, пожалуй, самый поразительный вид: припадает к каменной поверхности и как бы распластывается. Туловище его становится плоским, перепонка между щупальцами растягивается чуть ли не до самых их концов. И животное, образно говоря, превращается в блин, увеличиваясь в размерах в несколько раз. Вдобавок поверхность его тела вспыхивает интенсивным цветом красного оттенка или покрывается яркой мозаикой пятен. Все это должно отпугивать его врагов. И потом это живое покрывало, присосавшееся сотнями присосок к поверхности скалы или камня, почти невозможно оторвать.

Окраской осьминога можно было любоваться часами. В спокойном состоянии осьминог чаще всего неприметного, серо-бурого цвета, но при возбуждении его окраска изменяется от розового и золотистого цвета до густо-багрового. Смена цвета происходит мгновенно. Осьминог то принимает однотонную окраску, то покрывается разнообразными узорами. Окраска осьминога зависит от мелких пигментных клеток — хроматофор, находящихся в верхнем слое кожи. Хроматофоры содержат пигмент четырех цветов: черного, красновато-коричневого, оранжевого и желтого, причем каждая клетка имеет пигмент только одного цвета. Хроматофоры очень эластичны и могут расширяться с помощью мельчайших мышц в десятки раз. Изменение площади клетки усиливает или ослабляет окраску. А сочетание различных хроматофоров создает тональность окраски осьминога. Растяжение или сокращение клеток происходит за доли секунды. Кроме того, под слоем хроматофоров находятся особые овальные клетки, которые содержат ряды тонких призматических пластиночек, отражающих и отчасти преломляющих свет. Это усиливает окраску осьминога и создает своеобразные переливы цвета.

При фотосъемках я стараюсь запечатлеть изменения ок-

раски осьминогов, но вариантов их столько, что все передать будет невозможно.

Постепенно накапливались впечатления, росло и количество снятых сюжетов. Но как они получились, я смогу оценить только дома. Чтобы обезопасить себя от всяких случайностей, каждый сюжет стараюсь продублировать на нескольких пленках. Это усложняет работу. Но что поделаешь? По опыту я знаю, что большая часть кадров будет испорчена — уж слишком трудно учесть все факторы при подводной съемке.

И я тружусь, не считаясь со временем и усталостью.

Толика с Володей все больше и больше увлекает моя работа. И здесь опять проявляются особенности их характеров. Толик — истинно морская душа, и его влечет само море, возможность поплавать, особенно при большом волнении да еще в белой пене прибоя между острых зубьев рифа. Осьминогов он рассматривает как неких противников. Его волнуют и восхищают мои упражнения с ними под водой. И он тоже стремится к подобной борьбе. Толик — спортсмен и искатель приключений.

Володя весь во власти познания нового мира. Перед ним все время встают вопросы. Но он стеснительный и обращается ко мне не так уж часто. Потом мои ответы слушает внимательно, не перебивая. Его интересует буквально все об осьминогах: их жизнь, повадки, анатомия. Володя в душе натуралист.

— Юрий Федорович! Я отстегну Пирата? Не трогает он вас теперь,— просит Володя, когда мы одели гидрокостюмы и направились к морю.

— Пойдем, Пиратушка, с нами!

И пес прыгает вокруг него, припадая к земле и взбрыкивая длинными лапами.

— Иди, иди, злодей! — покрикивает устрашающе Толик.

Пес трусит за нами, время от времени с подозрительностью обнюхивая мои ноги.

Я заплываю с Володей в море, Толик уходит на дежурство, а Пират усаживается на берегу и, наклонив голову, поглядывает в нашу сторону. Так появляется у нас четвертый член экспедиции. Пес принял на себя добровольное обязательство следить за нами, когда мы плаваем в море.

Сегодня я хочу проверить, с каким усилием присасывается осьминог. И попытаюсь это отобразить на фотографии. Поднимаю к поверхности маленького осьминога с длиной

щупалец не более полуметра и на мелком месте сажаю его на большой камень. Щупальца плотно прилипают к нему. Объясняю Володе, что надо делать. Он берет осьминога за туловище и начинает тянуть на себя. Сначало слабо, потом все сильнее. Я навожу фотоаппарат. Нет, пожалуй, Ивашов слишком осторожничает, жалеет осьминога. Подаю помощнику сигнал, чтобы он поднял голову из воды.

— Сильнее тяни, что есть силы! — кричу ему.

После этого тело осьминога натягивается до предела. Мне уже кажется, что оно вот-вот разорвется. Но оторвать осьминога от камня Ивашов не может. Быстро делаю несколько снимков и показываю рукой, что можно отпустить осьминога. Он тотчас подбирает щупальца и скатывается вниз по камню.

Для фотографирования мне часто приходится снимать с камней осьминогов. Вскоре я осваиваю такой прием: одной рукой беру его за шею и тяну изо всех сил. А другой, хватая за концы шупальца, поочередно отрываю их от поверхности камня. Надо только делать это быстро, чтобы животное не успевало вновь цепляться ими за камень. В этот момент раздается характерный звук отлипаемых присосок, похожий на треск разрываемой материи. Осьминог оказывается у меня в руках. Но это можно проделать только со сравнительно небольшими осьминогами.

Гораздо проще справиться с осьминогом, когда он оказывается на отмели или среди подводных зарослей. Здесь для него просто нет опоры, и тогда поднимаешь его вместе с мелкими камнями и обрывками водорослей, за которые он тщетно пытается зацепиться. В таких случаях можно одолеть и довольно крупных животных.

Интересна особенность щупалец: когда осьминог держится ими за что-нибудь, они упругие и твердые, словно канаты, но стоит им потерять опору, как они тут же, расслабляясь, становятся как бы желеобразными. Разорвать их в этот момент невозможно — просто не удержишь в руках, они выскальзывают, выплывают из них.

В тихую солнечную погоду осьминоги часто подползают к самому берегу, их можно встретить на глубине полутора-двух метров. Для фотографирования тогда полное раздолье: не надо глубоко нырять и, задерживая дыхание, ждать подходящего момента. Лежи себе спокойно на воде и следи за осьминогом. А потом фотографируй его прямо с поверхности.

Толик твердо уверен, что осьминоги выползают на мелкое место, чтобы погреться на солнце.

— Вон там один «курортник» загорать разлегся. Может быть, подойдет? — говорит он, поднимая голову из воды и показывая в сторону ближайшего каменного массива.

— Вряд ли с ним что-нибудь сделаем — смотри, какая рядом глубокая расщелина! Уползет туда, если мы его потревожим.

— Не дам живот греть, не дам! Работать надо! — бурчит через трубку Толик и прутиком щекочет сзади осьминога.

Тот нехотя пошевеливает щупальцами и начинает втягиваться в расщелину. Но Толик не отстает, и тогда заползший было в расщелину осьминог снова выдвигается наполовину из-под камня и поднимает кверху щупальца.

— Юрий Федорович! — кричит помощник: смотрите, какую он фигуру состроил — снимать надо!

Осьминог пытается дотянуться до Толика. Сцена действительно интересная, и я ее снимаю. Когда я поворачиваюсь, чтобы плыть дальше, краем глаза замечаю, как Толик, опустив обе ноги вниз, пытается ластом пнуть осьминога. Делает это он украдкой, зная, что подобные действия я запрещаю. И ему удается слегка задеть животное. Осьминог затряс перепонкой и стал наливаться краской. А довольный Толик догоняет меня, уверенный, что я не видел его проделки. Ничего, на берегу я ему вынесу выговор!

Плывем вдоль самой кромки берега, подыскивая следующего натурщика для съемки. Сегодня я должен сфотографировать осьминога с развернутыми щупальцами. Толик проинструктирован: он должен пощекотать осьминога прутиком между глаз, и, когда тот раскинет щупальца, мне надо успеть сделать снимок. Выбираем самого крупного. Он лежит около больших камней, вершины которых поднимаются над водой. Толик дразнит осьминога, и тот, опираясь на щупальца, вздымается перед ним ярко-красным бугром, а затем медленно раскручивает щупальца. Потом неожиданно подается в сторону берега и оказывается совсем на мелком месте. И тут словно невидимая пружина подбрасывает Пирата вверх. Раскидывая лапами гальку, он скатывается со своего наблюдательного поста и с рыком прыгает к воде. Осьминог сейчас у самой поверхности.

— Фас, Пират! Хватай его! — оживляется Толик. Пес прыгает на камень и нависает над осьминогом.

«И вправду схватит,— думаю я.— Как бы не пришлось потом вытаскивать пса из-под воды!»

Но лай внезапно прерывается, и словно в недоумении Пират разглядывает и нюхает колышащуюся, непонятную для него массу. Затем фыркает, потоптавшись на камне, прыгает на берег и отряхивает лапы. Инцидент исчерпан: для пса осьминог не зверь.

— Эх ты, трус! — Толик по-своему истолковывает поведение Пирата и недовольно поглядывает в сторону собаки.

Видно, он рассчитывал увидеть захватывающую борьбу.

— Не расстраивайся, Толик! В одной книге я уже встречал утверждение, что победителем в такой схватке безусловно будет собака.

— Ну да! Разве она оторвет такого вот от камня?

— Тогда зачем же ты науськивал Пирата?

— Пусть бы искупался, а то совсем распарился на солнце! Не съел бы его осьминог — мы не позволили бы!

— Это уж верно! Хоть он и Пират, а жалко, если утонет. Ну ладно! Теперь сделаем такой кадр: ты плывешь с осьминогом в руках...

— Опять с этим? — Толик живо поворачивается к осьминогу, который несколько успокоился и уже свернул щупальца.

— С ним мы и вдвоем не справимся! Лучше поищем другого, поменьше.

Без особых хлопот поднимаю со дна небольшого осьминога и у поверхности воды протягиваю его Толику:

— Держи его вот так — ближе к себе и плыви на меня от этой скалы!

Осьминог хватается щупальцами за Толика и изгибается над его плечом. А Толик смотрит стального цвета глазами мимо осьминога прямо в объектив фотоаппарата...

— Разве это осьминоги! — пренебрежительно говорит он по дороге к дому.— Вот у нас около Петропавловска есть настоящие бугаи.

— Да ты хоть видел их там, под водой?

— А то как же! Одного я углядел со скалы: в диаметре метра четыре был, не меньше.

— Ну, ну! Это ты, наверное, преувеличиваешь.

— Я правду говорю,— слегка обижается Толик и продолжает фантазировать дальше.— Своими глазами видел, как такой осьминог здоровенного мужика с камня сдернул. Тот у самой воды лежал, задремал, видимо, под солнышком. Только каблуки у бедняги мелькнули. И крик же он поднял! Еле приятели его обратно выдрали из щупалец, спасли...

— Сам, наверное, упал в воду да в водорослях запутался. Или те же приятели подшутили.

— Хороши шутки, когда мужик без сапог остался — успел-таки стянуть их осьминог! А вот другой случай: один любитель заплыл в Авачинской бухте на большой камень, чтобы оттуда снять берег. Навел фотоаппарат, а тут всплывает опять же страшила и протягивает к фотографу щупальца. Естественно, крик на всю бухту. Хорошо, что в руках был фотоаппарат — им он и отбивался от осьминога. Спасатели на катере быстро подоспели, а то неизвестно, чем бы все кончилось.

— Не поняли там осьминога — не нападал он, а просил его сфотографировать,— смеюсь я.

— Да вы что, мне не верите? Поезжайте тогда в Петропавловск и сами взгляните на наших осьминогов! — лицо Толика серьезное, даже обиженное, но в глазах его пляшут смешинки.

«Вот так,— думаю я,— и рождаются «страшные» истории про осьминогов: что-то Толик видел, что-то ему показалось, а что-то добавил от себя».

На море шторм. Там, где были осьминоги, сейчас мутная вода, плавают сорванные ленты морской капусты, разный мусор. Белый вал накатывается на берег и, разбиваясь, наползает с шелестом на песок. Сбегая обратно, вода оставляет на берегу водоросли, морских звезд и ежей. По краю темной полосы мокрого песка стоят рядком чайки. Время от времени они взлетают и скользят над набегающими волнами.

Мы сидим на крыльце. Солнечно и тепло, но, как всегда в таких случаях, беспокойно на душе — сколько еще будет волноваться море? И опять мне жалко уходящих дней.

После обеда Ивашов заступает на вахту, и я, чтобы как-то рассеяться, отправляюсь с ним. Тропинка поднимается в гору и ведет нас к перевалу, где находится метеоплощадка. Впереди бежит Пират. Идем под деревьями. Дубы уже оделись листвой, кругом все зеленеет. Поляны сплошь покрыты цветущей земляникой.

— Ягоды нынче много будет, жалко вы не застанете — она поспевает в июле... Стоп, Пират! Ко мне! — Володя сдерживает пса за ошейник. Впереди мелькают олени.

— У них сейчас маленькие оленята, не испугал бы их!

Ивашов по привычке легко поднимается в гору, а мне тяжело и жарко. Вот и перевал вдоль берега моря. Отсюда

открывается вид на противоположную сторону Острова. Налево уходит дорога в поселок. В той части Острова все знакомо — сколько там исхожено в прежние годы! Вдали виднеется светлая полоса песчаного берега широкой бухты, а вправо от нее и «моя» бухточка — я отчетливо вижу обрамляющие ее красноватые скалы.

Вправо от перевала я еще не был. Иду вдоль подножия сопки. Но продвигаться вскоре становится опять тяжело: трава уже поднялась высоко и к тому же стоят сухие прошлогодние стебли, через которые с трудом продираешься. Я выбираю открытые каменистые участки и невольно снова поднимаюсь все выше и выше, постепенно огибая сопку. Передо мной открываются новые, неизвестные мне бухты. Море на этой стороне тихое, волнения почти нет. Здесь можно плавать, но как сюда добраться с тяжелым снаряжением? Даже конь не поможет — не проедешь через эти заросшие склоны. Значит, плавать я могу только в бухте у станции.

Постепенно склон сопки спускается в широкий распадок. За ним крутой подъем к каменистому гребню. Снова карабкаюсь вверх. Достигаю гребня и останавливаюсь, любуясь открывшейся картиной: голые склоны полого сбегают вниз и, словно срезанные ножом, падают в море. Отвесные обрывы кое-где выдаются острыми мысами. За широкой полосой воды виднеются кекуры. Я впервые вижу их сверху. Похожи они сейчас на башни неведомого замка. А чуть правее и риф Золотых Ершей. Около него толчея крутых волн. Сразу же вспоминаю первое погружение к его подножию: бесчисленные стаи рыб, поля белых актиний и оранжевых губок, причудливые ущелья и глубокие гроты, в которых живут таинственные обитатели.

Я полностью предан подводной фотографии, и меня иногда раздражают советы несведущих людей взяться за кинокамеру. Для одного человека серьезная киносъемка просто не под силу. Но когда вижу кекуры, я жалею об этом. Только кинокамера может передать многообразие и обилие жизни у их подножия. И мир здесь еще ждет своих подводных исследователей. А я пока только разведчик. Много ли я сделаю один? Конечно, на этот раз я сниму осьминогов. Но вот пойму ли глубоко их жизнь, разберусь ли в законах, которым она подчиняется? Ведь, казалось бы, простые вопросы: откуда пришли в нашу бухту осьминоги? И постоянно ли они сюда наведываются? И те же самые или каждый раз другие? Неужели они приползают от самых кекуров? Если это так, то

должны быть у них постоянные подводные дороги. А может быть, наши осьминоги летом располагаются за островком напротив бухты? Глубина там тоже большая. Где свое потомство выводят? Экспедицию бы сюда хорошую! С катерами, опытными аквалангистами, специалистами по головоногим моллюскам, с кинокамерами и осветительной аппаратурой. Столько бы тайн могло открыться тут! Мечты, мечты! Но у меня своя задача, и надо выполнить ее с помощью Толика и Володи. Я оглядываюсь на вершину сопки: там у белого домика видны две фигурки. Ивашов уже сделал необходимые наблюдения и теперь сидит на скамеечке, а рядом — Пират. Тоже, наверное, посматривает на кекуры, где разбивается тяжелый накат волн.

После шторма мы с Толей с некоторой тревогой плывем в море: не отогнало бы волнение осьминогов от берега! Но все в порядке: вот первый из них. Направляемся дальше и видим еще одного. Значит, далеко они не уходили — пережидали шторм где-нибудь у подножия ближайших подводных скал или в глубоких расщелинах. Осьминог, который так взволновал Пирата, тоже на месте и опять у тех же камней. Лежит спокойно, свернув щупальца. Но при нашем приближении слегка приподнимает передний край перепонки с основаниями щупалец и широко растягивает на них присоски. Так бывает редко. Или это случайность, или он запомнил Толика, который опять плывет рядом со мной с прутиком в руках. Я трогаю напарника за плечо, и мы поднимаем головы из воды.

— Смотри, Толик, узнал тебя! Поздоровайся с ним.

Конечно, я пошутил, но Толик понимает это буквально.

— Это запросто! — отвечает он. Я не успеваю его остановить, как он, резко согнувшись в пояснице, дотягивается до осьминога и хватается за основания щупальца. Тотчас же щупальца взметнулись и опутали руки Толика. Он задергался и заколотил ногами по воде.

Я было по привычке поднял фотоаппарат, но тут же меня пронзила мысль: ведь Толик в опасности! Выпускаю из рук съемочную аппаратуру, бросаюсь вперед и, резко дергая за концы щупалец, освобождаю искателя приключений.

— Зря вы, Юрий Федорович! — сплевывая воду, говорит Толик.— Я и сам бы от него отпутался. Просто неудобно было — воздуха у меня в костюме много. Вот сейчас «обожмусь» и покажу этому черту восьмирукому! Ишь глаза выпучил!

В словах Толика слышится угроза. Выпустив из-под шлема воздух, он снова нависает над осьминогом, с тем чтобы начать второй раунд борьбы.

— Оставь его в покое! Лучше я определю, с кем ты так храбро сражался врукопашную.

Когда осьминог полностью успокаивается, я слегка поглаживаю его по голове. Как всегда, после этого щупальца разбрасываются в стороны. Быстро хватаю за конец правый щупалец третьей пары и подтягиваю его к себе. Щупалец выскальзывает из рук, но я успеваю заметить крупный гектокотиль, так характерный для осьминогов Дофлейна.

На мой взгляд, непосредственно под водой вид осьминога можно определить только по этому половому признаку самцов. Если, конечно, удастся взять в руки щупальце. В определителях обычно даются ссылки на пропорции тела, внешнюю структуру мантии, длину щупалец, развитие перепонки-умбреллы, расстояние между глаз — все это относят к характерным признакам для разных видов. Но как они изменяются у одного и того же осьминога! Какие тут пропорции, когда формы тела буквально меняются на глазах! Вот у этого осьминога, когда мы подплыли, было почти круглое туловище. Сейчас же оно приобрело яйцевидную форму. Гладкая кожа покрылась многочисленными складками и шиповидными выростами. А щупальца вытянулись на значительную длину. Перепонка растягивается, словно перед тобой раскрывается зонт, и так же быстро сокращается. Присоски тоже меняют форму: то они в виде бокалов, то похожи на чашечки, то растягиваются в виде блюдцев. Все это может запутать любого специалиста. И я не пытаюсь больше определять виды осьминогов, населяющих нашу бухту.

Впрочем, это можно и не делать — здесь, по всей вероятности, встречаются только осьминоги Дофлейна, или скальные,— самые крупные в наших водах. В Японском море довольно крупных размеров могут достигать и песчаные осьминоги, но они, как правило, придерживаются обширных отмелей, и кожа их гладкая, без складок и бугорков, характерных для осьминогов Дофлейна.

На берегу Толик глядит на меня веселыми глазами:

— Вам бы в цирке выступать! Знаете, какой может быть аттракцион: «Победа над морским чудовищем»! Я по телевизору как-то видел: стоит на арене дядька, обмотанный удавом, как канатом, и все ему хлопают. А тут целых восемь канатов да еще мешок в придачу.

— У нас с тобой и так частенько бывает свой цирк!

— Я дело предлагаю! И возьмите меня ассистентом. Музыка гремит, выкатывают подходящий аквариум...— воодушевляется Толик.

— Что ты! Любой цирк разорится на доставке морской воды,— смеюсь я.

— Какие расходы! Водяные феерии ведь там показывают! Подсолить эту воду как следует и порядок!

— Нет, Толик, подсоленная вода осьминогу не годится. Ему нужна очень чистая морская вода и в большом количестве. Конечно, до цирка дело вряд ли дойдет, но что касается аквариума или бассейна для его демонстрации, то дело это нужное. Я думаю, мало кто отказался бы посмотреть на живого осьминога. И потом, какие опыты с ним можно поставить! Вполне вероятно, что осьминога можно научить выполнять какие-то команды, более или менее сложные трюки. Представляешь, Толик, если организовать настоящий осьминарий! Вот туда-то я бы, пожалуй, пошел работать...

— Я и говорю: бросайте свою службу! Ученых у нас миллион, а дрессировщиков осьминогов пока нет. Вы и будете первым!

Я смеюсь вместе с Толиком, понимая, что этот разговор несерьезный.

Вода в море потеплела, и Володя открывает купальный сезон. Он вообще очень закаленный парень. Сделав утром зарядку, шел плавать. Постепенно морские ванны у него удлинялись. И вот он уже мог проплывать достаточно большое расстояние. Теперь он надевал маску, и купания становились разведкой. Сегодня перед завтраком он прибежал раскрасневшийся:

— Юрий Федорович, какого я осьминога видел!

— Неужели очень большого?

— Да нет, наоборот, маленького, но очень уж красивого!

— Чем же он тебе так понравился?

— Золотистый он и розовый. Ну, знаете, яблоки такие бывают: с пятнышками и полосками.

— Не испугал его?

— Зачем же! Посмотрел на него только и поплыл к берегу.

Одеваем гидрокостюмы и идем к морю.

— Где же твое «яблоко»? Показывай!

— Вон у той скалы! Плывите за мной.

Небольшой осьминог с совершенно гладкой кожей и

круглым туловищем лежал на склоне скалы. Он действительно был золотистого цвета с розовыми узорами. Щупальца красные. И этот необычный цвет еще ярче оттеняла зеленоватая поверхность скалы. Да в таком наряде его здесь любой враг заметит! Слегка касаюсь осьминога рукой. Он не багровеет, что чаще всего бывает в подобных случаях, а покрывается сплошной сеткой из тонких багряных полосок. Потом начинает медленно вытягиваться. Я не хочу, чтобы он уплывал, и отодвигаюсь от него. Но все же потревоженное животное начинает спускаться к подножию скалы.

Как же это я не заметил, что на его пути оказалась скрытая водорослями трещина! Я ныряю, но осьминог уже запустил в трещину щупальца и медленно туда вползает. Ивашов расстроен.

— Ничего, Володя! Встретим его в следующий раз. А сейчас поплывем к отмели — там под камнем устроился один домосед. Уже несколько дней он копает грунт, расширяя свое жилище. Надо запечатлеть его за этим занятием. И мы плывем вдоль бухты.

Отпущенные мне дни промелькнули как прекрасный сон. Я сижу в самолете и поглядываю в иллюминатор: на тележке подвозят багаж. Где там мой рюкзак? Глупо беспокоиться, но я все же стараюсь отыскать его глазами: вот он — на самом верху! В нем бесценные для меня пленки — плоды двухмесячной работы, плоды нескольких лет стремлений и поисков.

Дома через неделю я с трепетом вынимаю из бачка катушку с проявленной пленкой и рассматриваю цветные снимки. На первом кадре вижу выступ скалы со звездами и ежами. И вот словно озарение — я вижу сидящего на камне осьминога. Опираясь на щупальца, он приподнял голову и в этой позе напоминает мыслителя, задумавшегося над проблемами бытия.

Опускаюсь на стул — теперь я уверен, что получу серию фотографий о жизни осьминогов!

5 Более близкие знакомства

Володя Ильин не спеша надевает гидрокостюм. На его лице безразличие, свойственное много повидавшим под водой людям. Мне это не очень нравится. Он недавно в этих краях, а до этого жил на Украине, плавал только в Черном море. Здесь же суровое весеннее Японское море. И под водой нас ждут осьминоги. Сколько раз я встречался с ними в прошлом году, но все равно волнуюсь, как и при первом погружении в этих водах. А Ильин спокоен. Но под водой он преображается: бросается к первой же морской звезде, потом к ежам, которые облепили прибрежные камни, пытается поймать руками красочных рыбешек, выплывающих нам навстречу из зарослей морских трав. Большая раковина с раком-отшельником для него находка, и я вижу, как он прячет ее за пояс. А морская капуста, свисающая гигантскими веерами с подводных скал, приводит его в восторг. Плавает Володя прекрасно, и я с трудом поспеваю за ним. Нам сейчас не до осьминогов, поэтому зову его туда, где эти животные не встречаются. Пусть сначала мой напарник познакомится с подводным миром этого моря. Мы долго плаваем среди лабиринта подводных скал, ныряем на дно глубоких ущелий. Эта встреча с морем увлекает и меня.

На берегу еще раз обсуждаем, с чего начинать наши работы. У нас есть официальное задание — произвести под водой съемку некоторых животных. Одновременно с этим я наметил продолжить свои наблюдения над осьминогами. Необходимо еще раз проверить возможность их нападения на человека, замерить силу отдельных присосок, определить количество осьминогов в непосредственной близости от берега и распределение их на дне.

Оснащены мы хорошо: у нас новые гидрокостюмы, три акваланга, усовершенствованные боксы. Вот только нет воздушного компрессора: заряжать акваланги придется опять на рыбокомбинате. На этот раз, наверное, делать это будет сложнее — теперь там нет Арзамасова. Он получил повышение: работает на плавбазе. Я рад за него, и в то же время мне грустно, что не увижу больше на Острове этого замечательного человека.

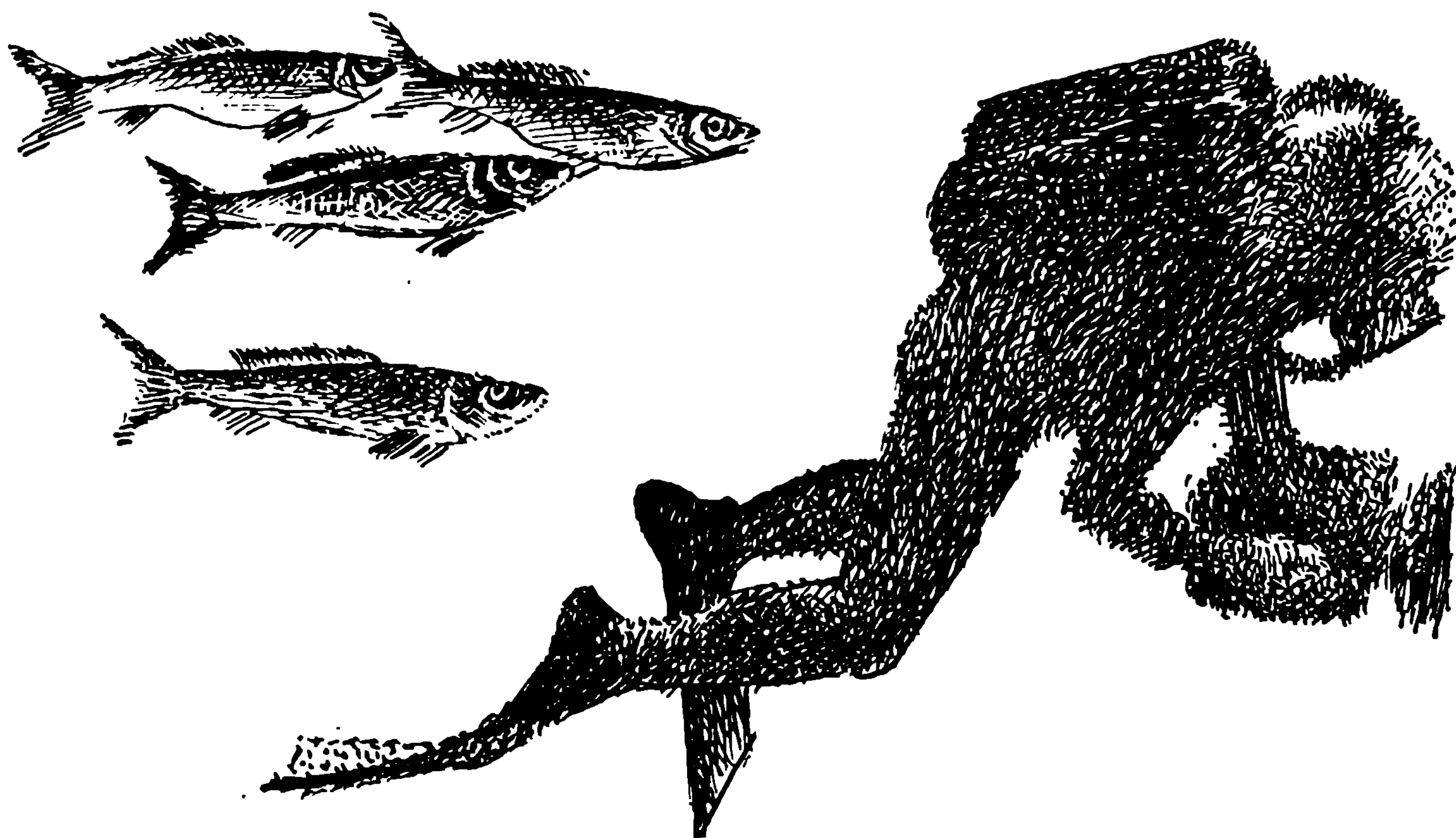
Основные работы мы будем проводить только в масках и ластах. Как я убедился в прошлом году, этого снаряжения вполне достаточно.

Жить будем на гидрометеостанции, а плавать опять в этой прекрасной бухте. К сожалению, Толик отбыл к себе домой на Камчатку. Ивашов пока работает здесь и, конечно, будет нам помогать.

Перед вторым заплывом я делюсь с Ильиным своим опытом и предупреждаю об опасностях. Но он снова выслушивает меня равнодушно и, кажется, пропускает мои наставления мимо ушей. Со временем я пойму, что под маской внешней невозмутимости он скрывает влюбленность в подводные плавания. Ильин окончил университет, должен был работать в Киеве, но добился перевода сюда. Мои слова не пропали для него даром. Он приучил себя к строгой дисциплине под водой, и плавать с ним было легко и приятно.

А пока в море я боюсь далеко отпускать его от себя. Мы плывем вдоль каменной гряды. Здесь раньше чаще всего встречались осьминоги. Вот и первый из них, совсем небольшой. Прилепился к камню. Окраска его серая, неприметная. Недалеко от него расщелина в подводной скале. В глубине ее видны ряды белых присосок — это убежище другого осьминога. На каменном выступе расположился третий. Тело его приподнято. Глаза, как говорят, на макушке — заметил нас. Осьминог густо краснеет и выбрасывает нам навстречу щупальца. Останавливаемся, не будем пока его тревожить. Смотрим на него с расстояния. Мне такие картины уже знакомы. Но Володя взволнован. Да и как может быть иначе! С трудом увлекаю его дальше. Дно уходит вниз, начинаются нагромождения больших угловатых глыб. Внезапно чувствую рывок за ноги. Оборачиваюсь: из расщелины вытянулись два длинных щупальца и схватили мой ласт. Такое со мной происходит впервые. Интересно, как будет себя вести в этом случае осьминог? Володя устремляется ко мне, но я останавливаю его. Мне ясно — осьминог ошибся. Вероятно, он принял ласт за проплывающую рыбу. Сейчас должен отпустить. И действительно, присоски отлипают одна за другой и щупальца втягиваются в расщелину. Отрываю от скалы небольшого осьминога, чтобы показать его Володе вблизи. Он с интересом рассматривает необычное для него животное, трогает присоски, щупальца. Осьминог незамедлительно к нему присасывается. Но Володя спокоен. А осьминог напрягает тело, стремясь вырваться из рук. Щупальца отпускают Володю, и из воронки вырывается

чернильное облако. Животное старается набрать в полость больше воздуха. Когда край мантии отходит, мы видим внутри полости голубоватые жабры, похожие на гроздь винограда. Осьминог утомился и теперь часто дышит, втягивая воду. Интересно было бы замерить ритм этого дыхания, но у нас нет специальных подводных часов. Все же я отмечаю, что он примерно такой же, как и у меня. Оставляем осьминога и плывем дальше... Каждый день мы встречаем осьминогов. В нашей бухте их десятка два. Все осьминоги взяты нами на учет. Чтобы следить за ними, мы метим их на перепонке между щупалец. Теперь нам не приходится долго искать осьминогов — мы заранее знаем, где и какого из них встретим.

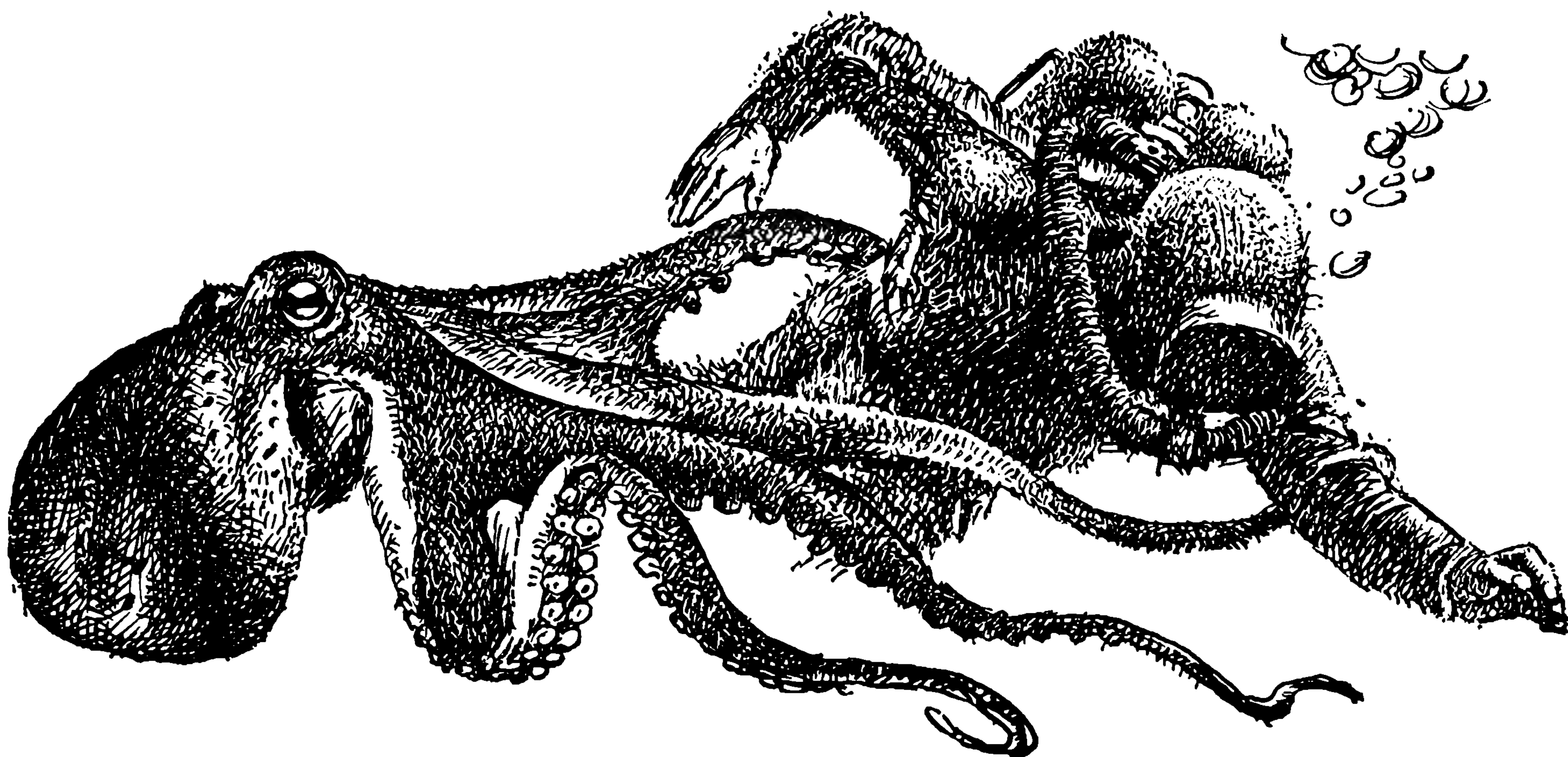

Плывем в море пока хватает сил. Первым сдаюсь я. И на этом прекращаются работы по программе. Ильин выносливее меня и долго еще плавает вдоль берега. Он, как и всякий новичок здесь, заразился собиранием морских звезд и других интересных животных. На берегу разбирает свой улов и потом долго возится с ним: промывает, впрыскивает формалин, сушит на солнце. Обложил своими находками печку в домике, где мы живем, и теперь у нас крепкий морской запах. Периодами он становится настолько крепким, что Володя часть экспонатов отбирает и с сожалением уносит обратно на берег. Но постепенно у него собирается хорошая коллекция, и я начинаю ему понемногу завидовать. Особенно хороша у него одна многолучевая звезда. Живая она была

оранжевого цвета с лиловыми полосами вдоль лучей. Высушенная звезда поблекла, но все равно осталась очень красивой. Володя нашел ее на большой глубине и теперь явно ею гордится. Глядя на него, я тоже иногда отвлекаюсь на поиски редких звезд. Но мне не везет.

Довольно быстро мы установили, что каждый осьминог придерживается более или менее определенного участка дна. Иногда, особенно в периоды волнений, осьминоги куда-то скрываются на несколько дней, но потом вновь появляются на своих участках. Бывают и перемещения, в основном когда один осьминог вытесняет с участка другого.

Редко можно видеть двух осьминогов рядом. Обычно при

появлении более крупного меньший тотчас же уплывает, даже если крупный вторгся на его участок. А однажды мне пришлось увидеть, как встретились два осьминога одинаковой величины. Хозяин участка выполз из убежища, взгромоздился на большой камень, побагровел и выпустил навстречу пришельцу щупальца. Пришелец ответил тем же. Животные переплелись щупальцами и замерли. Это было похоже на рукопожатие борцов перед схваткой. Но вот осьминоги напряглись, щупальца натянулись. Они словно старались перетянуть друг друга через каменную глыбу. Несколько таких усилий, и пришлый осьминог высвободил свои щупальца и заспешил прочь. А победитель свернул щупальца и застыл на камне, словно на пьедестале.

Ильин — опытный подводник, поэтому я смелее веду себя с осьминогами. Много раз проверяю их реакцию на появление вблизи человека. Стараюсь вывести из равновесия крупных животных резкими движениями. Но они слабо реагируют на это. И только тогда, когда начинаешь трогать их руками или каким-нибудь предметом, пускают в ход щупальца. Нельзя сказать, что я спокойно взираю на то, как передо мной раскручиваются и взлетают вверх толстые щупальца. Это зрелище вызывает у меня тревогу. Но все же я решаюсь приблизиться вплотную. Раздразнив как следует осьминога с длиной щупалец около полутора метров, подплываю к нему. Тотчас же он хватает меня сразу несколькими щупальцами. Ощущение далеко не из приятных — словно я прилип к чему-то вязкому, тягучему. Даже сквозь гидрокостюм и одежду чувствуется громадная сила присосок. Я не двигаюсь, и, подержав немного, осьминог меня отпускает.

И так было несколько раз: пока беспокоишь осьминога, он, обороняясь, крепко держит тебя щупальцами, но стоит спокойно замереть и не трогать его, как присоски отлипают, и щупальца уползают от тебя и сворачиваются в кольца. Этот эксперимент повторяю и с другими осьминогами, но результат тот же: они просто не желают удерживать меня.

Следующий этап нашей работы — борьба с ними в толще воды. Для этого мы специально поднимаем со дна довольно крупных осьминогов. Вдвоем это делать гораздо проще: один из нас тянет осьминога за туловище, другой отрывает от камней щупальца. После того как осьминог поднят к поверхности воды, держать его удобнее всего за шею, щупальцами от себя. В этом случае осьминог развертывает их в виде зонта. Между ними показывается черный «клюв», который выдвигается из ротового отверстия. Концы щупалец извиваются, стараясь за что-нибудь ухватиться. Стоит его в этот момент повернуть щупальцами к себе, как он тотчас же хватается за тебя и опутывает туловище, руки, ноги. И ты оказываешься как бы связанным веревками, которые непрерывно стягиваются. Если осьминог достаточно большой, то буквально нельзя пошевелить ни рукой, ни ногой. И на этом борьба заканчивается — ты побежден! Но как только перестаешь его удерживать, он тотчас же свертывает щупальца и стремится уплыть. У осьминогов нет никакого злого намерения — просто они рассматривают в этом случае человека как некую твердую опору, за которую держатся всеми своими «руками». И при первой же возможности ста-

раются покинуть этот шаткий и неприятный для них предмет.

Повторяет эти эксперименты и Ильин. После некоторых из них он долго плюется. Это означает, что присоски попали ему на губы, или, как он говорит, «целовался с осьминогом».

На первых порах я с тревогой ждал, что осьминоги в такой борьбе попытаются укусить «клювом». Это могло привести к неприятным последствиям — слюна их ядовита. Да и потом они могли разорвать гидрокостюм, а это в холодной воде очень опасно. Но они не спешат пускать в ход свое острое оружие, и я даю им возможность касаться меня ртом и «клювом», даже слегка прижимаю их при этом. И снова не кусают! Дело, вероятно, в том, что вкус они определяют присосками и резина гидрокостюма им неприятна, образно говоря, не по вкусу.

По этим опытам можно было сделать предварительные выводы о неагрессивности осьминогов. Но они были далеко не полными, и я это понимал. Осьминоги ощупывали резину, при касании же тела они могли повести себя иначе. Но проверить это я не мог: вода была слишком холодной для того, чтобы плавать без гидрокостюма.

Часто после экспериментов мы подолгу не отпускаем осьминогов. И если нам попадается уж очень большой, берем его за щупальца, как за вожжи. Он принимает обтекаемую форму и, выбрасывая воду из воронки, тихой скоростью буксирует нас в воде. Несмотря на то что мы помогаем ему, подгребая ластами, проехать таким образом нам удается небольшое расстояние. После этого осьминог выбивается из сил, бока его раздуваются, как у загнанной лошади, мантийная щель открывается во всю ширь, втягивая воду. Вообще мы заметили, что осьминоги быстро утомляются. При борьбе с ними мы чувствовали, как уже через несколько минут заметно слабеет усилие их мышц. Стоит им быстро проплыть несколько раз короткие расстояния, как они бессильно замирают на дне. Причина эта, видимо, в том, что кровь у них вместо гемоглобина содержит пигмент гемоцианин, а он является плохим переносчиком кислорода. И хотя у осьминога имеется развитая кровеносная система с дополнительными сердцами, работающая крайне экономно, при длительной нагрузке его мощным мышцам кислорода не хватает.

Несмотря на то что мы вольно обращались с осьминогами, все же хотели убедиться: могут ли осьминоги напасть первыми или нет? И мы стараемся еще и еще раз вызвать их

на это: плаваем назад и вперед перед ними, проводим руками около их убежищ. В ответ лишь изредка ленивые движения щупалец; но наконец, нападение произошло! Впрочем, надо оговориться, что опять-таки мне пришлось дразнить осьминога. Было это так: в нише под глыбой камня я увидел большого осьминога. Стоило мне подплыть и дотронуться до его щупалец, как он тотчас же принял классическую для такого случая позу: перекрыл вход в нишу щупальцами и максимально растянул присоски. Причем сделал это так, что передо мной был «букет» из крупных присосок. При мне был фотоаппарат, и я быстро снял эту интересную картину. Но только примерился сделать для гарантии второй снимок, как осьминог опустил щупальца, взглянул на меня одним глазом и подобрал щупальца под себя. Я начал щекотать и покалывать его прутиком, чтобы он вновь принял прежнюю позу. Но осьминог вяло шевелился и только выбрасывал из-под камня щупальца. Помахав ими передо мной, он тотчас же втягивал их обратно. Я не отставал. И вдруг с быстротой, удивительной для этих животных, он выскочил из-под камня. От неожиданности я машинально нажал на спуск фотоаппарата, и в то же время мне на голову, плечи и руки легли щупальца. Я замер. Было любопытно узнать, как поступит осьминог дальше? Щупальца шевелились, ощупывая меня. Но через несколько секунд присоски стали отлипать и щупальца соскользнули с меня. Осьминог, пятясь, возвратился в свое убежище. А я получил два удачных снимка: первый запечатлел оборону осьминога, второй — его нападение.

Однажды я вспугнул средней величины осьминога. Плыл он медленно. Тело его не имело, как обычно в этих случаях, обтекаемой формы и странно раздувалось. Я без труда догнал его и развел в стороны щупальца. Между ними было туловище большого камчатского краба. Я отпустил осьминога, и он заторопился дальше, держа свою добычу. Как известно, различные крабы — излюбленная пища осьминогов. Мы много раз видели их с этой добычей. Как правило, осьминоги держали ее присосками рядом со ртом. Иногда можно было видеть два или даже больше небольших крабов. Встречали мы их также с бычками, камбалами и другими малоподвижными донными рыбами. А с корюшкой пока не видели ни разу. Или они ловят и съедают эту рыбу ночью, когда ее стаи подходят на нерест, или нерестящаяся корюшка привлекает различных хищников, а тех в свою очередь ловят осьминоги?

Для добычи пищи, передвижения по дну, обороны осьминоги используют присоски. Действие их таково: снаружи присоска имеет перепонку с отверстием, ведущим во внутреннюю полость. Сначала к поверхности прилипает эта перепонка. Она обволакивает все неровности, создавая необходимую герметичность. Присоска с усилием прижимается, а затем мышцы расслабляются, и над пленкой образуется вакуум. А окружающее давление крепко удерживает присоску. Кроме того, присасывающая поверхность присосок покрыта концентрическими рядами мельчайших цилиндрических бугорков и множеством микроскопических пор, особенно заметных на вершинах бугорков. Эта система бугорков и капиллярных пор, видимых только при сильном увеличении, обеспечивает плотное прилипание присосок. Вот почему осьминоги могут крепко хвататься за неровные и шершавые поверхности, например за туловища рыб, покрытых чешуей, за ребристые раковины и колючие панцири крабов.

В один из дней приступаем к определению силы присосок. Прибор для этого несложен — пружинный динамометр, на конце которого укреплена круглая гладкая шайба. Осьминога выбираем вблизи берега, недалеко от поверхности воды. Не делая резких движений, Ильин подплывает к осьминогу, который спокойно лежит между двумя каменными глыбами. А затем рывком отрывает от камня одно щупальце. Осьминог ярко краснеет. Его туловище увеличивается в размерах, «надувается», как мы иногда говорим. Это он старается нас испугать и, как обычно, раскидывает широко щупальца. Не обращая на это внимания, Володя крепко держит щупальце, аккуратно линеечкой замеряет диаметр присоски, прикладывает к ней шайбу динамометра. И затем замеряет, с какой силой удерживает присоска шайбу, пока она не оторвется. Замеры повторяет с разными присосками. Опыты превзошли наши ожидания: присоска диаметром три сантиметра удерживает два с половиной — три килограмма. Это очень много. Ведь присосок у осьминога сотни. Даже если он часть из них приведет в действие, то суммарное усилие может составить десятки и сотни килограммов. В очередной раз проверяем это: берем осьминога за туловище, но даже вдвоем не можем оторвать его от поверхности камня. Упираясь ногами в камень, стараемся изо всех сил. Но тщетно! Пока отдыхаем, осьминог заползает в узкую щель под камнем. Оттуда его уже не вытащить. Приходится вылезать на берег и искать подходящую палку. Запустив ее в расщелину, стараюсь выгнать из нее осьминога. Терпит он долго, но в конце концов

не выдерживает и вылезает из расщелины. Даю ему успокоиться, а потом этой же палкой подгоняю его, чтобы он переместился на более глубокое место. Осьминог безропотно движется в нужном направлении. Володе смешно: я похож на пастуха, а осьминог — на кроткую овцу. Наконец он достиг нужной глубины. И опять Володя ныряет с динамометром. Пока он проводит опыт, осьминог крепко охватывает его щупальцами. Я уверен, что стоит осьминога оставить в покое, как он отпустит Володю. В крайнем случае я приду на помощь и освобожу его от этих объятий. Но все равно по спине пробегает холодок. А Володя верен себе: не спешит, выбирает щупальце потолще, присоску побольше, делает все основательно. Производит дополнительные замеры уже сверх программы. Сила присосок на глубине заметно увеличилась. Наконец я облегченно вздыхаю: Володя показывает большой палец — замеры окончены.

Наши опыты подтвердили, что осьминог обладает большой силой. И мы с Володей делаем безоговорочный вывод: крупных осьминогов надо опасаться — ведь им ничего не стоит удержать человека под водой.

Что касается нападения осьминога на человека, то на этот вопрос у нас нет твердого и однозначного ответа. Но мы склоняемся к тому, что первым он не должен нападать. Весь наш опыт и логика рассуждений подводят к этому выводу: осьминог питается мелкой добычей, и поэтому комплекс его рефлексов должен быть таков, что мы просто выпадаем из сферы его внимания. Как добыча мы не годимся, а на его врагов не похожи. Возможно, что осьминоги принимают нас за существа, подобные себе. Чем же тогда объяснить, что изредка они выбрасывают нам навстречу щупальца? Может быть, они нам угрожают, чтобы защитить свое место на дне, а может, стали нас опасаться. Ведь все же мы их иногда сильно беспокоим, и я заметил, что некоторые осьминоги в конце концов стали покидать участок.

Решаем, что теперь будем как можно реже вступать с ними в борьбу и без особой нужды не тревожить. После этого количество осьминогов в нашей бухте оставалось неизменным.

Плавать в нашей бухте было очень интересно, но со временем нам захотелось посмотреть, что же делается в других местах. И первый поход мы наметили в соседнюю бухту, где в позапрошлом году стояла наша с Александром палатка. Решили идти не берегом, а по тропинке, которая взбегает

на небольшой перевал и дальше спускается к дальнему мысу. По берегу путь короче, но там надо прыгать с камня на камень, обходить каменные осыпи и карабкаться на отдельные скалы.

Достигнув дальнего мыса, свернули с тропинки и вышли на узкий каменистый гребень. Вдали открылась цепь полукруглых бухт. Ильин, вглядываясь в их очертания, спросил:

— Вам не приходилось там плавать?

— Нет, с этой стороны Острова плавал только до этого места.

— Интересно, есть ли в тех бухтах камчатские крабы? Уж очень они подходят для крабов — открыты в сторону моря и, судя по берегу, мелководные. Не мешало бы там поплавать и посмотреть.

А ведь, пожалуй, он прав! Только время уже упущено: как правило, крабы выходят на мелководье в апреле, а сейчас уже конец мая. Как же я раньше о них не подумал! Но откуда у Ильина такая осведомленность?

— Володя, а тебе, случаем, не приходилось их видеть под водой? — Я начинаю уже кое о чем догадываться.

— Пришлось! Недалеко от Владивостока погружались несколько раз с аквалангами, чтобы понаблюдать за ними.

— А я-то думал, что ты только на Острове первый раз нырнул в Японское море. Почему же раньше мне об этом не рассказал?

Ильин пожимает плечами:

— А что рассказывать? Думал, сами их видели не раз.

— Да откуда? Весной я сюда приезжаю второй раз, да и занимался только осьминогами. Расскажи, как ваши погружения проходили.

— Обыкновенно! — Ильин напускает равнодушие.— Дно было неинтересное — голая песчаная отмель. Животных почти не видели. Только вот крабы...

Он замолкает. Немногословный человек Ильин, но я своими вопросами постепенно заставляю рассказать подробности. Погружались они в бухте, берега которой полого уходили в глубину на десять — пятнадцать метров. Аквалангисты находили крабов по широкой полосе следов, которые они оставляли на песчаном дне. Встречались они, как правило, парами: самцы держали за клешни избранных ими самок. Они совершенно не обращали внимания на подплывавших людей и даже поднятые к поверхности не выпускали самок из своих объятий. В таких мелководных бухтах и

происходит спаривание крабов. В это же время самки линяют, и самцы не отходят от них, неся охрану в этот ответственный период. После окончания линьки самок происходит спаривание, а затем самцы удаляются. Теперь наступает их черед линять. Они собираются в группы и направляются к каменным грядам и скалам. Здесь и линяют, а затем, пока не затвердеет панцирь, скрываются в расщелинах и под камнями. После линьки крабы уходят на свои подводные пастбища, где питаются различными донными животными. По мере прогревания воды они опускаются все глубже и все дальше уходят от берега.

Я живо представляю себе картину: громадные крабы с почти метровым размахом ног рядами движутся по дну. Какие уникальные кадры можно тут снять!

— Володя, неужели из вас никто не захватил фотоаппарата?

— Не было таких любителей.

— Попробуй сам на будущий год снять крабов, я помог бы — одолжил бокс для фотоаппарата.

— Там видно будет,— уклончиво отвечает Ильин.

Но вряд ли его увлечет подводная съемка. Что же касается подводного плавания, то тут он куда угодно — в любые подводные ущелья, пещеры и «джунгли». А съемки, видно, не для него.

И вот опять плыву по старому маршруту, ведущему к мысу. Впереди показался каменный выступ, покрытый разноцветными актиниями. У его подножия, как и раньше, сплошная россыпь звезд патирий. Нигде я больше не встречал их в таком количестве. Одни из них крупные, как блюдца, другие маленькие, с монетку. Разных оттенков голубого и синего цвета, покрытые затейливыми узорами из красных и оранжевых пятен. В этом изобилии изредка встречаются патирии красивого малинового и желтого цвета. Попадаются также шестилучевые, очень редко — звезды с четырьмя и семью лучами. Они сияют на камнях, как красивые старинные ордена.

Выше по уступу видны довольно редкие, зеленого цвета, актинии метридиум, а в расщелине у самой поверхности воды должны быть актинии золотистого цвета. Заглядываю туда: так и есть, те же самые!

Чуть дальше грот с разноцветными губками. Только здесь я встречал раньше губок алого цвета. Вот они! Я показываю их Володе. Они светятся на темных стенах яркими пятнами. Голубые и сиреневые губки дополняют эту картину.

За гротом дно понижается — начинается ущелье с вертикальными стенами. На них кое-где видны красные асцидии тетиум. Вскоре достигаем самого узкого места ущелья. Здесь все по-старому: на одной стене актинии метридиум снежно-белые, а на противоположной — красные и бордовые.

Я уже уверен, что встречу на прежних местах всех животных, которых видел раньше. Увлекаю Володю к очередному выступу на каменной стене: там замечательные моллюски с розовой в малиновых пятнах раковиной, в виде удлиненной низкой шапочки, покрытой радиально расходящимися от середины ребрами. Она только слегка прикрывает крупное тело животного. Это тугалия гигантская — один из наиболее древних моллюсков. Ярко-красная мантия у нее похожа на нарядную юбочку с оборками. Широкая овальная нога оранжевого цвета с темными штрихами. На голове щупальца — рожки...

Поперек ущелья лежит громадная глыба. Под ней обширная и глубокая пещера. Много раз мы заглядывали в нее раньше с Сашей в надежде встретить осьминога. Как и прежде, пещера пуста.

И последнее, что показываю сегодня Володе,— это довольно редкие звезды эвастерии, украшенные сеткой из голубых и бордовых узоров.

Сколько раз я уже удивлялся тому, что многие животные выбирают для поселения строго определенные участки дна. Вот, казалось бы, две совершенно одинаковые подводные скалы. И глубины около них одни и те же. И освещение, и характер течения воды не различаются. Но одна скала густо заселена, на другой же своего рода пустыня. Казалось бы, какая разница, где сидеть актиниям или губкам? или звездам? Но из года в год я вижу их на одних и тех же местах. Еще куда ни шло — когда это неподвижные животные. А моллюски, ракообразные, рыбы?

Все эти группировки животных как бы утверждаются на строго выбранных участках дна. И нет у них особой тяги к перемене мест. Для меня же остается совершеннейшей загадкой, какими законами руководствуется крохотная планктонная личинка того или иного животного, чтобы осесть на дно в определенной точке?

Мы долго еще плаваем с Ильиным по ущелью, заглядывая в пещеры и гроты, которые кажутся такими удобными для осьминогов. Но мне уже ясно, что здесь они могут быть только случайно — к этим скалистым берегам не подходит для нереста корюшка.

Зато на противоположной стороне бухты у гидрометеостанции, которая тоже заканчивается подобным скалистым мысом, оказалось все наоборот. Здесь нет глубоких ущелий и гротов. Мыс уходит в глубину светло-серыми сглаженными стенами. На них виднеются только ежи да вездесущие звезды патирии. От мыса к пляжу бухты под водой тянется гряда из больших угловатых камней. Дальше начинается обширная отмель. Ближе к берегу каменная гряда переходит в небольшие площадки, прерываемые выходами сплошных каменных массивов. На гряде и площадках всегда можно встретить осьминогов. Между собой мы стали называть это место вторым участком. И осьминоги в бухте встречаются только на этом участке и напротив дома станции. Объясняется это просто: оба участка находятся на противоположных концах галечно-песчаного пляжа, на котором происходит нерест корюшки. На обоих участках имеются каменные гряды и подводные скалы с многочисленными расщелинами и гротами, где могут укрыться осьминоги. В центре же пляжа дно покрыто округлыми камнями, между которыми почти нет удобных щелей и тянутся заросли высоких водорослей саргассов и морской капусты. А заросли водорослей осьминоги, как правило, избегают.

Второй участок для осьминогов даже удобнее: далеко выдающийся в море мыс хорошо защищает его от волнения, и здесь самое спокойное место во всей бухте. Но все же мы предпочитаем больше плавать на первом участке: не надо далеко ходить, и подводные пейзажи живописнее. И осьминоги здесь, наверное, уже привыкли к нам — очень уж спокойно стали на нас посматривать, даже тогда, когда мы их тревожим.

Только при волнении, когда против дома трудно плавать, уходим мы на второй участок. В один из таких дней, плывя по границе гряды и отмели, почти у самого пляжа, я заметил у камня небольшого осьминога. Рассматривая его, вдруг почувствовал какое-то движение. Скосил глаза и невольно отпрянул: с другой стороны камня поднялся и навис надо мной громадный осьминог. Туловище как мешок. Длиннющие щупальца, толщиной с руку. Казалось, он с любопытством рассматривает меня. Я осторожно дотронулся до его щупальца. В ответ он слегка покраснел, но тут же успокоился и перестал обращать на меня внимание.

А недалеко, прямо на пустынной отмели, я увидел еще такого же гиганта. Почему-то на ум пришло сравнение с медведями. Чем-то они их неуловимо напоминали. Может быть,

округлыми очертаниями туловища и свернутыми щупальцами, похожими на поджатые лапы.

И когда теперь меня спрашивают, каких самых больших осьминогов я видел, говорю, примерно с медведя или большого медвежонка. А более точно — масса его составляла примерно пятьдесят килограммов, длина каждого щупальца около двух — двух с половиной метров. Надо сказать, что, несмотря на такой сравнительно небольшой вес, подобный осьминог выглядит весьма внушительно. Большие размеры его фигуре придают щупальца с растянутой между ними перепонкой умбреллой. Они образуют как бы колокол, на который опирается туловище животного. И вот этот колокол, особенно когда потревоженный осьминог приподнимается, бывает в несколько раз больше самого туловища.

Вероятно, «медведи» были одними из самых крупных осьминогов в этих водах — мне не приходилось встречать больших ни под водой, ни в уловах рыбаков. Хотя некоторые исследователи допускают существование осьминогов массой сто и даже более килограммов. Мне бы очень хотелось, чтобы такие гиганты проживали у наших берегов. Стремление увидеть их долго еще будет вести меня по подводным дорогам.

На следующий день после встречи с «медведями» на море разыгрался шторм. А когда море утихло, я уже не обнаружил этих осьминогов. Остальные осьминоги, что обитали против дома, были на месте. Недоставало только одного, который жил у самого берега. Но, плавая вечером, я заметил ползущего осьминога. На его перепонке виднелась наша метка — значит, и этот вернулся.

Неожиданно над нашими осьминогами нависла смертельная опасность. О ней известило слабое постукивание мотора, донесшееся из-за дальнего мыса. Я непроизвольно настораживаюсь. Правда, это может быть и рейдовый катер, но уж очень характерный шум двигателя! Так и оказывается: из-за мыса выплывает водолазный бот. Хоть бы он прошел мимо! Но здешние водолазы-промысловики хорошо знают, где находятся самые богатые подводные поля. Ведомый опытной рукой, бот останавливается у самого начала гряды подводных скал, вдоль которой сидят в своих убежищах осьминоги. С тоской смотрим, как одевают водолаза. Широкоплечий парень в толстом свитере влезает в прорезиненную рубаху. Трое матросов рывками натягивают ее. На голову надевают медный шлем и притягивают его к рубахе болтами. На грудь и спину навешивают свинцовые грузы. Ступая тяжелыми баш-

маками, водолаз перешагивает через борт и останавливается на трапе. Последняя проверка, и, захватив сетку для добычи, водолаз опускается под воду.

С высокого берега хорошо видно, как вскипающие буруны выходящего воздуха медленно перемещаются вдоль гряды. Может быть, он собирает только мидий? Но вот пузыри воздуха стали подниматься на одном месте, что-то задержало водолаза. Это «что-то» по всей вероятности осьминог.

— Нет им другого места, кроме этой бухты! Надо же было им вспомнить о ней! — Я начинаю закипать.

Впрочем, разве можно на них сердиться? Ведь у людей это работа, и осьминоги для них — только добыча. Исключительных прав на эту бухту мы предъявить не можем. Но для нас это трагедия: наши осьминоги могут погибнуть! И будут ли потом здесь другие — неизвестно. Надо что-то предпринимать! И мы с Ильиным плывем к боту на переговоры.

У рулевого весла — пожилой хмурый шкипер, около воздушной помпы — матрос, другой в наушниках на связи. На крыше рубки лежит сменный водолаз. Из камбуза выглянул кок. Все с любопытством смотрят на нас. А на палубе уже вывален первый улов: куча мидий, а сверху изрезанный ножом осьминог. Я узнаю его — одно щупальце у него вдвое короче остальных. Жил он в неглубокой расщелине под скалой.

Представившись команде, мы от лица Академии наук просим не трогать здешних осьминогов. Они, дескать, у нас на строгом учете и каждый под наблюдением. И заменить их другими нельзя, так как проводятся длительные эксперименты на одних и тех же животных. Сильно преувеличиваю, объясняя суть экспериментов, но что поделаешь, раз требует дело! Рассказываю, что осьминоги привыкли к нам, узнают нас и безропотно выполняют все, что мы заставляем их делать. Упоминаю о замерах усилий присосок и щупалец. Слушают нас с интересом, изредка покачивая головами то ли от удивления, то ли от недоверия.

— Ну, раз требуют интересы науки...— и, улыбнувшись, шкипер берет микрофон связи.

Водолаз на дне, судя по репликам, никак не возьмет в толк, почему нельзя трогать осьминогов. Но все же мы видим, что очередная сетка поднимается на борт с одними только мидиями.

Второй водолаз, похоже, даже доволен, что ему не придется возиться с осьминогами. Расспрашиваем его о работе

на дне моря. В основном они ведут добычу мидии и трепанга. В качестве прилова берут и осьминогов. Правда, крупных стараются избегать. Бывали случаи, когда потревоженные животные присасывались сзади за медный шлем, и если частью щупалец они держались за каменную поверхность, то водолазы освобождались с трудом. Осьминог может также пережать воздушный шланг. В общем водолазы относятся к ним с некоторой опаской.

— Передавайте привет вашим осьминогам,— шкипер помахал нам рукой и взял опять микрофон.

Когда наша лодка уткнулась в берег, водолаз уже поднимался по трапу. Затарахтел мотор, и бот направился в соседнюю бухту.

В последние дни Ильин и Ивашов зачастили к дальнему мысу. Узнав, что вечерами я плавать не буду, они прихватывали мой гидрокостюм и, прыгая по камням, скрывались за прибрежными скалами. Их влекло ущелье с прекрасными колониями актиний. Однажды, вернувшись с подводной прогулки, Ильин принес странный на первый взгляд комок бурого цвета. Рассмотрев его, я удивился: передо мной был крупнейший представитель панцирных моллюсков — криптохитон. Мне было известно, что эти моллюски встречаются в здешних водах. Но до сих пор я их не видел и поэтому считал, что живут они на больших глубинах.

— Где ты обнаружил моллюска? — спрашиваю я.

Ильин довольно равнодушно отвечает:

— На дальнем мысу есть глубокое и узкое ущелье. Там их сколько угодно.

— Не исчезнут ли за ночь куда-нибудь эти великолепные моллюски?

Володя рассмеялся:

— Если исчезнут, то только вместе со скалами, на которых они сидят!

На другой день чуть свет мы отправляемся к дальнему мысу. Недовольный Ильин изредка ворчит, бесцельно повторяя, что криптохитоны никуда не денутся и не стоило из-за них вставать в такую рань, и тем более торопиться сейчас. Я это тоже хорошо понимаю, но, как всегда, ожидание нового быстрее подгоняет вперед.

Спустившись с каменного гребня, мы карабкаемся по крутым откосам и, огибая мыс, выходим на самую его оконечность. Перед нами открывается узкое и глубокое ущелье, заканчивающееся пещерой в каменном массиве. Морские

волны вбегают в ущелье и, врываясь в пещеру, выплескиваются затем оттуда белыми каскадами. Спускаться в это ущелье, в котором туда и обратно перекатываются волны, страшновато. Но в воде все оказалось проще. Набегавшие волны плавно поднимают нас вверх вдоль вертикальной стены, а затем так же аккуратно опускают вниз. И перед нами проплывают сидящие на стене всевозможные животные, и в том числе замечательные криптохитоны. Володя оказался прав: они оставались на прежних местах. Качаясь вверх-вниз, мы рассматриваем этих животных. Я насчитываю их более трех десятков, и все они находятся на небольшой площади недалеко от поверхности воды. Длина тела многих из них достигает пятнадцати — двадцати сантиметров. Все они кажутся совершенно неподвижными. Даже когда мы трогаем их руками, они не реагируют ни малейшим движением. Словно это какие-то неживые бугры бурого или красного цвета на серо-зеленой поверхности скалы.

С большим трудом нам удается оторвать одного моллюска от поверхности камня. Он постепенно свертывается и принимает шарообразную форму. На берегу мы опускаем криптохитона в выемку, заполненную водой, и он начинает медленно разворачиваться, образуя плоский овал, величиной с ладонь. Сверху тело моллюска покрыто плотным и шершавым покровом. Под ним угадываются очертания скрытой раковины. Вообще у большинства панцирных моллюсков хитонов она открыта и состоит из восьми прочных пластинок, которые имеют по краям мелкие зубчики, крепко соединяющие пластинки раковины с телом животного, сохраняя при этом подвижность. Брюшная сторона животного красивого кремового цвета с подошвообразной ногой посередине. С помощью этой ноги моллюск крепко присасывается к каменной поверхности. В передней части четко выделяется голова с ротовым отверстием, в котором имеется терка-радула с многочисленными зубами. Передвигаясь очень медленно по каменной поверхности, криптохитоны соскабливают радулой мелкие водоросли. По бокам нижней стороны туловища в бороздках видны жабры, несколько напоминающие перья.

В общем у криптохитона те же части тела, что и у осьминога. Но как разительно отличается их внутреннее строение, и особенно нервная система. У хитонов она очень примитивная и состоит из окологлоточного кольца и четырех стволов, проходящих вдоль тела. В связи с малоподвижным образом жизни очень слабо развиты у хитонов и органы чувств. В своем развитии эти животные недалеко ушли от

исходных форм моллюсков, ведущих свое начало от древнейших червеобразных предков. Поэтому-то хитоны в систематике моллюсков располагаются в самом низу моллюсков, а на вершине ее — головоногие.

Это ущелье оказалось замечательным местом. Постоянный ток воды создает самые благоприятные условия для жизни животных, и на стенах буквально нет свободного места — все заселено! Я вижу здесь нежных розовых полипов, желтоватых асцидий, перистые бордовые водоросли, за которые уцепились разноцветные рачки — морские козочки. Множество губок и звезд. Об актиниях и говорить нечего. Во второй половине дня лучи солнца начинают падать вдоль ущелья. Вода в его глубине вспыхивает яркой голубизной, а стены искрятся разноцветными красками.

Это ущелье покоряет и меня. Теперь мы уже все вместе при каждом удобном случае пробираемся к оконечности дальнего мыса. Впервые я встречаю здесь и крупного голожаберного моллюска. Сначала мне показалось, что за водоросли зацепилась узкая полоска голубой, с красными горошинками, ткани, случайно попавшей в море. Но, приблизившись, я вижу, что это давно разыскиваемый мной моллюск. Обернувшись вокруг пучка водорослей, повис он без движения. Но как только я пустил моллюска на камень, он тотчас же вытягивается, впереди у него показываются оранжевые щупальца, на спине расправляется венчик ажурных выростов. Животное довольно быстро скользит по поверхности. Этих моллюсков иногда называют морскими слизнями. Но мне кажется, что такое название мало подходит к этим красивым животным.

Тело голожаберных моллюсков состоит из трех частей: головы, туловища и ноги. На переднем конце тела часто имеются выросты в виде лопастей. На нижней стороне головы находится рот. В ротовой полости, как и у многих других моллюсков, радула (терка), которой они соскабливают пищу. У большинства голожаберных моллюсков около рта располагаются осязательные щупальца, а на голове пара щупалец, служащих органами обоняния. На спине моллюсков находятся ветвистые кожистые жаберные выросты, которые служат для дыхания. Они увеличивают поверхность тела и тем самым усиливают газообмен через кожу. Эти кожные выросты чаще всего располагаются в виде кустиков по краям туловища. Иногда они сильно разветвляются, что делает моллюска похожим на необычное растение. У некоторых голожаберных моллюсков кустистые выросты для

дыхания собраны на спине в виде красивой розочки. С каждым днем мы обнаруживаем голожаберных моллюсков все больше и больше. Медленно переползая по камням, моллюски время от времени встречаются друг с другом. И тогда мы наблюдаем их спаривание: животные переплетаются телами и неподвижно застывают.

И вот уже видны кладки их икринок: алыми зернышками просвечивают они в голубоватых комочках и спирально завитых лентах слизи, висящей на кустиках водорослей и камнях. Из икринок со временем выйдут личинки-парусники, названные так за широкую предротовую лопасть, несущую множество ресничек. Личинки имеют раковинку и плавают в толще воды. Но со временем они осядут на дно, потеряют раковинку и постепенно примут вид взрослых животных.

Наступил июль. В туманном и дождливом июне природа как бы накапливала силы, и с первыми солнечными и жаркими днями на склонах началось буйное цветение. В высоких травах маленькими кострами загорелись оранжевые и желтые лилии. Какие-то цветы на длинных стебельках висят на скалах пурпурными фонариками. На полянах множество ярких цветов. А в низинах подняли кудрявые лиловые головы ирисы. У подножий сопок вдоль берега цветет шиповник. Его необычайно крупные цветы источают нежный аромат. В распадках развернулись ярко-зеленые веера папоротников.

Созревает крупная земляника, и ближе к вечеру мы поднимаемся к перевалу, где между деревьями пасутся пятнистые олени. Мы собираем землянику, а над перевалом в синеве неба кругами плавают чайки. Трудно оторваться от душистых ягод, и мы ползаем в траве, пока солнце не садится за дальние горы. Темнеет море, и в дымке тают далекие острова.

Уже в сумерках спускаемся по белой каменистой тропе. По сторонам встают черные силуэты деревьев и кустов. А когда стемнеет, на склонах сопок загораются маленькие огоньки. Их все больше и больше. Искорки-огоньки вспыхивают недалеко от нас, летят над нашими головами, словно звездное небо упало на землю. Я протягиваю руку — и на ладони у меня оказывается продолговатый жук-светлячок. Задняя часть его туловища пульсирует ярким светом.

В освещенное окно бьются, трепеща крыльями, нежно-розовые ночные бабочки и лазоревые мотыльки.

Наступило лето и под водой. Здесь тоже пригревает солнце, хотя это не так заметно, как на суше. Но животные это чувствуют, и поведение многих из них изменилось. Некоторые рыбы начинают усиленно питаться: одни из них восстанавливают силы после нереста, другие готовятся к брачным играм.

В тихое утро, когда море расстилается зеркальной гладью, мое внимание привлекли странные, чмокающие звуки. Недалеко от кромки берега возникло множество расходящихся по воде кружочков. Всмотревшись, я замечаю периодически поднимающиеся над поверхностью воды белые полукружия губ. Под водой я вижу стаю кефали пелингаса. Полуметровые серебристые рыбы кормятся, открывая рот и втягивая поверхностную пленку воды. Я пытаюсь разглядеть, что же в ней есть, но только замечаю какие-то коричневые точки и желтовато-зеленые небольшие сгустки. Это планктон, который концентрируется в поверхностном слое. Здесь под лучами солнца бурно развиваются одноклеточные водоросли и различные мельчайшие животные. Как-то не сочетались сравнительно большие размеры рыб и этот почти невидимый глазу корм. И тем не менее рыбы паслись на тучных «нивах». Втягивая ртом воду, они затем пропускали ее через жабры и отфильтровывали на них пищу. И все строение жаберного аппарата у них хорошо приспособлено к такому способу питания: пять жаберных дуг имеют множество мелких остроконечных щетинок, образующих частый фильтр. На нем и задерживается эта мельчайшая пища, которая по мере накопления уплотняется и затем направляется в глотку.

Активнее стали и ленки. Когда делаешь что-нибудь на дне, эти рыбы собираются вокруг рук и ловят, склевывают что-то в поднимающемся облаке мути. Мне нравится кормить ленков: разрежешь морского ежа и протягиваешь им это лакомство. Рыбы быстро расхватывают внутренности ежа. А потом кружатся вокруг, изредка пощипывая меня за пальцы, на которых остались соблазнительные запахи. Постепенно у меня завязывается настоящая дружба с ленками в маленьком заливчике за одинокой скалой на краю бухты. Несколько дней подряд я в конце плавания навещаю это место. И у здешних ленков выработался соответствующий рефлекс. Стоит мне теперь заплыть в заливчик, как из зарослей водорослей показываются рыбы и бросаются мне навстречу. Протягиваю к ним руку, и они выстраиваются вокруг нее кольцом. Их можно погладить, пощекотать пальца-

ми. Если раскрыть ладонь, то наиболее смелые из них опускаются на нее и, опираясь на широкие грудные плавники, лежат в ожидании угощения. И я щедро кормлю этих доверчивых рыб.

Все теплее становится вода в море, и все реже мы видим осьминогов у берега. Вскоре бухту покидает последний из них. Теперь осьминогов можно встретить только у подножия скал, круто обрывающихся в глубину. Здесь в один из дней нас ожидала интересная встреча.

Мы медленно плыли с аквалангами на глубине более сорока метров над обширной отмелью. В зеленом сумраке проступали темные очертания отдельных скал. Обогнули одну из них и в глубокой выемке увидели небольшого осьминога. Он лежал спокойно, свернув щупальца кольцами. Ничего примечательного, но на всякий случай решил его сфотографировать. Навел фотоаппарат и нажал на спуск. Ярко вспыхнул свет фотовспышки. Осьминог вздрогнул, как от удара, беспокойно зашевелил щупальцами. Подплыли ближе и только тогда заметили, что это самка — в ее гнезде видны ряды белых овальных яиц. Они тоненькой ножкой прикреплены к каменной поверхности. Осьминог беспокойно заворочался, выбрасывая навстречу нам щупальца. И наконец, приподнялся и заслонил своим телом кладку яиц.

Но я все же решаюсь и, подплыв сбоку, быстро просовываю руку под осьминога. Нащупываю яйца, три из них отрываю от камня. Рука была тотчас же крепко схвачена, и я с большим трудом освободил ее от опутавших щупалец.

Самка ощупала кладку, потом, повернув к ней воронку, продула ее свежей водой, затем отогнала поднявшееся облако мути. Раздув туловище и расправив перепонку, настороженно следила за нами. И мы больше ее не тревожили. На берегу рассмотрели яйца. Они были длиной около трех сантиметров. Судя по ним, мы встретили самку песчаного осьминога. Осьминоги — раздельнополые животные. Самца очень легко отличить по так называемому гектокотилю — особым образом измененному окончанию одного из щупальцев. Обычно это третья правая «рука». Гектокотиль представляет щупальце с двумя «пальцами». Один длиннее, второй гораздо короче. Эта своеобразная рука служит для переноса сперматофоров, наполненных мужскими половыми продуктами. Внешне сперматофоры похожи на узкую бутылочку или трубочку, закрытую с обоих концов. У разных видов осьминогов длина ее неодинакова — от двадцати пяти

до ста миллиметров, а у осьминогов Дофлейна превышает метр. Внутри сперматофоров имеется сложное устройство, состоящее из упругой нити, свернутой в виде пружины. Один конец ее прикреплен к особому цементирующему телу, содержащему клейкую жидкость. В момент спаривания через трубчатый орган сперматофоры выходят в мантийную полость, а оттуда в воронку. После чего самец гектокотилизированной «рукой» достает их из воронки и переносит в мантийную полость самки, где прикрепляет вблизи выхода яйцеводов. Вскоре на концах сперматофоров набухают особые пробочки, затем они как бы взрываются. Упругая нить внутри их распрямляется и выбрасывает сперму с цементирующим телом, клейкая жидкость которого приклеивает мешочек спермы к стенкам мантийной полости. Теперь самка готова к откладыванию яиц. Это может произойти и спустя довольно длительное время после спаривания. Выходя из яйцеводов, яйца захватывают сперму, и происходит оплодотворение.

Оплодотворенные яйца у самки выходят через воронку, которая в это время изгибается между щупальцами в сторону рта. Попадая внутрь венца щупалец, яйца прикрепляются к присоскам. И дальше с помощью щупалец самка проделывает поистине ювелирную работу, прикрепляя каждое яйцо тоненькой ножкой к твердой поверхности гнезда. После чего начинает их «высиживать», другое слово здесь трудно подобрать. В заботе о своем потомстве самка проводит много недель. Иногда это время растягивается до четырех месяцев. И в течение всего этого времени она тщательно охраняет яйца, очищает их от мусора и грязи, промывает чистой водой с помощью воронки. В этот период самки ничего не едят, чтобы не покидать яйца и не вызвать вблизи гнезда загрязнения воды, к которому яйца осьминогов очень чувствительны. Сильной струей воды самка отбрасывает прочь от гнезда любые органические вещества. Такое самопожертвование даром не проходит. Наблюдения показали, что осьминоги в конце высиживания находятся на грани полного истощения.

Маленькие осьминоги выходят из яиц длиной всего в несколько миллиметров. Добычей им служат мельчайшие рачки. Через несколько месяцев осьминоги отдельных видов достигают в длину около десяти сантиметров. Их очень трудно найти на дне моря. Мне удалось это только однажды. Произошло это при сборе раковин гребешков. Когда я положил раковины на дно лодки, одна из них качнулась, створки ее приоткрылись и оттуда вывалился маленький осьми-

ног, величиной чуть меньше куриного яйца. Пустая раковина моллюска была его убежищем. Зачерпнув ведро воды, я опустил туда малютку. Здесь он показал все, на что был способен. Несколько раз перескочил с одной стороны ведра на другую, каждый раз выпуская маленькое облачко «чернил». Затем, вытянувшись, поплыл по кругу. Утомившись, он опустился на дно ведра и скрылся за мутной чернильной пеленой. Я сменил воду. Осьминог сидел на дне, переливаясь яркими красками. Я протянул к нему палец, и он храбро обхватил его своими «ручками»-щупальцами. Осторожно оторвав их от пальца, я посадил его обратно в раковину и опустил ее в море.

Вечерами на берегу мы с Володей сидим у костра. Это наш отдых. Тепло, приятно. Закипает на огне вода в чайнике, частенько к нам присоединяются ребята со станции. Неторопливо течет беседа. Делимся впечатлениями дня. Рассказываем о наших наблюдениях. И конечно, чаще всего разговариваем об осьминогах. Иногда беседы касаются практической стороны: какой прок от этих животных? Ну что тут можно сказать? Осьминог — крупное животное с питательным и вкусным мясом, что делает его объектом промысла. Слушатели оживляются — это им хорошо известно. И хотя они сами осьминогов не ловят, но при каждом удобном случае берут их у рыбаков.

В настоящее время промысел осьминогов довольно широко развит во многих странах мира, особенно в Японии и в Испании. В этих странах добыча осьминогов составляет шестьдесят — девяносто тысяч тонн в год. Надо сказать, что в Японии проведены опыты по привлечению осьминогов к определенным местам, по их разведению и искусственному увеличению. Организованы заповедники, где этих животных охраняют в период размножения. И это дает свои плоды: уловы осьминогов заметно увеличились.

Разумеется, осьминоги привлекают внимание человека в первую очередь как объект промысла. И возражать против этого трудно — человечество испытывает недостаток в белковой пище. И океан во многом должен его восполнить. Я все это отлично понимаю, но мне почему-то жаль осьминогов. Если я выскажу эту мысль, то меня назовут чудаком. А если не скажут вслух, то подумают наверняка. Ведь даже у людей, сидящих с нами у костра, эти животные особых симпатий не вызывают, скорее даже наоборот. И это понятно — они их видят на суше. Мы же, встречающиеся с ними под водой, не перестаем восхищаться их красотой и удивитель-

ным своеобразием. Для нас осьминог только прекрасное творение природы.

В наших морях водится около десяти видов осьминогов. И только представители немногих видов достигают крупных размеров. Но пока неизвестна их численность, как они расселяются и какова их плотность в прибрежной полосе моря. Может быть, какие-то виды довольно редки в наших водах? И что, если такие места, как эта бухта, являются своего рода уникальными. И хотя трудно сюда добраться, но уж очень вездесущ охотник.

Хорошо бы в этих водах организовать заповедник! А пока пусть хоть эта бухта будет неприкосновенной. И я прошу об этом Сережкина и Ильина, которые должны продолжить здесь работы до глубокой осени с группой аквалангистов.

Ильин проводил меня до самого Владивостока. Расстались мы просто: Володя помог мне сесть в автобус, уходящий в аэропорт, подал тяжелый рюкзак, снаряжение. Помахал рукой. И пошел, не оглядываясь, вниз по шоссе к своему институту.

А уже дома я обнаружил в рюкзаке сверток с лучшими Володиными звездами.

В декабре получил от Ильина письмо. В частности, там было следующее: «Наконец, в конце октября, когда температура воды была уже около десяти градусов, появились милые моему сердцу осьминоги... И вот я встретил такого огромного, какого еще не видел: щупальца длиной более двух метров, и сидел он на камне, как гора. Я, конечно, решил с ним познакомиться поближе, что ему не очень понравилось. Он схватил меня за руку щупальцами, и мне стоило большого труда вырваться из его объятий.

А однажды средний по размерам осьминог напал сзади на моего товарища. Он до этого не видел осьминогов и, естественно, сильно перепугался. Осьминог отпустил его только тогда, когда он поднялся ото дна метра на три-четыре».

Интересное сообщение! В первом случае Ильин только подтвердил наш вывод о том, что к крупным осьминогам надо относиться с осторожностью. Второй же случай для меня не понятен. Может быть, осьминога привлекли блестящие детали акваланга, которые он принял за рыб? Или в определенные моменты поведение осьминогов меняется и они становятся более агрессивными, защищая свои участки на дне? Это надо будет в дальнейшем проверить.

6 Такие разные осьминоги

Еще два сезона подряд я вел подводные съемки и наблюдения над осьминогами. Постепенно у меня накапливался интересный материал. Потом возник большой перерыв: так уж получилось, что по ряду причин я не мог выезжать весной к Японскому морю. Но мысли время от времени возвращались к осьминогам. Многое, связанное с ними, оставалось у меня незавершенным. Я наметил новую программу наблюдений, надо было снова ехать на Дальний Восток на два-три месяца. Написал Саше во Владивосток.

Он сообщил, что время от времени посещал Остров, с группой аквалангистов погружался даже у рифа Золотых Ершей. Был он и на гидрометеостанции, но там сменился начальник, уехал и Ивашов. Но искать другое место не входило в мои планы. И я рискнул: заручившись необходимым ходатайством, в начале мая вылетел во Владивосток, а оттуда добрался до Острова.

На почте встречаюсь с теми же милыми женщинами, и опять они с тревогой расспрашивают меня об осьминогах. Оставив вещи на почте, отправляюсь на станцию. Без отдыха одолеваю весь длинный путь, и вот передо мной открывается бухта, и я вижу такой знакомый белый дом на берегу.

На душе радостно и тревожно: как там меня встретят? Быстро спускаюсь по тропинке. Недалеко от дома группа людей раскладывает на сети вялить корюшку. Оборачиваются в мою сторону — как и раньше, молодые лица. Но знакомых никого нет.

Здороваемся.

— Где ваш начальник? — спрашиваю я.

— У себя в кабинете. Пойдемте, я вас провожу.

Высокий черноволосый парень идет со мной к дому.

Из-за угла с запоздалым лаем вылетает большая собака.

— Назад, Амур! — Парень загораживает меня от пса.

Уж не сын ли это Пирата? Такой же широкогрудый и лохматый. Да и мастью похож.

— Раньше здесь Пират был,— говорю я.

— А вы что, бывали тут прежде?

— Много раз, каждый камешек мне в бухте знаком и на берегу, и под водой...

— Уж не подводный ли вы фотограф? Ребята, работавшие здесь раньше, рассказывали, что кто-то тут не один год фотографировал осьминогов.

— Я это и был.

— Ну надо же! — Глаза у парня возбужденно заблестели.— Мы осьминогов тоже искали, но, сколько ни плавали, ни разу их не видели. И вы опять остановитесь у нас? Где же ваши вещи?

— Это потом, сначала надо договориться, чтобы пустили под крышу.

— Да за чем же дело стало? — Мой собеседник как-то даже удивленно смотрит на меня.— Место у нас найдется!

Он приветливо улыбается, сразу располагает к себе.

Начальник гидрометеостанции Василий Петрович оказался чуть постарше своих подчиненных. Просматривая мои бумаги, он серьезно хмурится, но не выдерживает, и круглое лицо его расплывается в улыбке:

— Значит, будете снимать для журнала? И опять осьминогов? А нам их покажете? — Потом задумывается.— Куда же вас определить? С ребятами вам будет беспокойно: шумный они народ. Может быть, у меня будете жить? Но это далековато от бухты. А что, если в этом кабинете поставить койку?

Да о таком помещении только мечтать можно: окна на море, электрическое отопление, большой шкаф, где можно разместить все свое снаряжение. Стол и даже мягкое кресло. Везет же мне на хороших людей! Я благодарю Василия Петровича и решаюсь просить еще и о помощнике.

— Да вот Сережа Тверских и поможет: у него дежурства в основном вечерние. А днем он все время проводит у моря, и к тому же подводный охотник.

Последнее мне не очень понравилось, но Сережа должен хорошо плавать под водой, а это главное. Вот только рост у него великоват — подойдет ли ему гидрокостюм, который я захватил для будущего своего помощника.

После обеда Сережа съездил в поселок и привез мои вещи. А вечером мы долго сидели с ребятами: меня расспрашивали о предстоящей работе под водой, об осьминогах, о которых они мало что знали.

Словно приветствуя нас, в разрывах облаков показалось солнце, преображая все вокруг, мягким розовым цветом

окрасились скалы, засветилась на склонах сопок редкая пока зелень, вспыхнули лиловыми огнями кусты багульника. По синему горизонту проступают черные силуэты скалистых островов.

Я готовлюсь к заплыву на первом участке. С высокого камня всматриваюсь в воду. Море сегодня спокойно, и сквозь прозрачную воду дно просматривается на большую глубину. Неподвижно свисают с камней ленты морской капусты, вздымаются пышные кусты морских трав. Между ними ручейком течет стайка голубоватых рыб, вспыхивающих изумрудными искрами. Это корюшка.

Тихо сегодня, хорошо. Солнечный свет, преломляясь в воде, светлыми полосками бежит по серо-зеленым округлым камням. На их поверхности черные колючие шарики морских ежей. Кончики их острых игл искрятся рубиновым цветом. Изогнула лучи фиолетовая амурская звезда. Розовым цветком распустилась на камне актиния. От этой знакомой картины начинает учащенно биться сердце. Скорее, скорее в море. Одеваю теплое белье, толстый свитер. Сережа помогает натянуть гидрокостюм.

От холодной воды сразу же запотевает стекло маски. Оттянув ее край и запустив внутрь маски немного воды, промываю стекло. И словно пелена спадает с моих глаз: в голубой дымке стоят подводные скалы, между ними участки ровного дна засыпаны разноцветной галькой. Я медленно плыву, всматриваясь в знакомые очертания и отыскивая прежние ориентиры. Вот от этой скалы мне надо повернуть

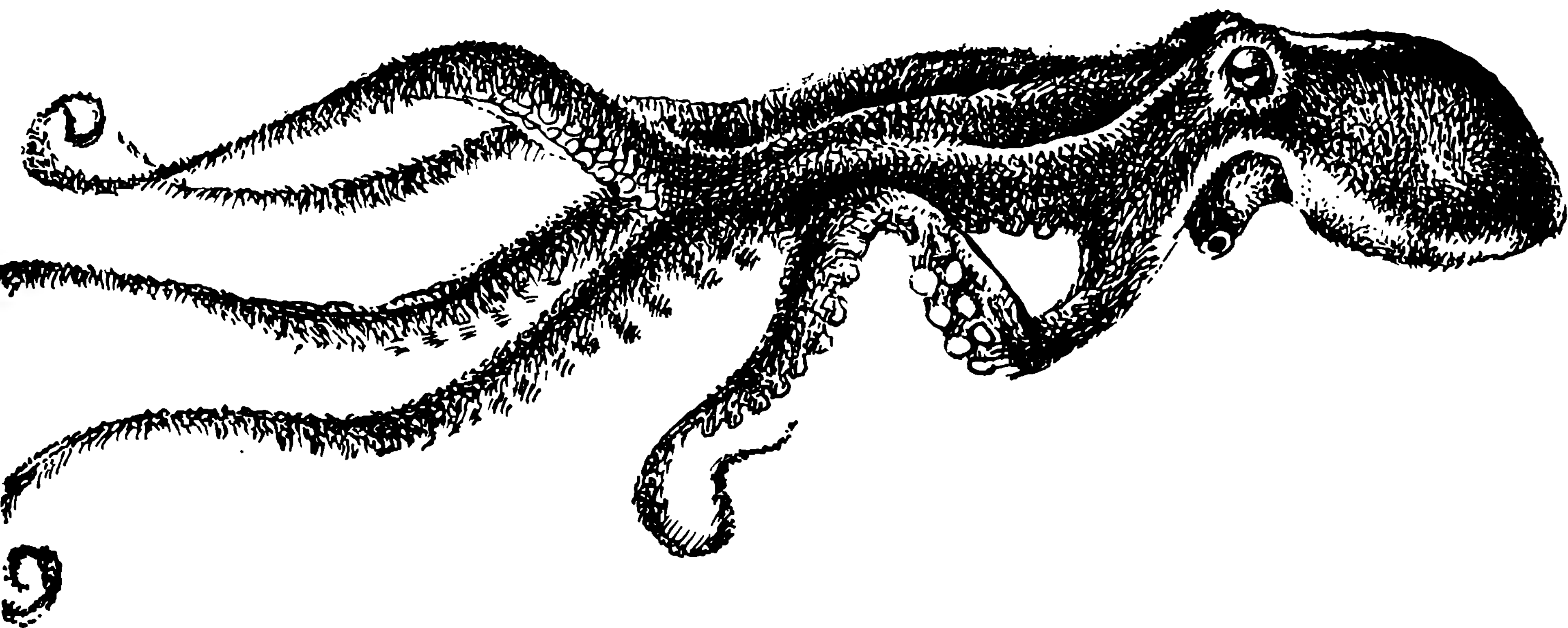
вправо к пологому склону. У его подножия глубокая нора — там постоянное место обитания осьминогов. Огибаю каменный выступ, передо мной темная впадина, а в ней белеют ряды присосок.

— Здравствуй, дружище! — мысленно приветствую я осьминога и не могу удержаться, чтобы не пожать щупальце. Нелепый, казалось бы, поступок, но я так долго ждал встречи с ним, что не могу не выразить своей радости.

Осьминог настороженно смотрит из глубины норы. Чувствую, как он припадает к каменной поверхности, и щупальца медленно охватывают мою руку.

Я перестаю пожимать щупальце, присоски тут же отлипают, и животное сворачивает щупальца. После чего он сильной струей из воронки отбрасывает от входа поднявшийся со дна мусор.

Какие же отличительные признаки этого осьминога? Я пытаюсь рассмотреть его поближе. Не очень большой, между глаз белая, лишенная окраски полоска. Левое щупальце второй пары короче других и оканчивается культей — видимо, пострадал в какой-то схватке. По этим признакам я и буду его отличать. И надо как-то назвать его. Конечно, его не позовешь под водой по имени и он не откликнется, но мне надо вести записи в дневнике наблюдений. Не по номерам же называть осьминогов! Хотя я и подумывал повесить им бирки, но потом все же решил, что осьминоги, как и любые другие животные, имеют свои индивидуальные особенности, и я всегда смогу их отличить друг от друга. Итак,

окрещу его Отшельником — вряд ли он покинет эту удобную нору. И окраска его сейчас пепельно-серая, подходящая для этого случая — словно осьминог накинул на себя невзрачное бедное платье.

За скалой широкая расщелина, в которой застрял большой камень. Под ним обширная пещера. И здесь осьминог. Этот уже побольше. Длина его с вытянутыми щупальцами будет, наверное, около метра.

Все в порядке — осьминоги на своих местах! Тревога исчезает, и радостное чувство наполняет меня. Можно начинать выполнение программы прямо сейчас, не откладывая на другие дни.

Первая задача такова: установить места обитания животных на контрольном участке, отметить их внешние признаки и особенности поведения.

Я дотрагиваюсь до осьминога рукой. Он бледнеет, затем мгновенно краснеет и широко растягивает перепонку между щупальцами. По ней пробежали розовые пятна и полосы. Отплываю чуть в сторону. Но осьминог не успокаивается. Он наполовину вылезает из пещеры и густо багровеет. Глаза у него поднимаются на самую макушку. Над ними забавные высокие складки кожи, похожие на рожки. Веки широко открыты, и золотистые глаза внимательно следят за мной. Щупальца струятся по камням, вытягиваясь вперед. Как же он все-таки красиво играет цветом! А формой тела: то как шар раздует туловище, то примет обтекаемую форму. Трясет перепонкой, похожей на широкое платье. Настоящий артист! Так и назовем его.

Я немного еще любуюсь этим представлением, а затем плыву дальше. Вскоре подо мной появляется длинная гряда из каменных глыб. Раньше здесь тоже можно было видеть осьминогов. Какое постоянство! Рядом с камнем лежит большой осьминог серо-бурого цвета с небольшими светлыми пятнами. Я прикидываю размеры — туловище примерно полметра, щупальцы должны быть длиной около полутора метров. Таких раньше мы относили к разряду крупных. Масса его килограммов пятнадцать — двадцать. На меня не обращает внимания — то ли спит, то ли у него уж очень спокойный характер. Впрочем, при моем приближении слегка бледнеет — значит, заметил, не спит. Но особого беспокойства не проявляет. Поглаживаю его мешковидное туловище. Осьминог шевелит щупальцами, но оборонительной позы не принимает. Не боится. Вот он и будет у меня Смелым.

Неожиданно рядом в глубокой щели под камнем замечаю еще толстые щупальца. Это интересно — ведь осьминоги, как правило, избегают один другого. Хотя в прежние годы я изредка встречал в это время поблизости друг от друга двух крупных осьминогов. Может, это были моменты спаривания осьминогов? Но научная литература указывает, что вероятнее всего спаривание у этого вида осьминогов происходит зимой или в начале весны. И тем не менее надо будет за этой парой понаблюдать повнимательнее.

Дно постепенно понижается, глубина уже около десяти метров. Начинается ровная отмель, полого уходящая в глубь моря. Плыву по ее границе до очередной каменной гряды, а там поворачиваю к берегу. Угловатые камни ступенями поднимаются к ровному плато, переходящему в отвесную стену скалы. На ней замечаю средней величины осьминога. При виде меня он плавно отделяется от скалы, выпустив чернильное облако, плывет к поверхности и скрывается за зарослями морской травы, растущей на вершине скалы. Устремляюсь за ним следом. Вот он, перебирая щупальцами по каменной поверхности, быстро спускается вниз. Стоило мне сделать движение в его сторону, как он опять бросается прочь. И так несколько раз. Наконец устает. Прижимается задней частью туловища к камню и ждет моего приближения. В тихой панике раздувает тело, вращает щупальцами, вздымая их кверху, припадает к скале и вновь поднимается. Поочередно краснеет и бледнеет. И мне кажется, что я слышу пронзительный и ворчливый голос. Вот немного успокоился, только подрагивает телом, словно безмолвный негодующий крик его сменился раздраженным бормотанием. Ворчун ты, старина, и напоминаешь мне тех людей, которые без всякой причины кричат, краснея и тараща глаза. А потом долго не могут успокоиться, брюзжат и ворчат на окружающих.

Я проплываю еще несколько участков, где раньше обитали осьминоги, но сейчас их здесь нет. Вот еще одно такое место: большой квадратный камень посреди обширной отмели, недалеко от берега. Под камнем ниша, а в ней маленький осьминог свернулся аккуратным клубочком. Глубина здесь около трех метров, кругом ровное дно, нет зарослей трав и морской капусты, поэтому удобно будет вести наблюдения, да и осьминог спокойный. А какая у него красивая окраска — алая с золотистыми узорами! Как у того осьминога, который окраской походил на румяное яблоко. Зачем же ты так разукрасился? Не надо бледнеть, дай я тобой еще по-

любуюсь. И, словно вняв моему призыву, осьминог вновь приобретает прежнюю окраску. Мне он очень нравится. Тихонько касаюсь его рукой — осьминог медленно распускает свои щупальца-«руки» полуметровой длины. Присоски на них красивого нежно-лилового и голубого цвета. Я рассматриваю их вблизи. Одно щупальце на конце лишено присосок и имеет узкий желобок. Это гектокотиль, свидетельствующий, что передо мной самец. Назову его Малышом.

Долго плаваю еще, но осьминогов больше не видно. Ну что ж, и так хорошо — шесть разных по величине животных на таком небольшом участке. Длина его по берегу метров семьдесят — восемьдесят, а в море около пятидесяти. И я не сомневаюсь, что на участке или вблизи него встречу еще других осьминогов.

Выхожу на берег. Подбежавшему Сереже рассказываю о своих встречах. Широкое, скуластое лицо его сияет — он радуется вместе со мной. Мы усаживаемся на теплый камень. Я отдыхаю, а Сережа задает вопросы. Но вскоре я настораживаюсь: в его вопросах чувствуется некий тайный смысл. А потом Сережа открыто просит меня добыть осьминога. Получив отказ, поднимается, чтобы сходить за своим ружьем.

— Злодей ты, Сергей,— прорывает меня,— все бы тебе пробовать только на зуб! Только попробуй сунуться сюда со своим ружьем!

Сережа смеется:

— Ну что вы, Юрий Федорович, да разве от одного осьминога их здесь убудет? На его место другой приползет. А потом вы сами раньше, наверное, не одного из них погубили!

— Нет, Сережа, когда я попал сюда, с охотой было покончено. Тебе тоже желаю побыстрее от нее избавиться. Ведь мы с тобой попали в уголок подводного мира, населенного такими удивительными существами. Так зачем же вламываться сюда с оружием? Ты не представляешь, как легко здесь нарушить сложившиеся связи между обитателями этого участка! Даже гибель небольшого количества животных может оборвать их. Другие осьминоги, как ты сказал, не приползут — они все здесь. Их количество может восстановиться только со временем.

Сережа тактично замолкает. Но вряд ли я его так быстро переубедил: по натуре он скорее охотник и рыбак, чем натуралист-любитель. Думаю, что про себя он сейчас мечтает о жарко́м из осьминога. Начнем плавать вместе — увидим,

как будут действовать мои слова; Сережа полон любопытства и любознательности — это уже хорошо.

— Подай, Сережа, рыбу и жди меня.— Я беру приготовленный им пакет и опять иду к воде.

Можно было бы отложить первую попытку покормить осьминогов на завтра, но я в тревожном нетерпении: от того, будут ли осьминоги принимать от меня пищу, зависит успех всего задуманного дела. Плыву к Отшельнику. Он в той же позе, в глубине норы. Лежит смирно, подобрав щупальца. Беру из пакета несколько корюшек и кладу перед входом в убежище, а сам отплываю в сторону и замираю без движения, чтобы не беспокоить животное. Томительно тянется время. Постепенно холод начинает сковывать тело. А Отшельник не шевелится и даже не смотрит в сторону рыбы. Как же это понимать? Корюшку поймали недавно, а ему, может быть, нужна несвежая, с запахом — только такую он может почувствовать на расстоянии? Или он ловит живую рыбу? Я передвигаю рыбу ближе к входу и так, чтобы осьминог ее видел наверняка. Но Отшельник никак не реагирует на это, а на лежащих рыбок уже ведется настоящее наступление: ползут звезды, ежи, торопятся крабы. Просто удивительно, как быстро они почуяли добычу! Вскоре перед норой образуется разноцветная куча звезд, под которой исчезают рыбы. Снова беру с десяток рыбок и, подплыв к норе, запускаю туда руку, высыпаю корюшек прямо на осьминога. Отшельник встрепенулся. Беспокойно ворочаясь, он обшаривает вокруг щупальцами. Я вижу, как рыбки прилипают к присоскам и, подброшенные вверх, вылетают из норы, подхваченные струей воды, выпущенной из воронки. Все одна за другой рыбки выброшены наружу. Хоть бы одну оставил! И напоследок, повернув вперед воронку, Отшельник сильной струей воды «подметает» порог своего жилища.

Я замерз, на сегодня нет больше сил. Быстрее к костру, который предусмотрительно разжег Сережа.

— Не расстраивайтесь, Юрий Федорович! — утешает он меня.— Ну не будут есть корюшку, наловим им окуней. Можно сходить и за крабами. А потом позавчера здесь весь берег был усыпан мертвой корюшкой — волны вынесли ослабевшую. Так что осьминоги, наверное, просто ею объелись.

В этом, пожалуй, есть резон. Надо выждать несколько дней, когда корюшка не будет подходить к берегу.

Ветер с моря принес туман, морось, перемежающуюся с мелким дождем. Но море сравнительно спокойное, и мы собираемся плавать на втором участке. Чтобы не промокнуть под дождем, гидрокостюм надеваю в доме, натягиваю ласты и в таком виде иду по берегу. Сыро и мрачно кругом. Прибрежные скалы в подтеках красной глины. Их вершины в белой пелене. На склонах из тумана проступают искривленные черные контуры деревьев. Печально кричат над морем чайки. Ленты морской капусты, выброшенные волной, напитались влагой и почернели. Ноги скользят в их перепутанных клубках. Вот и конец пляжа, а дальше идет полоса больших валунов до самого мыса. Это начало второго участка.

Иду в воду. Глубина небольшая — всего два-три метра. Но на некотором расстоянии от берега дно резко опускается и начинается каменная гряда. За ней — отмель. Впереди проступают очертания якоря, неизвестно когда и каким судном здесь оставленного. Его изъеденные морской водой лапы обросли красными водорослями, свисают побеги морской капусты. Чуть дальше большой плоский камень образует своеобразный навес. Под этим навесом было излюбленное место крупных осьминогов. А сейчас здесь нет никого! А я уже начал привыкать к мысли, что все прежние места обитания заняты. Под камнем собрался разный мусор, обрывки водорослей, сидят группами морские ежи. Затем заглядываю в широкую и глубокую расщелину. В ней такое же запустение. На соседней поляне среди скал тоже никого.

Что же здесь произошло? Почему осьминоги не заняли эти удобные убежища?

Осталось проверить еще край отмели, где она ближе всего подходит к берегу. Дно здесь слегка поднимается, и над этим участком отмели глубина совсем небольшая. Я называю это место Медвежья Поляна. В прежние годы сюда из неведомых глубин моря выползали самые крупные осьминоги. Здесь я встретил тогда «медведей».

Вот и поляна. Все же замечательное это место — на гладкой каменной площадке вижу большого осьминога. Не «медведь», нет, но внушительных размеров. По крайней мере значительно больше Смелого. Этакий крупный «медвежонок». Щупальца, как корабельные канаты, свернуты спиралями, туловище округлилось и раздалось в стороны. Две небольшие коричневые рыбы, отгоняя друг друга, ползают по осьминогу и что-то выискивают среди его щупалец.

Но где же его убежище? Я оглядываюсь кругом: подхо-

дящей пещеры или грота поблизости нет. Впрочем, так было и раньше — «медведи» здесь тоже не скрывались в убежищах.

Не буду беспокоить Медвежонка — пусть лежит спокойно. Для моих целей он не очень подходит — трудно с таким большим иметь дело. Проплываю еще раз вдоль всего участка. В самом конце уже на значительной глубине замечаю небольшого осьминога. Увидев меня, он «перепрыгивает» на большой камень и, прильнув к его поверхности, замирает. Из его воронки побежал, завиваясь в клубки, длинный тонкий шнур. Это уж ты зря! Чем же я тебя так напугал, что ты заболел медвежьей болезнью? Затем этот трус сереет, сползает с камня и втискивается в узкую щель. Осьминог этот боязливый и живет в неудобном для меня месте — кругом глубокие щели и норы. За ним трудно будет вести наблюдения. Пусть остается безымянным — вряд ли я с ним буду часто встречаться.

Я плыву дальше. Но почему-то осьминогов больше не видно. Может быть, Медвежонок, который мирно теперь отдыхает на поляне, распугал остальных и они забились в глубь своих убежищ или скрываются в лабиринтах каменной гряды? Или отошли в глубь моря? Это нужно проверить, а пока первая разведка здесь окончена.

Сережа встречает меня на берегу.

— Юрий Федорович, достаньте одного...

— И что ты, Сергей, не успокоишься,— я опять начинаю сердиться.

— Да мне только посмотреть на него вблизи, на живого, потрогать руками.

— Это другое дело.

Какого же достать? Я задумываюсь: один великоват, второй глубоко, да к тому же в расщелине, из которой его вытащить трудно. Конечно, можно отказаться, сославшись на то, что это совсем непросто. Но надо понять Сережу, мои рассказы не дают ему покоя. А может быть, он не совсем верит мне? Конечно, он знает, что осьминоги здесь есть, но что они такие большие и что можно близко подплывать к ним и пожимать щупальца — в этом он сомневается.

Сергей за два проведенных здесь года не видел осьминогов под водой и не представляет, как они себя ведут. В разгар лета, когда он плавал в бухте, вооружившись гарпунным ружьем, осьминогов у берега уже не было. Они уходят на большие глубины.

Так какого же из них поднять? Пожалуй, Медвежонка. И во мне начинает подниматься охотничий азарт, тщатель-

но подавляемый на протяжении многих лет. Хотя почему охотничий? Скорей спортивный. У нас будет с ним честная борьба — или он сумеет остаться на дне, или я его одолею и подниму к поверхности моря. Я не нанесу осьминогу вреда. Выплыву с ним на мелководье и выпущу в заливчике. Вот и все.

Сережа советует взять нож, я демонстративно отказываюсь. Это в общем-то нарушение техники безопасности, но я хочу идти в воду полностью безоружным, полагаясь только на свой опыт.

Медвежонок на прежнем месте. Еще раз тщательно осматриваю его — нет, здесь с ним не справиться. Стоит потревожить осьминога, и он намертво присосется к каменной поверхности. Удобнее всего ловить осьминогов, когда они плывут. Но этот вряд ли испугается и поплывет от меня. Впрочем, надо попробовать. Я несколько раз быстро наплываю на него и размахиваю руками перед его глазами. Нет, не боится! Теперь попробую расшевелить его, чтобы он приподнялся ото дна и пополз. Сверху лучше его не трогать — иначе он только плотнее прижмется к скале или поднимет щупальца и начнет ими ловить меня. Тянуть за щупальца тоже бесполезно — они растягиваются, как резиновые, и выскальзывают из рук. Да и не преодолеть усилия присосок других щупалец, которыми он держится за каменную поверхность. Остается одно — подталкивать под основание щупалец. Делать это нужно легко и деликатно, быстро отдергивая руку, когда к ним прилипают присоски.

Еще разок, еще. Одними пальцами. Вот он слегка приподнялся. Теперь можно и ладонями подтолкнуть. Осьминог раскручивает щупальца. Осторожно, осторожно! Еще чуть-чуть нажать. Только бы не припал опять к камню. Стоило мне сделать неосторожное движение, как Медвежонок выбрасывает в стороны щупальца и растягивает перепонку. Теперь надо ждать, пока он успокоится. И опять тихонько подталкиваю и щекочу его ладонями. Вот туловище его уже повисает в воде. Еще немного — и наконец осьминог пополз.

Легкими касаниями рук я направляю его к зарослям невысоких, пушистых водорослей. Там он должен лишиться опоры — водоросли будут ему мешать схватиться за камни.

Когда Медвежонок оказывается над водорослями, бросаюсь на него, обеими руками хватаю за шею и резким рывком стараюсь поднять вверх. Но все же осьминог успевает зацепиться за дно: я вижу, как два щупальца натягиваются, остальные делают круговые движения, стараясь за что-ни-

будь ухватиться. Наступает самый ответственный момент. Тяну изо всех сил. Кажется, щупальца вот-вот разорвутся — они натянулись до предела. Я уже задыхаюсь. Делаю рывок из последних сил и слышу треск отлипающих от камня присосок. И вместе с Медвежонком взмываю к поверхности моря, не успевая развернуть его щупальцами от себя. Только бы не выпустить скользкое тело из рук! И я прижимаю осьминога к себе. Тотчас же щупальца обвиваются вокруг моей талии и ног.

Я уверен, что, если захочу, освобожусь от этих объятий, но все равно меня охватывает тревожное чувство. Щупальца напрягаются. Ноги в тисках, обручем сдавлена поясница. Натягивается резина гидрокостюма, и я начинаю опасаться, как бы она не лопнула. Продолжаю держать Медвежонка за шею, а он всеми щупальцами ухватился за меня. Теперь я скован почти полностью, свободной остается только правая рука.

Сережа уже заметил багровую массу на моем теле и что-то кричит, волнуясь на берегу. Похоже, он собирается прийти мне на помощь — я вижу в его руках толстую палку. Вот он уже прыгает по макушкам камней, торчащих из воды, скользя и срываясь с них. Затем прыгает в воду и идет навстречу мне по пояс в воде.

Я отнимаю руки от осьминога и тотчас же чувствую, как слабеют усилия его мышц и щупальца одно за другим соскальзывают с моего тела. Животное медленно сползает вниз. Но как только осьминог начинает вытягиваться и принимать обтекаемую форму, опять хватаю его за шею. После чего быстро разворачиваю зонт щупалец от себя. Да, великоват мой соперник. И хотя в таком положении он уже не может опутать меня щупальцами, но все же достает до меня их концами. А это тоже неприятно: одним щупальцем он опять ухватился за ногу, второе ложится мне на плечо, поэтому трудно плыть, да и утомился я. Пора бы мне уже и прекратить вот такие упражнения под водой. Впрочем, приятно, что могу выдержать такую борьбу. И я горжусь этим перед единственным свидетелем моей победы.

— Смотри, Сережа, смотри, какого одолел зверя! — Встав на дно, я с трудом поднимаю осьминога над водой. Толстенные щупальца бессильно свисают вокруг меня. Сережа все еще держит наперевес палку.

— Да брось ты ее, а то ненароком заденешь меня; мой помощник возбужденно смеется, бросает палку и тянется руками к осьминогу.

— Обожди, Сережа, не трогай.

Я беспокоюсь за осьминога — прикосновение горячих ладоней должно быть для него обжигающим. Я-то в толстых перчатках. Выпускаю Медвежонка в воду и поворачиваю воронкой кверху. Тело животного напрягается, и из воронки фонтаном вырывается струя воды и падает на Сережу. Я смеюсь:

— Тебя окропил осьминог, значит, зачислил в свои друзья!

Осьминог вырывается из рук, стараясь уплыть. Я задерживаю его, и мы любуемся с Сережей игрой цвета. Под водой краски красного оттенка блекнут из-за частичного поглощения их толщей воды. Сейчас видна яркая и чистая палитра от нежно-розового и золотистого до темно-бордового. Надеюсь, для Сережи это будет незабываемая встреча. Он протягивает руку к щупальцам животного и тотчас отдергивает ее, словно от укуса, когда к ней прилипают присоски.

— Не бойся, присоски не страшны. Посмотри, они мягкие, словно резиновые.

Потом мы рассматриваем глаза, рот и «клюв» животного, его жабры и воронку. После долгого перерыва мне самому это интересно вновь увидеть.

— Теперь пусть плывет на свою поляну,— я разворачиваю Медвежонка в сторону моря, и он медленно плывет у самой поверхности воды.

Мы провожаем его глазами, пока темное пятно не растворяется в глубине.

Мелкая морось переходит в частый дождик. Мне-то в гидрокостюме все равно, а Сережа вымок окончательно. Да тут еще налетают порывы холодного ветра.

— Не мерзни, иди, а я не спеша отправлюсь за тобой,— говорю я ему.

Сережа убегает, а я тихо плетусь по самой кромке берега. Набегающие волны пригладили и уплотнили здесь песок. Идешь по нему как по ровной дорожке. Иногда прибой окатывает ноги, и из-под ласт начинает уплывать песок, вымываемый водой. А дождь уже разошелся вовсю — сплошная стена закрыла бухту. Потоки мутной воды текут в ложбинах между сопками. Плохо, если дождь затянется,— у берега помутнеет вода и трудно будет плавать в море. Правда, в мае не должно быть затяжных дождей. Но кто его знает!

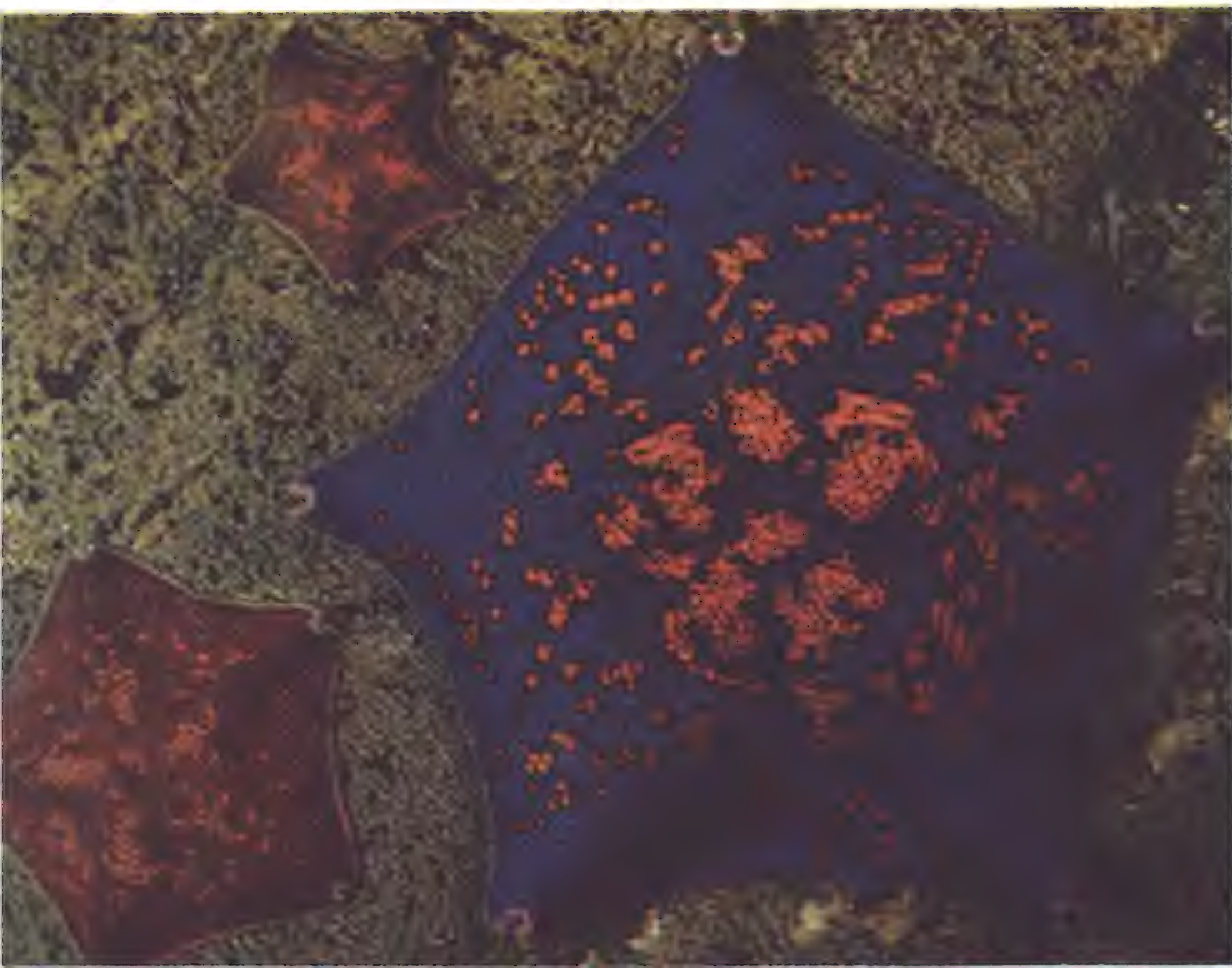
Когда я пришел домой, чай уже закипел. Разогреваем кашу, жарим рыбу — наш простой обед готов. Потом я ло-

Звезды патирии

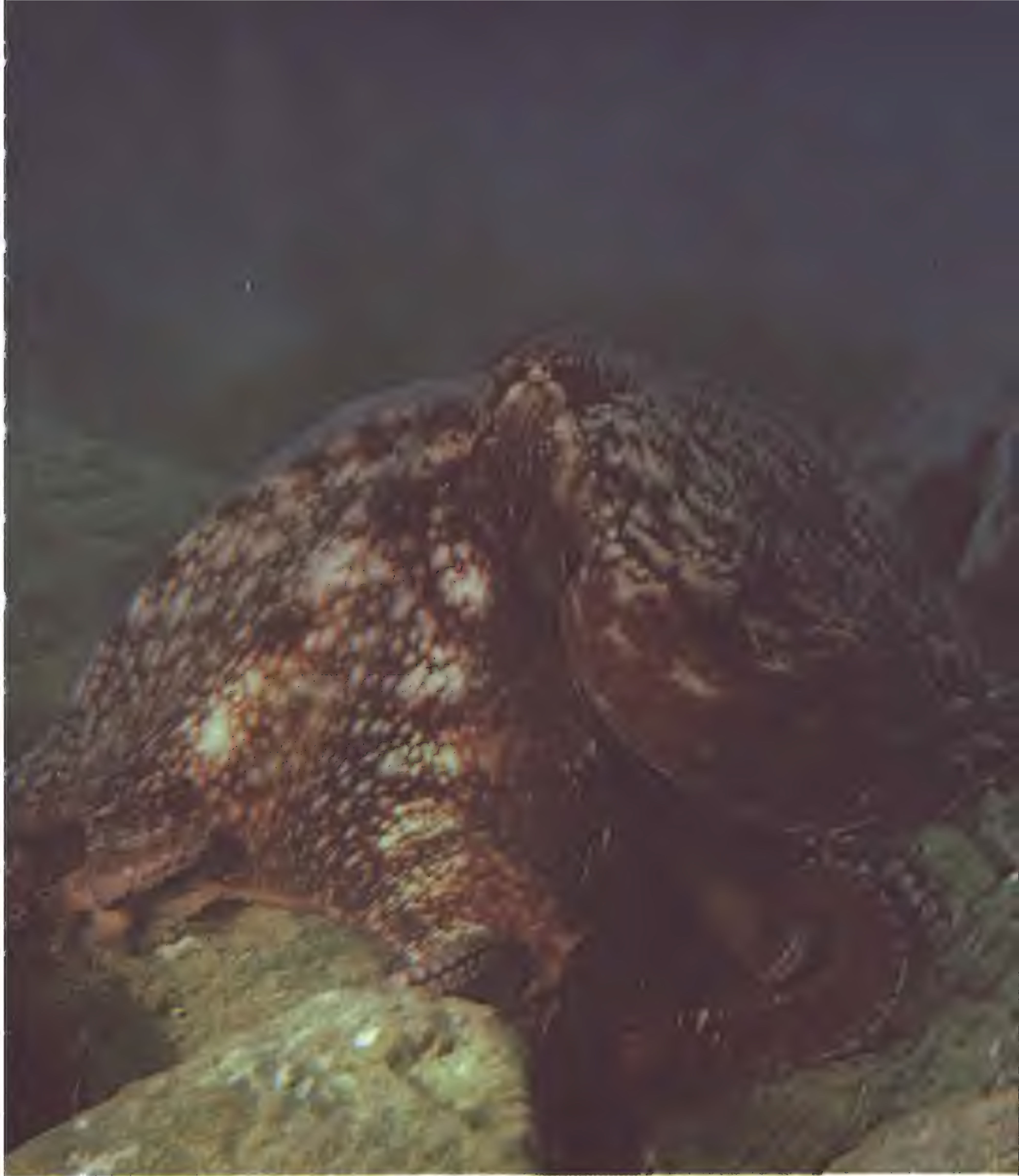
Смелый с добычей

Осьминог ощупывает руку

◄ Соперники перед схваткой

◄ Ворчун

Артист

Смелый ловит добычу

Присоски цепко берут рыбку

Осьминог раскопал
и расчистил убежище

Ворчун ползет по дну

Поза «блина» осьминога

Осьминог выбрасывает навстречу мне щупальца

Малыш

Коротконглый морской еж ►

Под выступом притаился осьминог

Осьминог выпустил из-под камня щупальце

Креветка на руке

Осьминог подбирает рыбок

Кладка икры голожаберных моллюсков

жусь на кровать — от усталости трудно шевельнуть даже пальцем. Долгое плавание в холодной воде дает о себе знать. Шелестит по крыше дождь, вздыхает в печной трубе ветер. Я закрываю глаза: надо мной снова вздымаются синие волны, качаются зеленые морские травы, ярко переливается мозаика лиловых, розовых, красных пятен — морских звезд. Густеет синева, краски тускнеют, и я проваливаюсь в темноту. Проснувшись, вижу, что Сережа ползает по полу и клеит гидрокостюм из губчатой резины. Он кряхтит и потеет от непривычной работы. Проявив осторожность, он мог бы натянуть гидрокостюм, не порвав его. Но надо знать Сережу — при первой же попытке надеть костюм он с треском разорвал его. И вот Сережа выкраивает вставки. Дело сложное — надо удлинить и расширить костюм. Я решаю помочь ему. За этой работой время проходит до темноты.

Перед сном сижу за журналом наблюдений. Записываю сегодняшние подводные впечатления. Почему все-таки осьминог не принял от меня рыбу? В этот период они должны ею питаться — иначе в бухте их просто не было бы. Но как и когда они ее ловят? В ночное время, активно нападая или терпеливо поджидая в засаде? Может быть, они подбирают только мертвую или сильно ослабевшую и больную рыбу? Или их основная пища только ракообразные и двустворчатые моллюски. Так, во всяком случае, принято считать. В бухте поселения мидий образуют обширные поля. Много и мелких крабов, и креветок. Но тогда около убежищ осьминогов должны быть кучи пустых раковин. Необходимо терпеливо вести наблюдения. Тщательно осмотреть окрестности возле их убежищ. Вспоминаю, что в прежние годы мы частенько видели остатки крупных рыб, иногда беловатые створки раковин недалеко от их нор. Надо поплавать рано утром и вечером — в это время осьминоги наиболее активны, и, может быть, я увижу их в момент охоты. Сейчас рано еще делать какие-либо выводы.

Каждый день я стараюсь навестить всех взятых под наблюдение осьминогов. Журнал постепенно заполняется.

Отшельник безвыходно сидит в своей норе. Иногда по утрам он выпускает наружу «букетик» щупалец. Похоже, он ждет, что кто-нибудь опустится на них или коснется присосок. Не так ли он поймал крупного бычка, останки которого около входа в убежище облепили морские звезды? Вот около щупалец проплывает стайка корюшек. Некоторые

рыбки движутся у самых присосок. Я жду: схватит рыбку или нет? Но щупальца неподвижны.

Артист тоже в своей пещере. Перед ее входом образовалось настоящее ожерелье из темно-бордовых ежей нудусов. Вообще у убежищ часто видны скопления морских звезд и ежей. Их привлекают сюда остатки пищи осьминогов. Сейчас у одного ежа замечаю белую полоску с чешуйками — это кусочек кожи какой-то рыбы.

Ворчун лежит на дне среди небольших камней. Как всегда, при виде меня он в панике приподнимается, трясет перепонкой, краснеет и бледнеет — обычная картина. Присматриваюсь к месту, где он лежал: серенькие креветки спешат спрятаться под камни. Суетятся похожие на небольших змеек рыбки. Ворчун сучит и размахивает щупальцами, и вверх взлетают прозрачные нежные лепестки — это тонкая кожица с присосок. Как будто с них слетают чехольчики. Уж не линяет ли осьминог? Я даю Ворчуну успокоиться, и он опускается на дно.

И опять вокруг него вьются рыбки. Что-то склевывают с его тела. Из-под камня показалась креветка и передними ножками ощупывает туловище Ворчуна. Как интересно! Похоже, это подводные «санитары», очищающие тело животного от паразитов и омертвелых тканей. Такое содружество среди рыб встречается довольно часто, но около осьминога «санитаров» я вижу впервые. Ворчун лежит спокойно, только настороженно поглядывает в мою сторону. Довольно крупная рыба скользит по его щупальцам, касаясь присосок. И ничего, ни малейшей попытки ее схватить.

Смелый, как и прежде, встречает меня спокойно. Он несколько переместился ближе к отмели. Что за чудеса! И здесь, под камнем, рядом со Смелым, видны щупальца другого осьминога. Теперь мне ясно — идет борьба за место на дне. И раз так, то предстоит схватка. Соперники неподвижны, только в упор смотрят друг на друга — идет предварительная разведка. Она может продолжаться и день, и два. Но схватка неизбежна. И только победитель останется на этом удобном месте — на краю отмели.

Я вспоминаю, что и раньше в этом месте на краю отмели осьминоги были такой же величины, как и Смелый. В пещере Артиста и в норе Отшельника жили осьминоги, по размерам соответствующие нынешним животным. Самые крупные осьминоги встречались только на Медвежьей Поляне. И на других участках размеры животных совпадали. А совпадение ли это? Может быть, расселение этих животных

подчинено определенным законам? Места их обитания более или менее постоянны. Каждый старается придерживаться выбранного участка дна. Но участки эти имеют неодинаковую ценность по удобству убежищ и возможностям охоты. И лучшие из них достаются более крупным и сильным животным. Меньшие же вытесняются на худшие места. Происходит своеобразное распределение участков между осьминогами в соответствии с их физическими данными. Каждый год растущий осьминог переходит на все более хороший участок, пока не достигнет лучшего — края отмели или Медвежьей Поляны. Заняв новый участок, осьминог переселяется в то убежище, где до него обитал прежний хозяин. Однажды, плавая за границей участка, я подобрал небольшого осьминога. И приплыл с ним сюда, чтобы выпустить среди здешних осьминогов и проследить за их взаимоотношениями. Высмотрев незаселенный участок, я посадил его в очень удобную, как мне показалось, нишу под большим камнем, надеясь, что он останется здесь на постоянное жительство. С большим удивлением я обнаружил его на следующий день на противоположной стороне камня. Я совершенно забыл, что именно с этой стороны камня раньше жили осьминоги, но потом это убежище в сильный шторм было завалено гравием. И вот осьминог раскопал и расчистил старое убежище и теперь сидел там, удовлетворенно поглядывая из глубины его. Солидная россыпь камней по сторонам убежища свидетельствовала о проделанной работе. Расчищенная впадина не имела никаких видимых преимуществ перед той нишей, куда я вначале посадил его. Значит, отношение к месту жительства у осьминога несколько иное, чем у меня. Казалось, подобных мест сколько угодно, а он выбрал именно то, в котором до него обитали осьминоги. И не только нашел, а, наверное, всю ночь трудился, откапывая это жилище от наносов.

Несколько дней подряд Смелый перемещался между двумя сидевшими глубоко под камнями и не рисковавшими вылезать наружу осьминогами. Подползая в очередной раз к одному из них, Смелый располагался у входа и посматривал под камень, словно вызывая соперника на поединок. Редко можно увидеть схватку между осьминогами, и было бы очень интересно знать поведение в этом случае Смелого.

Как же вызвать поединок? Из-под камня осьминога не выгнать — это ясно. А что, если выманить его оттуда приманкой? Например, кинуть ему рыбу, как бросают кость

собакам. Может быть, стараясь перехватить ее друг у друга, они устремятся к рыбе, и тут уж наверняка не обойдется без драки. Кладу между ними большую красноперку. Щупальца дрогнули, зашевелились. Осьминог, сидящий под камнем, сделал движение, слегка пододвинулся и Смелый. И опять застыли неподвижно. Я щекочу Смелого сзади, слегка пощипываю его, но он только ерзает. Подталкиваю вперед руками — упирается. Нажимаю сильнее — пятится назад, распускает щупальца, растягивает перепонку. И боком, боком ползет в сторону, огибая камень. Описав круг, снова занимает прежнюю позицию...

На другой день я увидел схватку. Когда я подплыл, осьминоги уже переплелись щупальцами и теперь лежали неподвижно. Лишь изредка по ним волной пробегало легкое движение. Так продолжалось довольно долго, и я изрядно замерз, ожидая продолжения действий. Но вот животные вздрогнули, приподнялись, щупальца натянулись, и соперник Смелого пополз из-под камня. Он оказался такой же величины, что и Смелый. Животные столкнулись головами. Взметнулись вверх сомкнутые щупальца. На какие-то секунды, застыв вертикально, они расцепились и опали вниз. И осьминоги поползли в разные стороны друг от друга. Схватка окончена. Смелый медленно уползал к подножию гряды: видно, в схватке он потерпел поражение. «Ищи-ка лучше себе квартиру,— мысленно говорю ему.— Смотри, сколько здесь прекрасных глубоких расщелин». Я выбираю наиболее подходящую, очищаю ее от звезд и ежей и подгоняю к ней Смелого. Животное безропотно вползает туда. Раньше он целиком был занят выяснением отношений с другими осьминогами, не обращал на меня внимания и поэтому казался мне смелым. Очень хочется, чтобы Смелый остался в этой расщелине, но слишком близко расположились другие осьминоги — сумеет ли он здесь прижиться?

Через несколько дней вблизи Победителя (так я назвал осьминога, победившего в схватке) появился еще один. Я сначала подумал, что вернулся Смелый, но тут же понял свою ошибку. Этот был ровного светло-розового цвета, без характерных для Смелого светлых пятен. По размерам же и форме тела он не отличался от Смелого. Но вел себя иначе: стоило мне к нему приблизиться и задеть легонько рукой, как он устремлялся к узкой расщелине, ведущей под камень Победителя с другой стороны от входа.

Развернувшись в своем убежище, хозяин буквально грудью встретил это вторжение. Сомкнувшись в глубине

расщелины телами, осьминоги слились в единую плотную массу. И опять они на долгое время застывают в неподвижности. И снова я жду и мерзну в воде. Чтобы окончательно не закоченеть, плаваю вокруг камня, под которым идет эта странная борьба.

Наконец тела борцов слегка колыхнулись. Словно прессом давит Победитель, выжимая пришельца. Тот отчаянно цепляется присосками за каменную поверхность, но напор Победителя неудержим, и вот уже из расщелины гигантским пузырем начинает выпирать туловище. Еще усилие — и пришлый осьминог вытолкнут, буквально выбит как пробка из бутылки.

Я рассматриваю его вблизи: тонкая перепонка, соединяющая щупальца, не порвана, хотя по опыту знаю, как легко это сделать, щупальца все на месте и вообще на теле повреждений не видно. Значит, острые челюсти соперники в ход не пускали. Потом мне пришлось видеть еще несколько схваток равных по величине животных, и все они заканчивались бескровно. Побежденный покинул участок, и больше я его здесь не видел.

Ну а что Смелый? Он не остался в расщелине, куда я его определил, а перебрался на отмель, облюбовав отдельно возвышающийся на ней большой камень.

Что же характерно для участков дна, которые выбирают осьминоги? Безусловно, на таких участках животные должны иметь удобные укрытия и находить без лишних хлопот пищу. Взять, например, участок, где произошла борьба. Здесь каменная гряда резко обрывается и начинается отмель. Под большими камнями удобно скрываться, а на отмели всегда можно встретить крупных бычков и камбал. И в то же время рядом берег, к которому вдоль гряды устремляются косяки корюшки. Около камней плавают терпуги, красноперки. Я и раньше отмечал, что осьминоги весьма привержены к отмелям и площадкам, покрытым мелкими камнями и гравием, вокруг которых громоздятся каменные гряды. Кроме того, в таких местах отсутствуют обширные заросли водорослей и морских трав.

Около самого пляжа осьминоги селятся только там, где в скалах есть глубокие гроты и норы. Так, например, устроились Артист и Отшельник. На пляже нерестится корюшка, и они, вероятно, могут ее ловить прямо у входа в свои убежища. Это надо проверить.

Я беру заранее пойманную рыбку, привязываю ее к шнуру с грузом и опускаю перед Артистом, который в спокой-

ной позе лежит в своей пещере. Дергая за шнур, я имитирую движения рыбы. Ну хотя бы шевельнулся! Я подвожу рыбу то к самому глазу животного, то к концу щупальца. Нет, брать не хочет. Конечно, можно сунуть ему рыбу насильно — развернуть щупальца и прикрепить ее к присоскам около рта, туда, где он обычно держит свою добычу. Будет есть рыбу или нет — неизвестно, но присосками он должен ее взять. Так и подмывает меня это сделать. Но необходимо, чтобы осьминог взял рыбу так, как ловит обычно добычу. Мне кажется, что только в этом случае можно выработать у него комплекс необходимых рефлексов, которые позволят мне установить с ним нужный контакт. Пробую соблазнить рыбой Отшельника — тот же результат. Или осьминоги сыты, или их настораживает мое присутствие? Еще раз кладу перед ними корюшек и уплываю на другой край участка. Когда возвращаюсь, рыбки по-прежнему не тронуты осьминогами.

А что, если предложить им мидий? Мясо этих моллюсков — настоящее лакомство для многих животных. Отрываю от камня две большие раковины, разбиваю их и кладу перед Артистом. И опять никакого интереса он не проявляет. А к раковинам уже устремились звезды, подплыли вездесущие ленки. Отталкивая друг друга, они теребят мясо моллюска. Раскрыв клешни, из-под камней лезут крабики. Артист спокойно наблюдает за этой сценой. Ладно уж не берет мидий, схватил бы хоть крабов, которые суетятся у самых его щупалец!

Сколько раз мне приходилось видеть их на присосках осьминогов! Опять я начинаю думать, что мое присутствие настораживает животное. Оставляю его в покое и плыву к берегу. Только вряд ли уж Артист возьмет мидий — слишком много около них собралось разных нахлебников.

На другой день перед входом в убежище все было чисто: пустые раковины отброшены в сторону, звезды исчезли, крабов не видно. Съел ли Артист угощение?

Сегодня солнечно и на море полный штиль. Ворчун пристроился на вершине скалы, немного не доходящей до поверхности воды. Я пощекотал его сзади. Осьминог слегка пошевелил щупальцами, словно отмахиваясь от меня, и снова замер в блаженном спокойствии. Какие изменения! Неужели он начал привыкать к моему присутствию?

В ложбинке у плоского камня замечаю облако мути: кто-то роется там на дне. Присмотревшись, вижу осьминога,

присыпанного песком и мелкими камешками. Да ведь это Малыш — вот недалеко и его пустое убежище. Что же это он делает? Ведет какие-то раскопки — его щупальца находятся глубоко под камнем. Он шарит ими там, поднимая муть. Вытянул щупальца, разгреб в стороны камешки и мусор и снова запустил их под камень. Опять вытаскивает их с грудой камней и песка.

«Да ведь это он на охоте!» — догадываюсь я.— Осьминог пытается кого-то достать из-под камня. Для меня это неожиданность — я считал, что осьминог должен хватать добычу, бросаясь из засады, или ловить ее щупальцами в толще воды. Я же вижу поиск, сопровождаемый настоящими раскопками. Решаю проверить: поднимаю Малыша и развертываю щупальца. Все правильно, около рта вижу белые раковины двустворчатых моллюсков. Одна раковина раскрыта, мясо моллюска надкусано. Итак, значит, добычу он нащупывает. По крайней мере в данном случае. Внутренняя поверхность щупалец с присосками имеет многочисленные вкусовые клетки. При поиске добычи осьминог, вероятно, пользуется осязанием и определяет ее на вкус! Это уже меняет дело! Лечу к берегу за рыбой.

Потревоженный Малыш свернул щупальца и лежит около камня. Кладу рядом с ним несколько рыбок — не обращает внимания. Протягиваю руку и касаюсь рыбкой присосок. Мгновенно присоски прилипают к рыбке, охватывая ее со всех сторон. Щупальца подворачиваются вниз, и добыча исчезает под осьминогом. Кладу на щупальца еще несколько рыбок, и они следуют тем же путем. Все оказалось просто!

Но почему же Отшельник не взял корюшку в первый день — ведь я подбросил ее прямо в нору на щупальца? Сережа оказался прав: осьминог в тот день был просто сыт.

Артист тоже охотно принимает угощение. Взяв двух рыбок, он наполовину вылезает из пещеры. Несколько корюшек я положил перед входом, и он наползает на них, загребая их под себя. И вот уже из-под осьминога начинают выплывать чешуйки и мелкие обрывки кожи. Рядом с пещерой задвигались ежи и звезды. Они почуяли запах пищи и стараются перехватить крошки от этого обеда.

Теперь проверим Смелого. Ну этот совсем не стесняется — тянет рыбок прямо у меня из рук одну за другой. Запас у меня большой, и я щедро угощаю. Рыбок Смелый берет средней частью щупалец и направляет их под перепонку. А там, видимо передавая их от присоски к присоске, направ-

ляет к центру зонта. Постепенно перепонка у головы животного начинает выпячиваться, раздуваться все больше и больше и принимает форму колокола. Пожалуй, этому хватит — надо оставить и другим. Плыву к убежищу Победителя и бросаю несколько рыбок на щупальца, виднеющиеся под камнем. Подобрав рыбок, осьминог приподнимает щупальца. Они как бы вспухают, выползая из узкой щели. Победитель ждет еще. Но у меня уже больше нет ничего.

Возвращаюсь к Смелому, который пришел в явное беспокойство. Красный, как помидор, перебирает щупальцами, потряхивает перепонкой. Покружившись около камня, направляется к каменной гряде. Не иначе как решил укрыться в какой-нибудь щели и там насладиться добычей. То-то нахватал про запас — недаром так раздулась перепонка! Интересно, как он держит добычу?

Беру Смелого за передние щупальца и рывком поднимаю. Щупальца разбрасываются в стороны, перепонка растягивается зонтом. Стараюсь опрокинуть животное, чтобы открылась нижняя сторона зонта. В центре его вокруг рта вижу рыбок — осьминог цепко держит их присосками. Рыбки собраны аккуратной кучкой, как на тарелочке. Я отпускаю Смелого, и он спешит от меня — словно боится, что я отниму у него добычу. Вижу, как он, запустив щупальца в узкую расщелину, втягивается туда и исчезает.

Итак, все мои осьминоги взяли рыбу — значит, сейчас они голодны. И не удивительно: уже несколько ночей подряд стоит тихая погода, на небе полная луна, а в такие периоды корюшка к берегу почти не подходит.

На берегу Сережа недоверчиво слушает мое сообщение.

— Кормить осьминогов из рук? — Он качает головой.— А если они схватят вас при этом?

Нет, не рассеивается у Сережи предубежденность к осьминогам.

— Какие же они были? Наверное, небольшие?

Я развожу руки пошире.

— Да как вы, Юрий Федорович, можете?! Вот в прошлом году Василий Петрович не мог выдернуть весло — нащупал им осьминога под водой, а обратно никак. Захватил его осьминог и не отпустил. Так и пришлось оставить в море весло. А вы подаете им руку!

Нет, не доверяет моему рассказу Сережа. Пока даже не помогает моя недавняя победа на Медвежьей Поляне. Понятно, что Сережа принял тогда борьбу за нападение осьми-

нога на меня. Недаром же он ринулся в воду на помощь мне с дубинкой в руках.

— Ладно, Сережа, ремонтируй гидрокостюм, а там посмотрим, какие мои подшефные: большие или маленькие, и свирепые ли они.

Идем в дом. И опять Сережа берется за гидрокостюм. Мне бы надо помочь Сереже — боюсь, что он сделает что-нибудь не так. Но Сережа решительно отказывается от помощи, понимая, что я сильно устаю. И я прислоняюсь к теплой печке и пью чай. Лишь изредка даю Сереже советы да слушаю его рассказы. Много он успел здесь повидать под водой — облазил все соседние бухты, был около скалистых островов и кекуров. Правда, все его наблюдения связаны с рыбой. Но мне все равно интересно.

Наконец через несколько дней костюм был готов, и мы направились к первому участку. Решаю показать Сереже Смелого. Он на своем посту — около камня на отмели. Ныряю к нему и, чтобы сразу убедить Сережу в миролюбии осьминога, пожимаю щупальце. На это Смелый предупредительно заколыхал перепонкой. Протягиваю ему рыбу, и щупальца жадно хватают ее. «Молодец, не подвел меня! Но только возьми рыбу, а руку отдай».— Я выдергиваю кисть из облепивших ее щупалец. «Пок, пок, пок...» — отлипают от перчатки присоски. Я щекочу Смелого между глаз, и это большое животное ворочается под нами, раскинув в сторону щупальца. Их концы тонкими змейками взлетают вверх, стараясь дотянуться до нас. Я подплываю ближе, и щупальца ложатся на меня, мгновенно цепляясь присосками. Замираю на месте. Сколько мне еще играть в эти игры? Но каждый раз это захватывающе интересно и тревожно: отпустит ли меня осьминог? Все в порядке: отпустил!

— Давай, Сережа, привыкай к этому зверю! — говорю на поверхности своему помощнику и подталкиваю его вперед.

Сережа плывет к Смелому и осторожно гладит его рукой...

7. Как их приручить

Все пошло своим чередом. Каждый день после завтрака — в море, к осьминогам. С их кормлением у нас не возникало теперь никаких проблем. Ловим корюшку, нет корюшки — в ход идет другая рыба. Выручает Сережино ружье.

— А вы выступали против охоты! — Сережа слегка торжествует.

— Ладно, ладно, терплю это ради дела. Только иди подальше. Лучше за дальний мыс — пусть наша бухта будет неприкосновенной.

Сережа ворчит для приличия, но охотно уносится со своим ружьем за дальний мыс. Его забота — добыть несколько камбал и красноперок. Я изредка ловлю крупных бычков.

Сначала плывем к Отшельнику. Он неизменно на месте. Берет рыбу и тотчас же уползает с ней в глубь норы.

Артист наползает на руку всем телом и краснеет от возбуждения. Щупальца покрывают перчатку. Присоски шевелятся, стараясь разжать пальцы и вытащить из них рыбу. Осьминог вылезает из пещеры, поднимается, заглядывая своими золотистыми глазами прямо в маску. Получив свою порцию, он какое-то время перебирает по камню щупальцами и растягивает перепонку.

Беспокойный Ворчун все время перемещается по участку, и мы находим его в самых неожиданных местах: то у песка вблизи берега, то на глубине или на вершине какой-нибудь скалы. Иногда заберется в расщелину. Часто мы не находим его вообще, и он тогда остается без рыбы. Ворчун хоть и начинает привыкать к нам, но все равно пищу берет с робостью. И, захватив ее, уползает за какой-нибудь камень или выступ скалы.

Малыш принимает нас в своей нише. Руку придерживает одним щупальцем, а другим осторожно берет рыбу и медленно подсовывает ее под себя. Он очень спокойный. Покормив, я поглаживаю его рукой, и он только слегка растягивает перепонку.

Выпустив из-под камня щупальца, Победитель словно ждет подношения. Стоит положить на щупальца рыбу, как они тотчас же начинают двигаться, ощупывая все вокруг.

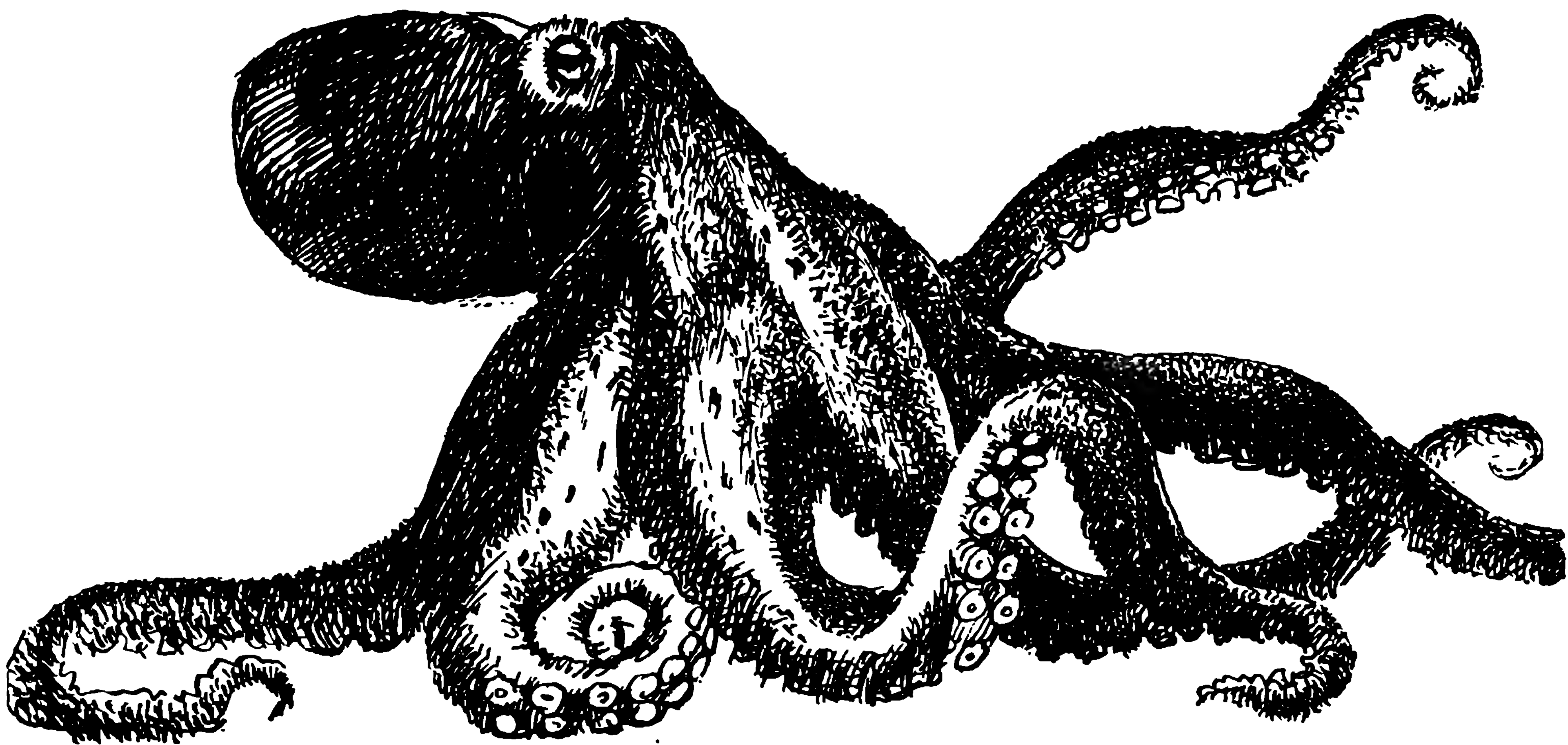
Одну рыбу за другой утаскивают они под камень. Осьминог шевелится в убежище, иногда выгребая оттуда мелкие камни и песок. Не получив больше рыбы, Победитель успокаивается. Только изредка выплюнет остатки пищи да поднимет легкое облачко мути водой, выброшенной из воронки.

Последним навещаем Смелого — ему достаются остатки. Он забирает все, сколько бы ни было, сильно раздуваясь при этом. Если пищи много, он исчезает дня на два в глубоких расщелинах, но потом вновь появляется на отмели.

С большими осьминогами все же слишком много хлопот. Хорошо, когда подходит корюшка, а если ее нет, то мы много времени тратим на ловлю рыбы. Поэтому решаем оставить под нашей опекой Отшельника, Артиста и Малыша — они будут у нас главные. Ворчуна особенно не ищем — если встречается, то предлагаем две-три рыбки, чтобы нас не забывал. Эти осьминоги небольшие, всегда на своих местах и близко от берега. Рыбы им надо не так уж и много. К тому же они охотно берут и мясо мидии. Две-три раковины — вполне достаточно для каждого из них. А это значительно упрощает дело — крупных раковин мидий кругом сколько угодно. Вот только неясно, почему осьминоги сами не едят мидий. Или не могут оторвать их от каменной поверхности, за которую те держатся сотнями крепких нитей, или не могут раскрыть створки, что очень странно, учитывая громадную силу осьминогов. Пищу, как я уже заметил, осьминоги принимают не каждый день. Бывает, что они жадно хватают ее два-три дня подряд. Потом устраивают перерыв на день или на два. Трудно сказать, что на это влияет: или они держат часть пищи про запас, или же сами ловят иногда добычу, а мы этого не видим. А может быть, им надо длительное время на ее переваривание?

Теперь, когда мы стали следить за тремя осьминогами, у нас появилось больше времени для наблюдений под водой. Однако трех осьминогов или даже четырех, если считать Ворчуна, было, пожалуй, маловато. Ведь не на привязи же они! Стоит им покинуть участок, и всю работу придется начинать сначала. Хорошо, если еще позволит нам время.

За Отшельника можно не беспокоиться, а вот что касается Артиста и особенно Малыша — тут надо следить зорко. Пока особых оснований для беспокойства нет — они лишь изредка покидают свои убежища, не удаляясь от них на большое расстояние. Но тем не менее каждую такую прогулку мы прерываем, загоняя осьминогов по своим домам. Впрочем, зачем им надолго покидать убежище? Пищу они

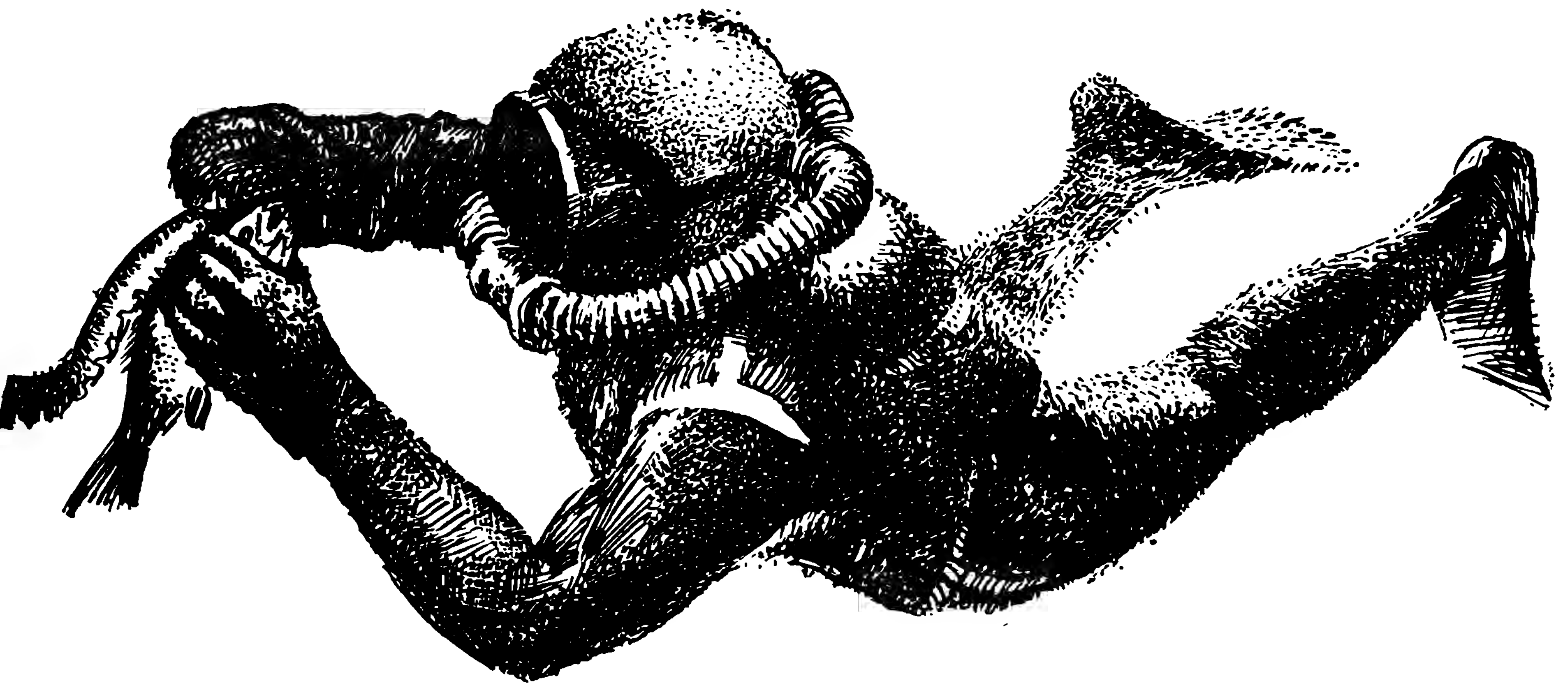

получают регулярно, мы стараемся не причинять им лишних беспокойств. И осьминоги все больше привыкают к нашему присутствию, становятся настоящими домоседами.

Смелому же приходится теперь трудиться самому. Он все чаще покидает свое место на отмели. Вот сейчас он лежит на ровной площадке между обломками камней. Совершенно неподвижно — не дрогнет ни одно щупальце. Перед ним прыгают по дну маленькие пестрые бычки, не спеша переползают крабы. И вдруг мгновенным движением выбрасывает Смелый щупальца с растянутой между ними перепонкой. И словно сетью накрывает ею бычков и крабов, а затем, подтягивая щупальца и края перепонки, направляет добычу к центру зонта щупалец.

Вот это новость! Только я сделал заключение, что для добывания пищи осьминоги пользуются в основном осязанием, как, пожалуйста,— совершенно новый прием охоты. В данном случае осьминог руководствуется зрением или улавливает колебания воды, производимые рыбами и крабами. Каким же совершенным орудием снабдила осьминогов природа! С помощью щупалец они передвигаются, хватают добычу, раскапывают грунт, перемещают различные предметы. И вот теперь щупальца с растянутой между ними перепонкой играют роль своеобразной сети.

Вижу на охоте и некоторых других осьминогов. И снова поражаюсь удивительному приему охоты: расположившись у каменной плиты, осьминог закинул на ее верхнюю поверхность два щупальца и приподнял край этой плиты. В обра-

зовавшуюся щель запустил щупальца и что-то выискивает под плитой, поднимая облако мути. Я не вижу, что попало на присоски, но скорее всего это все те же двустворчатые моллюски и крабы.

Изредка осьминоги разбрасывают кучи небольших камней и разрывают гравий. Как я приметил, это бывает чаще в тихую погоду, когда на море штиль. Корюшка в это время к берегу не подходит, и осьминоги вынуждены искать другую добычу.

Однажды по большому мутному облаку я нашел осьминога. Он сосредоточенно рылся на дне. Поглощенный этой работой, он не обратил на меня внимания. Воспользовавшись этим, я поднял животное и убедился, что присоски держали белые двустворчатые раковины. Когда я отпустил осьминога, он вновь приплыл на прежнее место. Щупальца его задвигались, разгребая камни, и мутное облако скрыло осьминога.

Время от времени я фотографирую — хочется запечатлеть облик наших подопечных осьминогов. Кратковременную съемку животные переносят спокойно и не пугаются яркой вспышки лампы. Но если съемка затягивается, чувствуется, что у них появляется некоторое раздражение. Животное пытается уползти и скрыться в убежище или в какой-нибудь более или менее подходящей расщелине. При

вспышке вздрагивает и приходит в возбуждение. Я стараюсь не доводить их до такого состояния. Но бывает по-всякому.

Наиболее фотогеничный, конечно, Артист. Сейчас он сидит неподвижно перед своей пещерой. Я подплываю к нему, и он поднимает голову, опираясь на щупальца. Над глазами вытягиваются рожки. Кожа на яйцеобразном туловище собирается в многочисленные складки.

То, что мне нужно,— замечательный будет портрет! Но вдруг осьминог мгновенно бледнеет — нет, надо обождать. Снова покраснел, и я навожу фотоаппарат. А у Артиста подгибаются щупальца, и он падает передо мной словно на колени. Опять неудача! Зачем-то пополз на скалу, но остановился и повернул к пещере. Если он ее достигнет, то на сегодня съемки с ним окончены.

Я размахиваю руками, преграждая ему путь. Осьминог останавливается, словно в раздумье. Жду, чтобы он немного приподнялся. Артист подтягивает туловище и опирается на щупальца. Я готов уже нажать на спуск, но навстречу, прямо в объектив, летит тонкий конец щупальца. Начинаю злиться. Мне бы надо на этом прекратить попытки, но остановиться трудно. А осьминог прижимается к скале, раздувает туловище и старается достать меня щупальцами. Это расстраивает меня окончательно. Поднимается глухое раздражение. Но стоп! Что это я? Ведь виноват я: напугал осьминога и вывел его из равновесия.

«Лучше мы с тобой помиримся. Возьми рыбку...» — я протягиваю Артисту угощение, и он осторожно берет его присосками. Отплываю в сторону и отдыхаю, лежа на поверхности воды.

Вскоре Артист поднимает голову, отползает от скалы и застывает неподвижно. Тело его принимает ровный красноватый оттенок. Я осторожно поднимаю фотоаппарат. Блеснула вспышка — первый кадр снят. За ним второй, третий...

Наших подопечных осьминогов решаю больше не фотографировать: все же это сильный отрицательный раздражитель для них. И все, что мы достигли кормлением, может быть перечеркнуто.

На втором участке по-прежнему три осьминога — Медвежонок и два небольших на краю отмели. Они-то больше всего и подходят для фотографирования.

Медвежонок появляется то в камнях у самого берега, то опять уползает на Медвежью Поляну. Около него любит крутиться Сережа. Приглядывается, чтобы помериться с ним

силой. Мой пример тому причина. С нашими осьминогами Сережа освоился быстро, а теперь его интересует Медвежонок. Пощекотать его, погладить или даже пожать щупальце — это теперь и для него довольно просто. А вот поднять осьминога к поверхности — сложно. Надо суметь провести такой поединок. Без необходимого опыта сделать это трудно. Наверное, Сережа одолеет Медвежонка, сорвет его, образно говоря, с камнями. Но я все равно опасаюсь за Сережу, да и за осьминога тоже — как бы он в этой борьбе не лишился части своих щупалец. Нет, не надо такой борьбы!

— Вам можно, а мне нельзя — это несправедливо,— обижается Сережа.

— Мне-то можно — я эту борьбу изучил до тонкостей. Вот поплаваешь с мое, тогда видно будет. Лучше я сфотографирую вас как добрых приятелей. Подплыви к нему и возьмись за щупальца, словно за руки. Прекрасный будет снимок!

Почему же этот участок так слабо заселен? По своим особенностям и строению дна он, по-моему, более подходящий для осьминогов, чем первый участок. В прежние годы осьминогов здесь было больше. Видимо, господствует здесь над всеми Медвежонок, небольших осьминогов не подпускает к берегу, и они уходят на другие участки. Вот и эти два далеко от берега роются на дне. Похоже, двустворчатые моллюски у них — основная пища. Добывая их из грунта, осьминоги раскапывают обширные ямы. Целая цепь их протянулась по границе отмели. Около ям белеют раскрытые раковины. Оба эти осьминога очень пугливы — при нашем приближении они тотчас же выпускают чернильное облако и устремляются к камням, стараясь забиться в самые недоступные щели. Поэтому при фотографировании мне приходится каждый раз выгонять их на ровные площадки и все время следить, чтобы они не уползли к большим камням и расщелинам.

В конце каждого заплыва по второму участку я задерживаюсь у водорослей саргассов. Их пышные, двухметровой высоты заросли поднимаются там, где мы выходим обычно на берег. Водоросли эти — прибежище креветок чилимов. Они, как большие кузнечики, сидят на слоевищах. Если вспугнуть их — они прыгают в разные стороны, резко подгребая широким хвостом. Повиснув в толще воды, креветки расправляют под брюшком прозрачные ножки-веслица и медленно плывут обратно к саргассам. В солнечном свете их тела сияют нежно-зеленым и золотистым цветом. Шеве-

лятся длинные оранжевые усики-антенны и ножки. Поводя лиловыми бусинками глаз, креветки присматривают подходящее место. Они «порхают» между водорослями, как маленькие сказочные эльфы. Если протянуть к ним ладонь, они часто опускаются прямо на нее и ощупывают, щекочут кожу крохотными клешнями-щипчиками передних ножек.

Чилимы довольно крупные раки: длина тела достигает восемнадцати сантиметров. И это делает их благодатным объектом для съемок. Иногда я захватываю кусочки рыбы или моллюска. Привлеченные лакомством, креветки собираются к самому фотоаппарату. Стоит резко шевельнуться, как они прыжками разлетаются в стороны. Но вскоре собираются вновь.

Поведение наших подопечных все сильнее начинает отличаться от поведения других осьминогов. И Артист, и Малыш, когда мы застаем их иногда вне убежища, не пугаются нас. Не растягивают в позе угрозы перепонку и не распускают щупальца. Так и должно быть: мы даем им пищу, и у них развивается определенный рефлекс. Особенно это заметно у Малыша — он теперь не просто ждет в нише, а при виде меня выдвигается из-под камня и приподнимает передние щупальца. Взяв у меня рыбу, остается в спокойной позе на пороге своего убежища.

Артист все так же захватывает руку, но уже не перебирает в возбуждении щупальцами. И только слегка колеблет перепонкой. А недавно исполнил какой-то странный танец. Смысл его мне остался не очень понятен. После приема пищи он свернул два боковых щупальца высокими спиральными конусами и завращал их все быстрее и быстрее, словно приветствовал нас и выражал благодарность. Но конечно, это не так. Скорей всего он таким образом отряхивал щупальца от крошек и разного мусора.

Ворчун постепенно превращается в тихое благожелательное животное. Не мечется и не убегает от нас, только припадает к камням и крепко держится за их поверхность.

Только Отшельник не проявляет особых эмоций и безвыходно сидит в своей келье. Все наши попытки расшевелить его и выманить из норы ни к чему не приводят. В ответ вылетает струя воды, словно горестный вздох — сожаление о нарушенном уединении.

В трудах и заботах проходят дни. Вот уже наступил июнь с бесконечными туманами и моросью. Солнечные дни случаются редко, и я спешу их использовать для фотосъемок.

Сочетание естественного света со вспышкой электронной лампы дает наилучшие результаты. Один из запланированных мною снимков — плывущий осьминог. Трудно сделать его удачным: испуганное животное уплывает от меня, и догнать его с громоздкой аппаратурой для съемки невозможно. Можно поймать только момент старта, отрыва от поверхности дна. Но мне никак не удается сделать хороший снимок — то на снимке срезана часть туловища или не видна воронка, из которой выбрасывается вода, то неудачно падает свет или смазано изображение. И я пытаюсь в очередной раз получить этот снимок. Для этого перехватываю осьминога, когда он подпрыгивает, чтобы уплыть от меня, держу его за щупальца и приглядываю подходящее место. Осьминог раздувает туловище и с силой выбрасывает воду.

«Обожди немного, не торопись. Сейчас я тебя посажу на этот выступ скалы. Вот так! Теперь замри на несколько секунд!» Я быстро отплываю и навожу фотоаппарат.

«Теперь плыви!» — И осьминог, словно услышав мою команду, отталкивается от выступа и принимает обтекаемую форму.

Я нажимаю на спуск фотоаппарата и тут же хватаюсь за проносящееся мимо меня щупальце, чтобы не упустить своего натурщика. Придерживая его за концы щупалец, перевожу пленку. И снова водружаю животное на выступ. И так кадр за кадром. Надо сделать целую серию, чтобы быть уверенным в успехе. Переводить кадры трудно — одна рука занята. К тому же щупальца выскальзывают, и я боюсь, что осьминог уплывет и опустится на дно. А отрывать его потом, когда он в испуге присосется к камням, тяжелый труд. Как же его пристроить поудобнее и освободить руку? И я прижимаю осьминога локтем к боку, как большой арбуз. Но скользкое туловище медленно выползает из-под руки, и животное оказывается у меня на спине. Я придерживаю локтем только концы щупалец. Лучше бы я этого не делал! Получив свободу, осьминог тотчас же уплыл бы от меня.

А сейчас, пытаясь освободить щупальца, он крепко присасывается ко мне, и я чувствую, как осьминог наползает мне на плечи и голову. Я отпускаю осьминога, но уже поздно — он охватывает щупальцами мою шею. Присоски попадают на лицо. Почти сплошь закрывают маску. Щупальце пережимает мягкий дыхательный шланг, и мне становится трудно дышать. Лежу на поверхности моря без движения, и также без движения сидит на мне осьминог. Вот положение! Разве мог я предполагать, что в таком простом для меня

деле возникнет опасная ситуация. Ведь если осьминог стянет на горле щупальца, то мне будет совсем плохо. Я тяну за конец щупальце, пережимающее дыхательный шланг, но животное только крепче прижимается ко мне. А через оттянутый край резинового шлема врывается в гидрокостюм струя холодной воды. Я отпускаю щупальце. Почему же он так вцепился в меня? Может быть, из-за того, что задняя часть его туловища оказалась на воздухе и ему некуда плыть? Переворачиваюсь на спину. Ну, наконец-то! Осьминог расцепляет на шее щупальца и соскальзывает вниз. Мы оба испугались: я немного, а осьминог сильно. Вон как быстро поплыл! Упал в расщелину и поставил над ней дымовую завесу из чернильной жидкости.

Итак, это очередное серьезное предупреждение со стороны осьминога. Часто опасность под водой подстерегает там, где ее совсем не ждешь. Я не раз уже попадал в неприятные ситуации, и каждый раз это был результат легкомысленных действий с моей стороны. Надо все же быть осторожнее с ними, особенно с такими крупными, как Смелый и Медвежонок.

У нас огорчение — исчез Артист. Вот уже три дня, как пустует его пещера. Мы обыскали каждый уголок на участке, но тщетно. Меня было обрадовал Сережа, приплывший из-за скалы на краю участка с осьминогом. Но это был не Артист. И побольше размером, и очень дикий. В результате борьбы с этим осьминогом у Сережи разорван на плече гидрокостюм, и я отправляю его на берег. А сам думаю, куда бы пристроить осьминога. Посадить в пустующую пещеру? Но тогда мы совсем лишимся возможности продолжить общение с Артистом — этот сильнее и вряд ли впустит сюда хозяина, если тот вернется. Нет, лучше оставить пещеру пустой. На другую полянку тоже нельзя — рядом Малыш. Я отплываю на самый край участка. Подо мной тянется отмель с редкими каменными глыбами. Отпускаю осьминога, и он плавно скользит над отмелью. Потом делает поворот и подплывает к отдельно стоящему камню. Опустившись рядом, запускает два щупальца в углубление под камнем и начинает выбрасывать оттуда обломки камней и пустые створки раковин. Расчистив вход, влезает туда головой. Щупальца по бокам туловища ритмично двигаются, отбрасывая грунт назад. Я отрываю его от этой работы и отплываю с ним в сторону. Как только его отпускаю, он тотчас же устремляется к камню. Приблизившись, он продолжает расчищать нишу.

Еще раз отплываю с ним, и снова он возвращается к своей работе. Все ясно — место выбрано твердо и бесповоротно. Осьминог отталкивает в стороны выброшенный грунт и вползает в нишу.

На другой день решаю проверить, на месте ли новый осьминог. Вот он сидит под камнем, выглядывая из-за образовавшейся насыпи перед входом. В знак дружелюбия предлагаю ему корюшку, которую он охотно принимает.

Жаль Артиста, жаль. Куда же он исчез? Надо поискать еще. Выплываю за границу участка. Дно еле-еле просматривается с поверхности: подводные скалы уступами обрываются на глубину. Их серо-зеленая поверхность пустынна, только кое-где видны небольшие группы ежей да редкие гроздья мидий. Чуть дальше начинаются длинные и глубокие расщелины. Всматриваюсь в их зыбкий сумрак. Вдруг впереди забелели ряды присосок. Подплываю ближе, и осьминог пятится от меня вниз по расщелине. Нет, это не Артист. В соседней расщелине встречаю другого — опять не он. Подплывает Сережа в обнимку с осьминогом.

— Сережа, плохо ты их различаешь «в лицо»,— говорю я с досадой, лежа на поверхности воды.— Смотри, какое большое белое пятно у него на голове. И размером он опять побольше Артиста. Неси его обратно туда, где взял. Иначе мы создадим на нашем участке жилищный кризис.

Огорченный Сережа уплывает обратно.

После обеда туман рассеялся, открылось безоблачное небо. Сразу стало жарко. Сижу на крылечке, греясь под солнцем. Хорошо вот так спокойно всматриваться в синюю даль моря, по которой белыми жучками медленно ползут сейнеры.

Впрочем, не надо забывать о неутомимом Сереже, который опять в море. Вон его голубая дыхательная трубка видна на границе участка, затем она достигла дальней скалы, повернула обратно и теперь направляется к отмели. Застывает на месте. Взмах ластами — Сережа ныряет на дно. Вынырнув, спешит к берегу.

— Вернулся, вернулся! — кричит он, подняв голову из воды и махая мне рукой.

Не надо спрашивать, кто вернулся,— и так ясно.

— Сережа, у нас осталась рыба?

— Нет.

— Тогда приготовь мидий, а я сейчас.

Можно не спешить — осьминог никуда не денется, но я чуть не разрываю гидрокостюм, торопливо влезая в него.

— Где мидии? Давай быстрее!

Плыву к пещере. Чуть было не проскакиваю мимо скалы — за ней поворот к пещере.

«Ах ты, блудный сын». В пещере сидит Артист собственной персоной. «А голодный-то какой!» Осьминог торопливо наползает на руку, хватая присосками мясо мидий.

— Сережа, давай еще! — кричу я, поднявшись на поверхность. Мы щедро подкладываем угощение Артисту. После кормления осьминог подбирает щупальца и, подняв голову, замирает в позе глубокого умиротворения. Раз вернулся, значит, теперь останется надолго. Но я ошибся, и радость наша была недолгой — через два дня Артист исчезает и теперь уже навсегда, к великому нашему огорчению.

Но что поделаешь. Теперь придется усилить заботу об оставшихся. Стараемся разнообразить им пищу, ловим даже крабов. Рыба только свежая, прямо из моря. Убираем от их убежищ пучки водорослей, оторванные длинные слоевища морской капусты, разный приносимый водой мусор. Изгоняем за пределы участка пришлых крупных осьминогов.

Наши подопечные отвечают на эту заботу по-разному: если Отшельник по-прежнему никак не реагирует, то Малыш все больше привыкает к нам. Он частенько теперь вползает на свою скалу и сидит там, как на наблюдательном пункте. Увидев меня, он медленно ползет навстречу. Я протягиваю рыбу, и Малыш берет ее своими цепкими «руками». «А теперь давай с тобой немного поиграем».— Я тяну рыбу назад. Малыш не отпускает, стараясь отправить ее под перепонку. Поднимаю руку, осьминог сопротивляется, щупальца его натягиваются. Тяну сильнее, и рыба отрывается от присосок. Протягиваю ее снова — мне хочется заставить Малыша подняться со мной к поверхности моря. Но как только я начинаю тянуть вверх, он выпускает рыбу и остается на скале. А мне так хотелось поплавать с ним! Как в том кинофильме, где аквалангист плавает рядом с большим осьминогом. Только в отличие от кино желательно, чтобы поплыл он со мной без принуждений.

Я отдаю рыбу Малышу, и он опускается с ней к подножию скалы.

Сережа привез из поселка мотор для шлюпки, и у нас появилась возможность обследовать ближайшие окрестности. Мне интересно знать, что делается в отдаленных бухтах на восточной оконечности Острова и на кекурах вдали от берега. Сережу влекут скалистые мысы соседнего острова.

На другой день с утра собираемся в плавание. Я беру с

собой снаряжение и аппаратуру для подводной съемки. Сережины друзья, Андрей и Виктор, уже у шлюпки. Мотор заводится сразу, и Сережа направляет шлюпку за мыс. Выйдя в море, наше судно начинает прыгать на волнах. Крутые берега острова медленно плывут по левому борту. На отвесные скалы наползают, опадая белой пеной, волны. Мне уже ясно — на кекурах не высадиться. При моем молчаливом согласии Сережа лавирует между скалами. Множество чаек кричит, срываясь с каменных карнизов. Вытянув длинные шеи, следят за нами осторожные бакланы. Слева и справа от шлюпки показываются из волн черные каменные зубья. Хорошо, что мотор работает бесперебойно — на веслах отсюда не выгребешь.

— Капитан, оцени-ка обстановку. Посмотри за скалы,— прошу я Сережу.— За кекурами на горизонте встает белая стена тумана.

— Авось обойдется, должно стороной пронести.

— А как не пронесет?

— Андрюха, встань-ка с веслом впереди на всякий случай, а ты, Витя, поглядывай за борт.

Сережа поворачивает шлюпку и на малых оборотах мотора осторожно ведет ее сквозь рифы. Два раза шлюпка задевает днищем за камни. Андрей упирается веслом, уводя нос шлюпки от каменных лбов. Ленты морской капусты цепляются за руль мотора, и Сережа поднимает наверх винт. Волна толкает шлюпку в корму, и она наконец попадает в широкий проход.

— Полный вперед! — Шлюпка огибает кекуры и устремляется к острову.

Нет, не пронесло — наперерез нам тянется белая пелена. Ее не обойти, и мы оказываемся в густом тумане. Вот они последствия, если понадеешься на авось! Видимость около двадцати метров, до берега больше мили. Сережа, сбавив обороты, ведет шлюпку, ориентируясь по волне. Невидимый берег все ближе и ближе. А к нему ли мы плывем? Я совсем потерял представление о направлении. Не наскочим ли мы на рифы? Но Сережа твердо ведет наш корабль. Неожиданно приглушает мотор. Вслушиваемся — слабо доносится шум прибоя. Берег прямо по ходу, и шлюпка тихо движется вперед. Потом она поворачивает вдоль пологой зыби.

— Где-то здесь мы должны выйти на Туманный мыс,— говорит Сережа и напряженно всматривается в сторону берега.

— Андрюха, давай опять на нос и смотри внимательней!— командует он.

Впереди проступают низкие зубчатые скалы. В воде видны длинные пряди ламинарии. Огибаем скалы.

Вышли правильно — темным облаком нависает над нами мыс. Еще ближе к берегу мыс очерчивается резкими гранями. Перед нами словно выплывает громадный нос корабля. За этим мысом лежат самые недоступные бухты. С суши к ним трудно подойти, только изредка сюда заплывают охотники. Минуем отвесные стены и оказываемся в относительном затишье. На веслах осторожно подходим к берегу. Андрей прыгает на камни и удерживает нос шлюпки. Теперь надо быстрее подхватить шлюпку и с набегающей волной вытащить ее на берег. Скользим на округлых камнях. Сережа толкает ненароком Виктора, и тот падает в воду прямо под шлюпку. Но тут же вывертывается и цепляется за борт.

— Раз, два взяли, еще раз.— Под днищем скрипят, перекатываясь, камни.— Навались еще!

Все. Шлюпка на берегу, и волны ей теперь не страшны. Сережа выпрямляется. Роба у него расстегнута, полосатая тельняшка обтягивает выпуклую грудь. В черных волосах блестят капельки воды. Нагнулся, опускает высокие сапоги. На руке синий якорь. Морской волк и только! Прикрыв мотор чехлом, Сережа спешит помочь Виктору собрать дрова для костра. Взметнулось пламя, и Виктор готов залезть в самый жар.

Осматриваем бухту. Идем вдоль кромки берега, подбирая на ходу раковины, хрупкие, рассыпающиеся в руках, шарики ежей, выбеленных солнцем и водой, высохших морских звезд. Ребята подбирают пенопластовые поплавки от рыбацких сетей, рассматривают бутылки с разноцветными этикетками.

Кукла в ярком платьице выглядывает из пучка спутанных водорослей. Становится почему-то грустно, словно столкнулся со следами трагедии, разыгравшейся на море. А вон повыше зеленый мячик. Нет, зачем думать о трагедии! Конечно, мячик скатился с палубы или причала. Да и куклу девочка уронила невзначай в воду. Андрей примеряет валенок — в самый раз. Крутит головой — ищет другой.

— Не ищи, второй, наверное, плывет к Сингапуру.

— Это надо же, сколько маяков! — говорит Сережа, листая растрепанные листы толстой книги.

На страницах справочника фотографии и описание маяков побережья Тихого океана. Сотни маяков — от малень-

ких мигалок до громадных бетонных и чугунных башен. И каждый маяк неповторим по очертаниям, окраске, проблескам огня. Читаем названия: «Босфор Восточный, Поворотный, Крильон, Елизаветы, Край Света...» Поворотный мыс рядом. А где этот Край Света? На острове Шикотан. Мыс Крильон — на юге Сахалина, Елизаветы— на северной его оконечности. А потом пошли маяки Камчатки — далекая желанная земля. Удастся ли мне поплавать у тех берегов? Где-то там, по некоторым сведениям, должны быть гигантские осьминоги.

— Юрий Федорович! Посмотрите, кто это? — Андрей протягивает мне лиловый панцирь рака.

— Интересно, туловище как у креветки, а массивные клешни как у краба. Похож на рака-щелкуна, но только гораздо больших размеров,— отвечаю я.— Надо будет поискать под водой. Судя по строению тела, этот рак должен встречаться под камнями и в норах.

Возвращаемся к шлюпке. Жарко горит костер. Виктор подбрасывает обломки просмоленных досок, белые звонкие сучья, ящики из тонких дощечек. Одежда его почти высохла. Одеваю гидрокостюм и иду навстречу черным набегающим волнам, над которыми тянутся полосы тумана. Виктор подает пояс со свинцовыми грузами.

— Смотреть на вас и то холодно,— поеживается он.

— Это у тебя после морской ванны. А мне в воде ничего, терпимо... Впрочем, какое там «ничего» — холодно что-то. Вода ледяная. Видимо, ветер согнал теплый поверхностный слой и с глубины поднимаются холодные воды.

Под водой унылые голые камни, только чернеют на них шарики ежей. Ни рыб, ни ярких больших звезд. На скалах нет поселений пышных актиний метридиум. Светло-серая поверхность их кажется безжизненной. Дальше от берега поднимается каменная гряда рифа. На его стенах растет морская капуста. Да какая! Широкие двухметровой длины ленты отходят от короткого черенка гигантскими веерами. Заросли капусты стоят стеной. Кажется, что они непроходимы. Но стоит раздвинуть ленты руками, как они плавно расходятся в стороны, открывая проход. Плыву сквозь эти «джунгли» — слоевища водорослей скользят по телу, ударяют по ногам и ластам. Внезапно их колышущаяся масса обрывается, и я оказываюсь перед ущельем, ведущим за внешнюю сторону рифа. Там обрыв, жуткий темно-зеленый провал в глубину. Оттуда, словно фосфоресцируя, поднимаются кремово-красные медузы. За ними тянется длинный

шлейф тонких щупалец. Течение несет стаи похожих на миниатюрные дирижабли гребневиков, окрашенных в мягкие голубые и сиреневые тона. Вдоль их тел вибрируют ряды плавательных гребешков, и по ним переливаются волны зеленого, синего, красного света. Они похожи на плывущие в воде крохотные радуги. Я всегда задерживаюсь около этих нежных созданий. Сейчас их бесконечное множество вокруг. Гребневики обычно придерживаются холодной воды — значит, не зря я мерзну. Тут действительно выходят холодные воды.

Плыву вдоль берега. Рифы тянутся к мысу и образуют одну из сторон широкого ущелья, которое приводит меня к вертикальной стене. А у ее основания широкий вход в пещеру. Сразу вспоминаю о гигантском осьминоге — о нем в прежние времена, когда работали на комбинате водолазы-промысловики, ходили рассказы. Якобы жил он в пещере на этой стороне Острова. Может, не надо стремиться на Камчатку — и здесь есть подобные чудища?

Подплываю к пещере — в глубине просматривается что-то большое и округлое. Невольно жду, что эта масса шевельнется, и я увижу красные глаза, а навстречу раскинутся трехметровой длины щупальца. Увы, передо мной простая глыба камня.

Еще раз плыву вдоль бухты, уже у самого берега над сплошной полосой больших валунов. Не видно ни малейшей площадки, покрытой песком или галькой. Нет и угловатых обломков скал, характерных для нашей бухты. Если бы на этом участке и были осьминоги, то жилось бы им невесело — нет убежищ, и негде покопаться в поисках моллюсков. И рыб кругом не видно.

У противоположного мыса опять начались рифы с зарослями морской капусты. И снова обрыв в глубину. Плывут купола медуз в окружении гребневиков. Холодно и мрачно кругом. Зачем я здесь плаваю? Ведь самое интересное для меня — это поведение осьминогов. А сколько осталось времени для наблюдений? Уже середина июня — ход корюшки кончился. Хорошо, если осьминоги еще задержатся на две или три недели. Надо уходить отсюда: я убедился, что нет здесь осьминогов, и этого довольно. Есть ли они сейчас в ближайших бухтах и на кекурах или нет — какое это имеет значение? Главное, что пока наши осьминоги не покинули бухту. Как они там?

Все осьминоги на месте, за исключением исчезнувшего Артиста. Смелый на отмели. Медленно переползает по дну

Победитель. Ворчун, словно подчеркивая непостоянство своей натуры, копается среди зарослей водорослей — совсем уж необычно для осьминога.

Малыш у подножия скалы. Что-то он последние дни скучный. Вот и сегодня лежит как бесформенная масса грязно-серого цвета. Тело его густо покрывает слизь. Уже несколько дней с присосок у него сходят тонкие прозрачные пленочки. А если ему помочь? Я осторожно беру Малыша в руки. Может быть, эта отстающая ткань на присосках мешает ему держать пищу? Давай-ка сюда свои щупальца. Я беру их и поочередно пропускаю сквозь пальцы. Пленочки легко отстают и слетают как листья с осенних деревьев.

— Не волнуйся, тебе же лучше, когда к тебе еще приплывут подводные «санитары».

Присоски постепенно очищаются от пленок и начинают сиять первозданной чистотой — розовые с голубоватыми чашечками. Теперь почистим туловище шершавой перчаткой. Снимаю с него налипший мусор, впившихся кое-где мелких рачков. Малыш особенно не сопротивляется, только слабо хватается за руку щупальцами.

Хотя и редко, сквозь тучи и туман пробивалось солнце, но дело свое оно делало — становилось все теплее и теплее. А с повышением температуры воды осьминоги становились активнее. Особенно это относится к Смелому и Победителю. Они уже не прячутся под камнями, а все время переползают по участку. После окончания хода корюшки у берега исчезли многие крупные рыбы, и это, видимо, заставляет осьминогов искать другую пищу. Все чаще их видишь с двустворчатыми раковинами на присосках. В некоторых местах видны россыпи створок. Наверное, они скапливались бы здесь целыми кучами, если бы их не растаскивали короткоиглые морские ежи. Вон их сколько кругом под створками раковин, похожих на нарядные шляпы. К этому ежи добавляют разноцветные камешки, обрывки водорослей — все это служит им для маскировки. Иногда я одну-две рыбки предлагаю Смелому или Победителю, и они жадно выхватывают их из рук. Но чувствуется, что уже близок тот срок, когда они должны будут уйти на глубину.

Сегодня на море волнение. Вода помутнела. Даже на глубине семи-восьми метров колышутся водоросли. Раньше в такую погоду осьминоги сидели глубоко в убежищах или временно уходили на глубину. Сейчас же я вижу их силуэты на отмели — трудятся не покладая «рук».

Проходит несколько дней. Смелый и Победитель покидают бухту, за ними ушел осьминог, которого принес Сережа.

Несколько дней на участке не было Ворчуна. Но потом он появился. Мы радуемся. И какой же смирный! Спешит нам навстречу, вытягивая щупальца. Ощупывает руку, вползает на локоть. Раздул туловище, сидит, ждет. Даю ему красноперку, потом еще одну... «Уже уползаешь, больше не надо? Пользуйся случаем, скоро ли мы еще встретимся? Бери, бери про запас». Ворчун подхватывает щупальцем рыбу и запихивает ее под себя. А затем поднимает щупальца вверх. И заструились, закрутились передо мной спирали присосок в безмолвном танце. Я смотрю на вращающиеся кольца щупалец. «И ты тоже так умеешь! Покрути, покрути еще, покажи свое искусство. А может быть, станцуем вместе?» — Я протягиваю руку, и кончик щупальца хватается за нее. Мгновенно спирали опадают, щупальца подбираются, и Ворчун боком придвигается к большому камню.

Я уже давно плаваю без перчаток. Провожу ладонью по туловищу осьминога. Тело скользкое, напрягается от прикосновения пальцев. Осьминог берется за руку. Присоски мгновенно плотно присасываются к коже, и от их прикосновения я ощущаю легкое покалывание. Присоски прилипают одна за другой, словно осьминог берется за мою кисть десятками цепких пальчиков.

Все больше и больше присосок хватается за голую кожу. Рука неудержимо начинает втягиваться под перепонку. Вот она уже почти полностью скрывается под телом животного. Внезапно я понимаю: присоски почувствовали живую плоть! И что из того, кисть руки это или рыба — осьминогу все равно. Действует выработанный рефлекс. Я ощущаю прикосновение «клюва». Это уже становится опасным. С большим трудом выдираю руку из массы присосок.

У Сережи ступни ног не закрыты гидрокостюмом. Он снимает ласт и протягивает ногу осьминогу. Щупальца охватывают ступню. Сережа ежится — ему щекотно. На всякий случай я наготове. И опять то же самое — тело осьминога медленно обволакивает ногу. Моего вмешательства не потребовалось — упираясь второй ногой в камень, Сережа выдергивает ногу из этого живого капкана.

Для пловца подобная опасная ситуация в принципе возможна. Но в этих водах она невероятна — ведь надо попасть голой рукой или ногой в убежище крупного осьминога. И это в то время, когда в море никто еще не купается. Сам же осьминог на человека не нападет — в этом я уверен.

На втором участке осьминогов тоже уже не видно. Только напоминают о них разрытые ямы и перевернутые камни вдоль гряды. Большая стая кефали пелингаса плывет у самой поверхности воды. Из расщелин выплывают голубовато-серые ерши. Среди морского льна вьются пестрые ленки. Но они нас сейчас не интересуют. Мы плаваем с Сережей, заглядывая в каждый укромный уголок: теплится у нас надежда еще раз увидеть Медвежонка. Но тщетно, кругом пусто.

А наша троица еще на месте: Отшельник — в норе, Ворчун облюбовал глубокую щель, Малыш — вблизи своей скалы. Он теперь четко различает нас с Сережей. Кормлю я его один, и это все определяет. К Сереже он относится с некоторой опаской. Хотя и не уплывает от него, но все же крепко присасывается к поверхности камня. Со мной же отношения самые дружеские. Я протягиваю руку, и в ожидании пищи Малыш берется за нее щупальцем. Оно ложится вдоль локтя. Малыш медленно всплывает, и тело его приобретает форму большой капли. Неужели он собрался плыть? Тогда давай попробуем вместе — я давно этого жду.

Тихонько подаюсь вперед, а осьминог пятится от меня, перебирая по дну кончиками щупалец. Но вот подтягивает их и выпускает струю воды из воронки. И мы плывем, держа друг друга за «руки»,— Малыш впереди, я за ним. Пожалуй, мы не будем кружиться в танце, как в том кинофильме. Пусть это делают другие. Мы просто поплаваем вокруг скалы.

Алые глаза осьминога смотрят на меня с любовью (так мне кажется) и надеждой получить от меня пищу (это только условный рефлекс). Туловище Малыша при вдохе начинает раздуваться все больше и больше, все шире открывается мантия, обнажая жабры. Уже устал! Слабо же ты натренирован в плавании. Ладно, направимся к твоему «дому».

Я выпускаю Малыша над скалой, и он, расправив перепонку, словно на парашюте, опускается на каменную поверхность. Приближается Сережа, и, лежа на поверхности, мы вместе с ним любуемся Малышом. Сколько можно? Наверное, бесконечно. Ведь это одно из удивительных животных! Красные с золотистым ободком глаза, глядящие на нас снизу вверх. Колеблющиеся переливы тела. Мгновенно меняющаяся окраска тела от белой до темно-бордовой с синеватым отливом. Воронка — реактивный движитель животного. Восемь щупалец с сотнями присосок, отходящих от головы,— настоящие руки, способные к разнообразным, а иногда и сложным действиям. Меня постепенно начинает

охватывать чувство нереальности всего происходящего. Как в чудесном фантастическом сне. Недаром же писатели-фантасты так любят наделять чертами осьминога неведомых животных и даже разумных существ на далеких мирах. Чертами внешнего облика осьминогов. Но разве вымысел сравним с живой действительностью!

Перед нами прошла сложная и пока таинственная жизнь осьминога, в которую мы заглянули только краешком глаза.

— Пора, Сережа, на берег...

— Юрий Федорович, а, можно, я подстрелю для Малыша пелингаса? — спрашивает меня Сережа.

— Попробуй, думаю, что от него он не откажется.

Мы плывем к берегу. Я снимаю гидрокостюм, а Сережа берет ружье и отправляется на подводную охоту...

В первые дни июля изменяется ветер и над морем теперь нет постоянного тумана. Жарко припекает солнце, вода быстро прогревается. Я чувствую, что скоро мы не увидим больше Малыша. Он уже не скрывается в убежище, а переползает по дну недалеко от скалы. В один из дней, немного стесняясь Сережи за сентиментальный жест, пожимаю осьминогу щупальца на прощание.

Предчувствие меня не обмануло — на следующий день мы увидели только одного Отшельника. Еще около недели мы наблюдаем за этим последним осьминогом.

На море большое волнение, плавать нельзя, и я решаю отправиться в поселок. Как-то Василий Петрович мне сообщил, что там появилась научная группа из Ленинграда. Может быть, увижу кого-нибудь из старых знакомых? В поселке ноги сразу же понесли меня к пирсу, где когда-то я впервые погрузился в здешние воды. Рядом с пирсом стоит большое деревянное строение, которое построено под лабораторию для приезжающих сюда экспедиций. Но что-то не видно возле него людей. Подхожу ближе: на двери висит замок, но сквозь окна видна на столах различная аппаратура. Значит, кто-то здесь работает. Наверное, люди ушли сейчас за необходимыми для эксперимента животными. Жаль. Впрочем, куда мне торопиться? Идти сейчас на нашу станцию по горной дороге жарко. Лучше обожду.

Во второй половине дня возвращаюсь к биостанции. Еще издали замечаю, что дверь ее открыта. На скамейке около крыльца симпатичная девушка листает какую-то толстую книгу. Откинув рукой русые волосы, она приветливо смотрит на меня. Здороваюсь. Оказывается, здесь остановилась

группа из Ленинградского института эволюционной физиологии и биохимии имени Сеченова. Лена, так зовут девушку, охотно отвечает на мои вопросы.

— Мы редко уходим далеко от лаборатории,— говорит она,— но сегодня нужны были животные, которых нет у пирса. Их поймать можно на той стороне Острова. Там прекрасные есть места. Вот сегодня мы воспользовались случаем и посетили бухту Астафьева...

Мне показалось, что я ослышался — так это было неожиданно.

— Как, как вы сказали? Где были?!

— В бухте Астафьева,— удивляется моему волнению собеседница.

Невероятно! Ведь прошло более десяти лет, с тех пор как я там плавал в последний раз. Да и тех, кто это помнит, давно уже нет на Острове. Конечно, нескромно с моей стороны, но как-то непроизвольно у меня вырывается:

— А ведь Астафьев — это я!

Лена молча поднимается и скрывается в доме.

— Ребята, ребята, вставайте! — слышится оттуда.

Видимо, ее коллеги задремали после обеда.

И вот вся экспедиция на крыльце — рассматривает меня. Знакомимся: бородатый, спортивного сложения Игорь — муж Лены, серьезная, в очках, худенькая и маленькая Галя — глава этой научной группы. Лева — муж Гали, тоже очень серьезный. Полненькая, веселая Вика.

Мне становится как-то неудобно от их пристального внимания. Все же несдержанный я человек! Поговорить бы надо об их работе, расспросить о знакомых. А тут смотрят на меня как на какую-то достопримечательность.

— Да вы хоть знали, кто такой Астафьев? Ведь в этих краях этой фамилией названы многие места — был такой русский морской офицер во времена освоения Приморья.

— Конечно, слышали: в честь корреспондента-фотографа.

— Ну, положим, не корреспондент я, а только фотограф-любитель.

Чтобы уйти сегодня к себе, не могло быть и речи, и я остался. У нас оказалось много общих знакомых. Молодые биологи рассказывают о своей работе с иглокожими животными.

Утром все вместе идем в «мою» бухту. Мне интересно узнать, что там изменилось за эти годы. Впереди идет Игорь. Неужели он выйдет именно туда и не спутает ни с каким другим местом? Но Игорь безошибочно приводит нас к цели.

Мы осторожно спускаемся по тропинке, протоптанной по крутому склону оленями. Спрыгиваем на гальку с последнего уступа. Игорь останавливается и, когда все оказываются рядом с ним, торжественно провозглашает:

— Поздравляем, Юрий Федорович, с возвращением в вашу бухту!

Конечно, это все не так уж серьезно, но тем не менее мне приятно — у кого еще есть «своя» бухта! Пусть такая крошечная, как эта,— пусть никогда она не будет нанесена на карту! Разве дело в этом? Здесь осталась часть моей души, и мне радостно снова очутиться в том месте, где я провел в воде столько незабываемых часов.

Новые мои друзья захватили для меня маску, ласты и резиновую рубашку от гидрокостюма. И вот я плыву по узкой расщелине в каменном массиве к первой подводной скале, затем поворачиваю от нее, устремляясь к рифам. Я плыву по знакомым местам. Все здесь так, как будто я покинул бухту только вчера! Те же животные на тех же участках дна.

И снова я удивляюсь неизменности этих сообществ животных. Даже сохранились голубые мидии. А ведь тогда на них вели наступление хищные брюхоногие моллюски. Все же, наверное, они уничтожили здесь это поселение. Но впоследствии на этом месте вновь поселились голубые мидии. Во впадине скалы вижу сотни трубок червей сабеллид, которых я встречал только здесь. Красивейшие оранжевые звезды... И актинии метридиум, нежного, светло-зеленого оттенка. Неужели это те же самые животные? Если бы можно было их тогда как-то пометить, то узнали бы теперь наверняка. Казалось, ничего среди них не изменилось. Крепко же держатся животные за выбранные ими когда-то места! Не только не покидают их, но и с трудом пускают новых поселенцев. Я вижу только одно новое животное. Обнаружили его Игорь с Леной. Недалеко от берега на скале сидела замечательная асцидия — бугорчатый тетиум. За много проведенных здесь лет я впервые вижу это животное, похожее на кувшин цвета охры, покрытый многочисленными крупными шипами.

После плавания греемся у костра. Биологи, несмотря на молодость, знающие люди. Каждый сезон они работают на море и многое успели повидать. Мне интересно с ними, а они в свою очередь приглашают пожить у них на биостанции. Но надо возвращаться в нашу бухту, чтобы еще хотя бы раз встретиться с Отшельником.

Вода уже почти как у берегов Крыма — градусов восемнадцать-девятнадцать. Вряд ли такую температуру вынесет и Отшельник. Сережа печален — он только-только начал устанавливать дружеские отношения с Отшельником, который стал понемногу вылезать из норы, как уже наступило время прощаться. Откуда-то Сергей с Виктором притащили большущий металлический каркас.

— Вот, Юрий Федорович,— смахивая пот, говорит Сережа,— обтянем сетью, и будет отличный загон. Сделаем дверь и будем выпускать его на прогулку, а вечером загонять обратно. Здорово я придумал, а?

Сияет довольный. Мне не хочется гасить эту радость, но что поделаешь.

— Не надо, Сережа, зачем? Что за интерес держать его в клетке. А главное, он может погибнуть. Я уже такие примеры видел. Плохо они переносят теплую воду. Пусть уплывает. Ты еще увидишь осьминогов. И может быть, встретишь вновь Малыша и Отшельника с Ворчуном.

— Ну а вы? Неужели больше не приедете сюда?

— Не знаю, есть много обстоятельств... И потом программу своих наблюдений здесь над осьминогами я выполнил...

Громко это звучит — программа. Никто мне ее не утверждал и не согласовывал. Самодеятельность все это. Просто я для себя поставил задачу ближе познакомиться с этими животными, изучить их поведение. Понять, может ли человек войти с ними хотя бы в простой контакт. А научная сторона дела? О ней я не думал — этим должны заниматься другие. Мною же двигало чувство познания нового, пока еще мало изведанного. Возможно, что-то я понял не так: эмоции у меня часто довлеют над рассудком. Но я все равно горд — работа закончена. Может быть, изучение осьминогов уже в плане экспедиций, оснащенных совершеннейшей водолазной техникой и исследовательской аппаратурой. Мои мысли прерывает Сережа.

— Знаете, что я скажу, приезжайте еще. А осьминогов я здесь сохраню...

И я чувствую — приеду сюда еще. Приеду, чтобы мокнуть под дождем, мерзнуть в холодной воде, скрываться от зноя. И уставать так, что трудно шевельнуть пальцем.

Кому-то снежные горы,
Кому-то бурные реки,
Кому-то бескрайнее небо.

А нам, подводникам, синие морские глубины, полные кипучей жизни.

Содержание

1 Первые встречи — 5
2 Беседа с Дмитрием Сахаровым — 35
3 У рифа Золотых Ершей — 44
4 Плыву среди осьминогов — 69
5 Более близкие знакомства — 92
6 Такие разные осьминоги — 116
7 Как их приручить — 138

ИБ № 1712

Юрий Федорович Астафьев

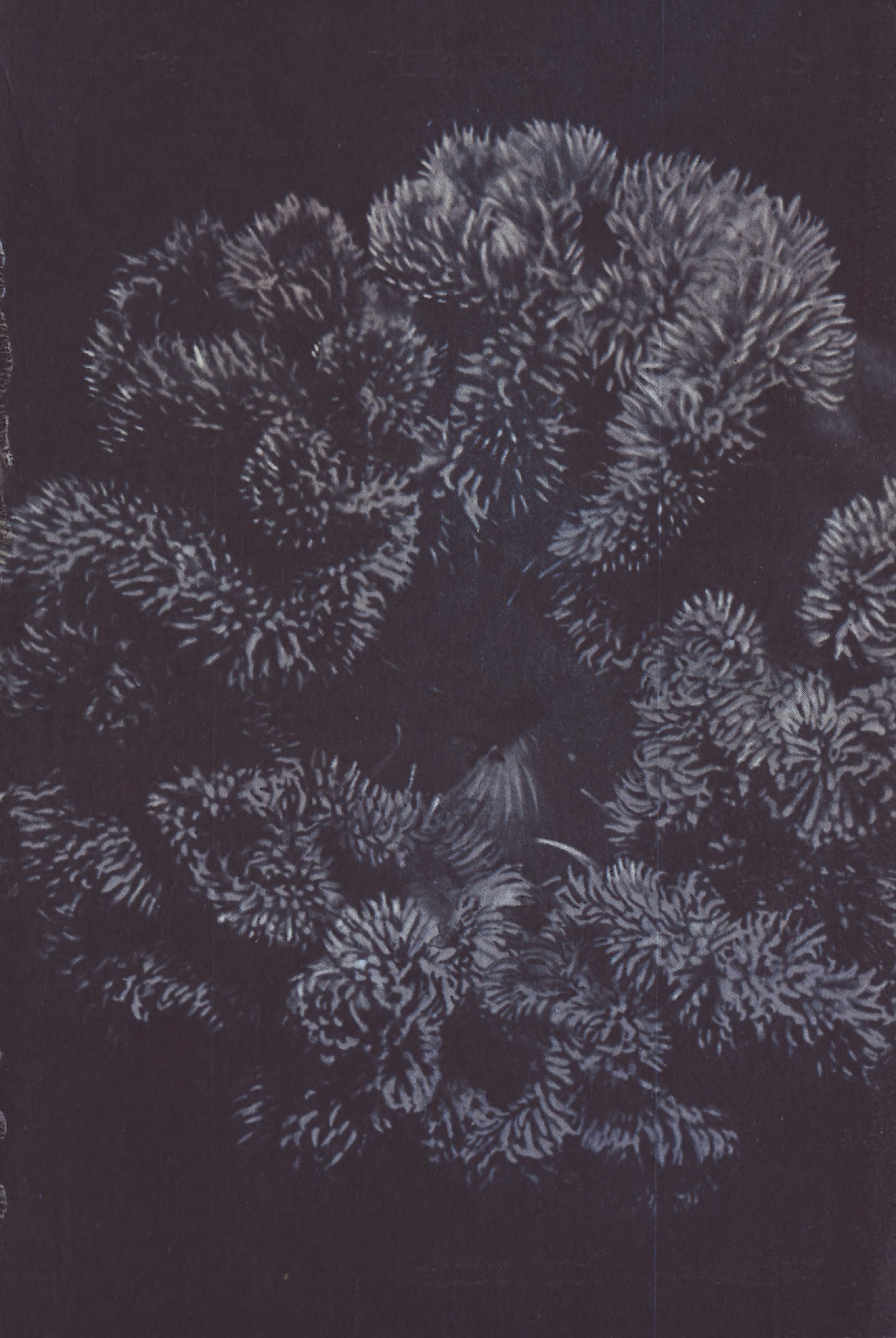
С глазу на глаз
с осьминогом

Заведующий редакцией А. П. ВОРОНИН
Редактор М. И. МАКАРОВА
Младший редактор Т. Д. ИЗОТОВА
Оформление художника Л. А. КУЛАГИНА
Художественный редактор С. М. ПОЛЕСИЦКАЯ
Технический редактор А. В. ЛАРИНА
Корректор В. С. ФЕНИНА

Сдано в набор 19.06.80. Подписано в печать 23.01.81. А02517. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская, № 2. Высокая печать. Школьная гарнитура. Усл. печатных листов 11,16 (с вкл.). Учетно-издательских листов 12,08 (с вкл.). Тираж 65000 экз. Заказ № 1971. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

1 р. 40 к.

